

Предисловие

Мы долго ждали этого события. Наша землячка — астраханка, писательница, ныне живущая и работающая в Саратове, — Гультара Сагиндыковна Туктарова (Суйналиева) порадовала новым произведением — романом «Два берега». И название, и содержание произведения олицетворяют и раскрывают важный и глубинный смысл: про войны правителей и про дружбу и любовь между людьми. Роман — о связи поколений волжан, их мирной жизни, их хозяйственном укладе. А ещё — о семейном негромком бытии и о шумных походах с набегами.

Столь же изящно выписано переплетение судеб героев романа. В первую очередь, Мариам-Анны, дочери ногайского мирзы Бекбулата и его супруги Галимэ, дальней родственницы казанской царицы Сююмбике, и Ивана Устюгова, сына Петра и Марьи из Крутого Яра, станции новоповерстанных казаков волжского левобережья. А также родных из близкого окруженья этих главных персонажей.

Благодаря хорошо известному в России литературному журналу «Аргамак. Татарстан», листаем страницы романа, по сути дела, ключевые страницы тюрко-славянского кочевого, полукочевого и осёдлого (аграрного, речного «ловецкого», служилого) освоения побережья Волги и окрестных просторов. Писательница, уважаемая Гультара Сагиндыковна хорошо знает русскую традицию пойма и дельты. Особый же её интерес — связи с кочевыми ногайцами и осёдлыми татарами. Поскольку в одном тюркском этносе она сама имеет корни, а с другим, тюркским же, связана по линии мужа.

Повествование разворачивается в самой середине XVI века на обширнейших просторах левобережья, то есть на восточной, «луговой» стороне Волги: от Казани до переправы на саратовское городище Увек — Укек. И южнее — до выхода тогдашних малых судов с «переволоки» под будущим Царицыным, охраняемой стрельцами и ранним казачеством между Доном и Волгой. А после — до только что основанной российской Астрахани, быстро обустроившей свой, пока ещё деревянный, кремль, заполнявшей посад и разноязыкие предместья. И вплоть до «хазарского», каспийского взморья.

А восточнее, в стороне (это три с небольшим дня пути для конного отряда), в красивых степях археологически богатой оконечности Общего сырта, «меж Узенями» до Рын — барханов, располагался ногайский кочевой аул, становище знатного и богатого мирзы Бекбулата, отца главной героини. Он долго искал свою дочь, унесённую скакуном

в неизвестную даль, заболевшую, но благополучно нашедшуюся в поселении "урусов" три года спустя.

Исторический фон событий выписан в романе вполне основательно. Весьма точно намечен и прослежен ход присоединения к Московскому государству ханств с центрами в Казани и Хаджи-Тархане (прежней Астрахани). Как раз в описываемые годы (1552-58) состоялся первый раскол единой Ногайской орды на две, тоже весьма крупные: «Большую» у рек Волги и Джайыка — Урала (дружественную России) и «Малую», откочевавшую к Кубани в подданство крымского хана и турецкого султана. Упомянут автором в этой связи и разлад среди ногайских мурз из разных ветвей потомков эмира Эдигея (Идиге) после гибели Мусы, бия Орды, произошедшей в 1554 или в 1555 годах.

«Крымско-кубанский фактор» тоже отмечен в авторском изложении, хоть и вскользь. Не так уж далеко от описываемых мест располагались всегда беспокойные Приазовье и Причерноморье. Эмиссары оттуда подстрекали и большеордынских ногайцев, а целые улусы и родовые группы брали — и «уходили в Крым». Малая орда ногайцев (иначе — "Казыев улус") сражалась постоянно и с соседями — горцами, и с русскими, и со своими сородичами: конница её несколько раз (даже и при Петре I) доходила, минуя Саратов, почти до Пензы.

Уводила Орда с Руси большой полон, но оставляла она и своих ногайцев, пленённых царскими воинами, а в саратовско-пензенских селениях — служилых татар, мишарей, поселяемых властями на рубежах тогдашнего «Дикого поля».

Зато тянулись подопечные других мурз под защиту крепостных стен Астрахани... Автор романа верно называет среди них родоплеменные группы: сначала "канглы-коньга", а затем "джетисан-келечй". Не утихали кровопролитные столкновения и по окружающим Волгу и её дельту степным и пустынным просторам. Предостаточно бывало и эпидемий, а также снежной бескормицы.

Жизнь, конечно, не завершилась эпилогом романа. Восстания и смуты, кровавые столкновения по всей описанной территории принёс XVII век. Но назревал и переломный для региона «век развития» — XVIII. И к памяти о его свершениях обращаются всё чаще нынешние астраханцы.

Какие же дальнейшие события увидели своими глазами в астраханской жизни правнуки и праправнуки Ивана Петровича и Анны-Мариам Бекбулатовны? В прочный камень оделись стены волжских крепостей. Прощённая царём Петром мятежная в прошлом Астрахань ровно триста лет назад стала центром обширной губернии — и к юбилейному празднику (ноябрь-декабрь 2017 г.) готовится весь наш многонациональный регион.

Ранним летом 1722 года император Пётр Великий прибыл в центр подвластного ему Нижневолжья во главе мощных армии и флота, направляясь в Персидский поход.

Сопутствовала вооружённой рати и большая группа "лашманов" (слово пришло из голландского и немецкого языков) — служилых казанских татар из свободных крестьян, назначенных обслуживать военные корабли Адмиралтейства. А в походной топографии военной экспедиции вышла в Астрахани первая в мире печатная брошюра на тюрко-татарском языке — «Манифест о вступлении в поход». Благодаря казанским коллегам, мы, астраханцы, имеем теперь у себя копию этого документа. Так и остались многие из служилых татар жить в низовьях Волги и на Северном Кавказе, постепенно сблизившись с местным населением и сблизив его тюркские этногруппы между собою.

Особая судьба была и у первых казаков Царицына и «переволоки». Казачество не зря носило тюркское название: жизнь постоянно связывала его с соседями — кочевниками и полукочевниками. Интересующее нас «Волжское», или «Волгское», казачье войско при императрице Екатерине было разделено. Основная часть его была перемещена на

«Кавказскую линию» по реке Терек под новую тогда крепость Моздок, где представители всей массы этносов до сих пор на праздниках по-ногайски поют. Оставшиеся же «волгские казаки» вошли в войско Астраханское, со станицами вдоль реки до пригородов Саратова. На освобождённые ими прибрежные земли вблизи Царицына стали селиться, тоже для службы, татары-мишари из Мордовии и из-под Пензы.

От Кизляра и Прикаспия, где поселившиеся рядом ногайцы и татары петровского похода перешли на кумыкский язык, как родной, от Моздока осуществлялось всякий раз при объявлении войн наступление на турецкие и крымские владения. Не раз ногайские улусы из состава кубанской Малой орды попадали в плен или же сами шли к Волге — земле их предков. Была среди них и группа «карагаиш», хорошо сохранившая диалект и важные древние традиции ногайцев, выдвинувшая из своей среды ряд видных деятелей этнокультуры, к которой наша писательница, собственно говоря, и принадлежит.

«Эби-патша (Бабушка-государыня)» установила формы управления крымскими и волго-уральскими мусульманами, с участием их собственной знати. Только её генералы и атаманы сурово наказывали тех, кто принимал присягу на верность империи, а после поднимал восстание с убийствами и набегами, откочёвкой «к туркам» за реку Кубань. Но с середины 80-х годов XVIII столетия императрица Екатерина II несколькими Указами (прочитанными нами, по нашему студенческому везению, зимой 1973 года в копиях Астраханского Госархива), наделила удобной землёй «карагаишей» в Красноярском уезде губернии, повелела им обустроить два главных селения...

А дальше пришли времена уже близкие нам. С новой, приграничной ролью в РФ и СНГ полиэтничного Астраханского края, готовящегося сейчас к важному юбилею. Производство Гульсары Сагиндыковны Туктаровой-Суйналиевой оказывается как нельзя более «к месту» в общей канве современных свершений. Да, исторические романы — жанр сложный и совершенно особый. А «этноисторическая» российская романистика, думается, ещё только начинает складываться. Пусть же авторские «Два берега» займут в её перечне достойное место.

Большое дело сделано автором — притом талантливо и добротнo. Но ведь творчество вообще безбрежно — и многое ещё намечено на горизонте. Теперь дело за реакцией читающей публики, за изданием полного текста и ещё за его переводами. Считаем уверенно: произведение явно призвано «завзвучать» так же и на тюркских языках, на каких изъяснялись сами его персонажи.

А сейчас искренне и от души пожелаем нашей землячке, уважаемой писательнице — сил и энергии, творческого вдохновенья и новой удачи.

Виктор Михайлович ВИКТОРИН — кандидат исторических наук, этнолог и краевед, доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета, председатель Учёного совета Астраханского государственного объединённого музея-заповедника.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Летит и кружится земля, солнце расплывается в зарево, заполняет обжигающим светом пространство, ветер, кажется, сдирает кожу, до того он горяч и зол, и только ровный цокот копыт, убаюкивая, спасает от кошмара раскалённой степи. За гриву лошади, которая всё бежит и бежит, изо всех сил цепляется девочка.

Но вот повеяло прохладой, поток влажного воздуха принял в свои объятия колеблющиеся тени и вернул им прежние очертания... Маленькая всадница с трудом разлепила глаза, увидела совсем близко серебристую полоску реки и в дикой жажде потянулась к воде. Страшно отпустить руки, оторваться от надёжной опоры, но жажда ещё сильнее. Она со стоном свалилась с лошади на песчаный берег. Ползком добралась до воды и, даже не напившись вволю, вдруг застыла в глубоком обмороке, устремив детское лицо к ненасытно-горячему небу. А оно высоко обливало ярким светом распластанную на берегу фигурку девочки и припавшего к воде белого коня.

Жизнь и смерть склонились над телом, прислушиваясь к слабому дыханию. «Ты устала, ты очень устала, отдохни, оставь этот зной, я дам тебе прохладу и покой!» — шептала безликая смерть. Но цепкая жизнь заставляла сквозь туман беспамятства биться жилкам крови, заполняла бесконечной тоской по родному краткие мгновения пробуждения. Как подгоняет река к берегу волны, так неугомонная жизнь подгоняла к угасающему сознанию образы и воспоминания. Вот одна тень оказалась живительной — «Анэ!»¹ Тёплые нежные руки обнимают, прижимают к сердцу, сухие губы целуют в закрытые глаза: «Девочка моя! Где ты?» И дрогнуло сердце в ответ, забилось прерывистым током горячей крови... И смерть, стоявшая в ожидании покорной души, равнодушно отвернулась от дыхания и испарилась в знойном мареве. Хватит ей других жертв, сегодня богатая жатва, целое поле неостывших тел ждёт её последнего поцелуя.

«Анэ! Анэ!» — шептала потрескавшимися губами девочка. Прохладная вода омывала её ноги, полоскала подол длинного платья, влажный песок, словно мягкий ментер², покоил разбитое тело. Не было сил поднять руки и закрыть лицо от палящего солнца. Сквозь радужные круги перед глазами, словно во сне, стали проплывать лица...

Вот отец, важный, рано поседевший, проходит в главную юрту, а за ним идут странные люди с крашеными бородами и руками. А это сестра, красавица Мадина, низко опустив голову, мелко перебирая ногами, плывёт между женг³. Косы чёрными змеями бьются по спине, тонкий стан перехвачен узким обхватом каптала⁴, под ним — богатое платье с длинными широкими рукавами, а высокий девичий убор, кажется, сейчас слетит с её головы. Сестра никогда не замечает маленькую Мариам, а тут оглянулась и даже улыбнулась.

«Какая она красивая!» — не перестаёт каждый раз удивляться маленькая сестрёнка. И вправду, белолицая, большеглазая, с чёрными дугами бровей, с пухлыми яркими губами Мадина очень хороша, особенно, когда улыбается. Говорят, что она в мать, такая же красавица, только слишком гордая. Матери не видно, она редко выходит из белой юрты.

Вот и бабушка в зелёном платье, которое надевается только по праздничным дням, шагает, переваливаясь, между старухами. Мариам подбегает к ней. «Уйди с глаз долой!» — шипит та на внучку. Горькая обида подкатывает к горлу, девочка начинает задыхаться и отбегает в сторону: ей плохо — только на днях она встала с постели, пролежав в болезни почти месяц. Кто-то хватает её за руку и тащит за юрты. Это вторая сестра, Фатима, любимица отца и горе матери. С растрёпанными косами, с грубыми руками, с вечно оборванным подолом платья, гоняющая на лошадях не хуже любого джигита, сестра не похожа на дочь знатного мурзы⁵ Ногайской большой орды.

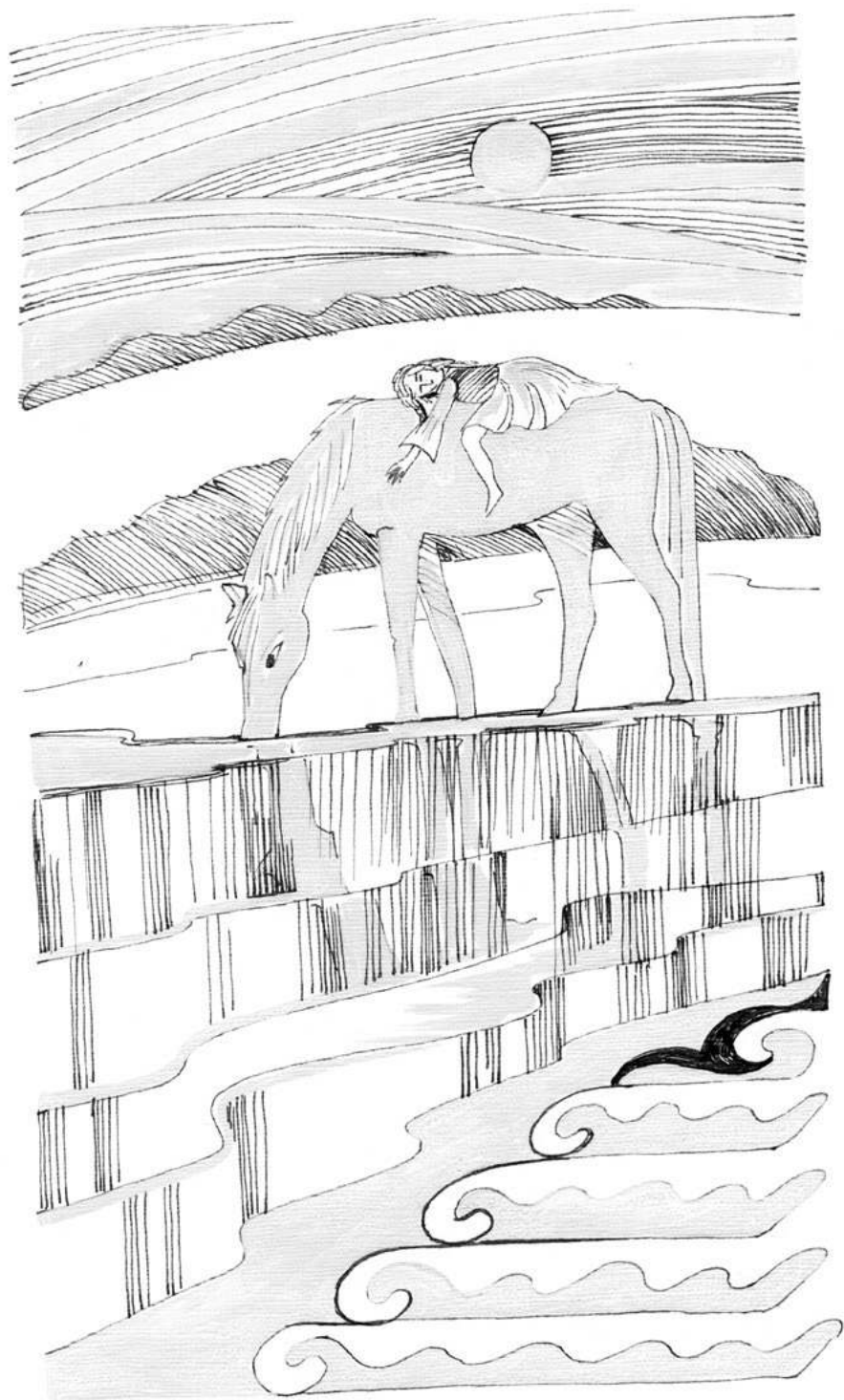
¹ Анэ — мать.

² Ментер — набитый овечьей шерстью небольшой матрас для сиденья.

³ Женге — жена старшего брата или старшего родственника.

⁴ Каптал — безрукавка.

⁵ Мурза — средний аристократический титул, ниже бия, нурадина.

Возраст девичий, пора бы замуж выходить, а Фатима носится вдоль аула на коне, громко смеётся, умеет загнать зайца, легко управляется с отарой. Если бы не заступничество отца, то девушку давно бы засадили за прялку. Мариам любит Фатиму: та ей рассказывает смешные сказки, катает на лошади, а один раз взяла её с собой к реке.

— Что, малышка, обижают тебя? Я твоего обидчика на аркане протащу сквозь тургай¹! — Фатима скалит зубы, изображая злую собаку.

Мариам смеётся, представив грузную бабушку на аркане. Фатима продолжает:

— Сестру замуж отдадут, заберут, наконец, от нас! Пусть новые родственники с ней мучаются!

Две старшие сестры не очень ладят, хотя в короткие периоды перемирия нежны меж собой, доверяют друг другу девичьи тайны, любят обсуждать молодых женге и местных джигитов. Но слишком гордый нрав одной и упрямство другой быстро приводят к размолвкам.

— Богатые, из Казани приехали! Ехали через всю степь за головной болью! — В голосе Фатимы слышится досада. Мариам любопытно: радуется сестра или злорадствует.

— Пусть уезжает, она злая, — заискивающе поддакивает младшая сестра, — анэ никогда её не любила!

— Уходи отсюда! Что привязалась ко мне! — вдруг резко отталкивает её Фатима и, рыдая, убегает куда-то.

Бродит с отяжелевшей головой больная девочка среди шумного аула, но никто не обращает на неё внимания. Тогда девочка решает уйти, куда глаза глядят, раз она никому не нужна. «Пусть ищут меня долго-долго, найдут мёртвую, и будут плакать от горя! И анэ пожалеет, что оттолкнула меня! И мама пожалеет, что бросила меня!...»

Нашли Мариам на второй день у реки. Девочка была жива, но ничего не помнила. Чтобы отвести от себя наказание, нянька заявила, что девочку заманили шайтаны². Хотя никто болтливой старухе не поверил, но осталось за Мариам прозвище, втихомолку произносимое, когда она проходила мимо, — «замороженная».

Вдруг Мариам ясно вспоминает начало этой истории: отец стоит на коленях перед бабушкой. Девочка сидит в углу за сундуками, где её никто не видит.

— Матушка, не обижайте сватов, умоляю, выйдите к людям!

— Ты умеешь кланяться врагам! Быстро ты забыл брата! Убийцам отдаёшь свою кровь! Пусть собаки грызут таких сватов! Сам женился на приبلудной, так и дочь бросаешь волкам!

— Никто не видел, кто убил Арслана. Сам Исмаил-бий поклялся, что в тот день уруссы³ напали на брата. Нельзя отказывать Али-Акраму, вокруг вражда и война, сотрут нас и развеют по степи, как пепел!

— Вот как заговорил! Уруссы! Всё списываете на урусов! А почему твой Исмаил-бий с ними дружит? Сплавили тебе полукровку, связали по рукам, вот ты и поёшь чужие песни! Сидит чертовка в юрте, глаз не кажет к дочери! Вот умрёт ребёнок, даже на похороны не придёт! — застарелая ненависть кипит в гневных словах старой женщины.

— Матушка! Галимэ полна уважения к Вам!

— Полна уважения! А почему жениться тебе не даёт? Разве плоха дочь Нурсултана, красавица?! А Нуржан, дочь почтенного Сабита, говорят, и красавица, и рукодельница! Не полукровки! И сыновей бы тебе понарожали, не как эта бездушная! Что скажешь? Мать не права? Где твой наследник? Где твои сыновья?!

¹ Тургай — небольшой кустарник.

² Шайтан — злой дух, способный принять облик человека, враждебный Аллаху и людям.

³ Урус — русский.

От каждого слова вздрагивает согнутая спина отца. Он крепко сжимает в руках борьк¹. Мариам никогда не видела отца таким униженным, ей хочется обнять его и утешить.

— Это я не хочу жениться, матушка, Галимэ тут не при чём. Нам нельзя идти наперекор — сам Али-Акрам просит руки Мадины для сына: она в Казань почти царицей пойдёт, властвовать будет, и нам защита. Ослабели совсем, десять сотен джигитов не наберётся. Не гневайтесь, матушка. Уважьте гостей!

— Значит, очень плохи дела, если ты, мурза, кланяешься целый час старухе? Есть новости? — мать протягивает руку к сыну. Тот садится рядом, поднимает голову и смотрит устало на старую властную женщину.

— Урусы строят города, Идиль² заполонили, сгоняют всех. И до нас доберутся. Сил мало, каждый сам по себе. Казань сильна. Можем уйти туда.

— Эх, время, время... Всё бежим и бежим, боимся... А раньше как бывало...

Старуха застывает в молчании. Мариам боится шелохнуться. Наконец, бабушка важно произносит:

— Выйду к гостям, но кланяться не буду. А твоя Мадина пусть помучает Казань, ей и быть царицей, уродилась такая! — и начинает смеяться, отбивая пухлыми ладошками по бокам, — Мадина им покажет, за всех отомстит!

Опять бредит девочка, опять запёкшиеся губы шепчут: «Анэ! Анэ!» И склоняется над ней доброе морщинистое лицо, целует в горячий лоб, гладит по щекам. «Забери меня, забери, анэ!» — умоляет девочка, но слышит её только белогривый конь, облизывающий свою хозяйку...

— Вот Акбала, твоя лошадка, будешь ездить верхом!

Девочка не верит отцу, она оглядывается на бабушку.

— Дочь мурзы должна уметь ездить на лошади! Это подарок от сватов тебе! — говорит отец.

— Она не кусается? — осмелевшая девочка тянет худенькие ручки к тёплым губам лошади. Её начинает переполнять головокружительное счастье, как в моменты встречи с матерью. Девочке легко ладить с умной лошастью. Все давно приметили, что Мариам понимает животных, как будто знает тайный язык. Это великий дар. Все собаки ходят гурьбой за девочкой, а самая бодливая корова обходит её на дороге.

С этого дня начинается другая жизнь, все внимательны к Мариам, она учится ездить на лошади, женге, молодые, смешливые, показывают ей рукоделие, позволяют нянчиться с малышами. Мариам чувствует себя взрослой. Только бабушка ревниво смотрит на новое положение любимицы, ворчит, но не смеет мешать воспитанию...

Широкое смуглое лицо с весёлыми щёлками узких глаз, небольшое крепкое тело, жёсткие горячие руки, — девочка видит сестру, свою защитницу от многих бед. Фатиме никогда не интересовали разговоры и взгляды, она ровно переносила любовь отца, воспитывающего её, как джигита, равнодушие бабушки и вечный страх матери за неё. Подружек у Фатимы не было, девочки её возраста, всегда занятые по хозяйству, побаивались резкой дочери мурзы, да и матери не советовали дружить с ней, втайне осуждая мужские повадки девушки.

Фатиме весело только с Муратом, они вместе учат Мариам верховой езде, скачут наперегонки по степи... Вдруг поползли липкие слухи: кто-то что-то увидел в кустарниках, вольное поведение подростков вызвало толки, и Фатиму отправили

¹ Борьк — меховая шапка.

² Идиль — Волга.

к женщинам перебирать шерсть, приставили следить за ней молодых женщин, говорили, что её отдадут замуж за старика.

Мадины уже нет в ауле, увезли её в куйме¹ в далёкую Казань, но кроме матери и Фатимы мало кто по ней скучает. Мать стала выходить из юрты чаще, один раз Мариам подошла к ней сама, и женщина зацеловала доченьку, крупные слёзы катились из тёмных глаз, она прижимала девочку к большому тяжёлому животу. Они никогда не говорили друг с другом, только раз за много дней приводили дочь в белую юрту, а потом вводили назад к бабушке.

Взрослеющая девочка понимала вкрадчивые разговоры, она уже знала, что бабушка выходила её в младенчестве после долгой детской болезни, когда молодая женщина отказалась кормить грудью третью девочку — она ждала мальчика. А потом Аллах покарал мать — все её сыновья умирали сразу. И сейчас, говорят, ждёт сына. «Поэтому она меня обнимает, хочет задобрить Аллаха», — иногда так думала Мариам, не переставая горячо любить родную мать.

Со жгучей злобой шипела бабушка о змее, о нелюбимой невестке, которая отняла мужество у сына. Сын был славный батыр², его имя гремело по всей степи, он безрассудно кидался во все сражения и проделки, не было счёта победам Бекбулата, пока властвовал его отец Казы-мурза. Вспоминали старые женщины синий дворец, большой город былого великолепия рода канглы³, когда не было равных им во всей степи. Сколько пленников таскало воду, сколько отар и табунов бродили по займищам, сколько тоев⁴ устраивали для гостей! И вздумал Юсуф-бий воевать с русскими, и других ногайцев подговорил. И полилась жаркая кровь на полынь, оттого она стала горька и седа. Пал в бою глава рода Казы-мурза, дед Мариам, и пришло в упадок его племя. Бросили родное стойбище, синий город, ушли подальше от беды. После смерти отца правил родом старший сын, мурза Арслан. Две жены у него было, две красавицы. Поехал молодой мурза высматривать третью жену, юную дочь родственного племени, уже и имя её забыла старуха, век бы не знать это проклятое имя. Не вернулся её кровинка домой, только пришли к ней другие несчастные матери, чтобы оплакать вместе своих сыновей... Стал главой юрта⁵ Бекбулат, остепенился, пора давно брать жену, а там и другую, многие князья не прочь породниться со славным родом. И тут, на беду, подвернулась эта полукровка, эта шлюха... У бабушки всегда меняется голос, когда она говорит о невестке, ни разу не назвала килен⁶ по имени, смотреть на неё не может. Посоветовал Исмаил-бий, шутя, мурзе Бекбулату взять в жёны дочь своего сотника, на которую заглядывался его собственный старший сын. Негоже брать князьему сыну дочь незнатного ногайца. И в наложницы нельзя, отец больно свиреп, убьёт, не задумается, за единственную дочь. Посмеялись, но Бекбулат решил посмотреть на такую недотрогу. Посмотрел, и как заболел. Сколько дней вымаливал он у матери разрешение на женитьбу! Как унижался! Говорила, бери второй женой, не буду противиться, пусть байбише⁷ станет девушка знатного рода. Или укради, сделай её наложницей, слова не скажу.

«В каком бреде уступила, сама не помню, видно, шайтан закрутил голову. И что он в ней нашёл? Говорила, прощу, если родит сына! Тут дочь, дочь, дочь! А эту сироту

¹ Куйма — свадебная повозка.

² Батыр — герой, доблестный воин.

³ Канглы — одно из ногайских племён.

⁴ Той — пир, застолье.

⁵ Юрт — род, владенье рода.

⁶ Килен — невестка.

⁷ Байбише — старшая жена.

она готова была порвать на куски, еле спасла от смерти! Верблюжонок мой, сердце моё!» — разговор всегда обрывался на нежном вздохе неугомонной души.

И Мариам, падая в сладкую дрему, начинала видеть сказочный синий город: сначала она бродит вокруг блестящей громады лазури, вода капельками обрызгивает её, словно тёплый дождь, рождаясь, как цветок, из-под земли... А потом девочке кажется, что она, как птица, взлетает над землей, внизу в слабом тумане колышется большой синий город, а вокруг бескрайняя степь, жёлтая-жёлтая...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Живей, братцы! Не поспеем до темноты! — подгонял гребцов крепкий русобородый молодец, сам усердно налегающий на вёсла.

— Ты, Петро, к Марье под юбку торопишься? — обернулся к водящему хитроглазый рябой казак, — Она, тоть, без тебя не управится?

Гребцы спрятали усмешку, не желая обижать Петра.

— Хватит, Егор, задираться, бабу мою не трожь, свою посторожи, Маланья-то и при тебе управляется, как хошь!

Тут мужики загоготали, видимо, зная про Егора и Маланью что-то особенное. Егор подскочил с лавки, двинулся было к обидчику, но резкий толчок струга опрокинул его назад, да так, что он ударился затылком о весло соседа. Назревала ссора. Артель, уже несколько дней бороздившая Волгу и возвращающаяся домой, уже устала, все были до крайности раздражены неудачным походом.

«Ой, ты волюшка вольная, Волга синяя, Волга синяя да раздольная!» — запел старый дед Алёха, который сидел на носу лодки. Несколько гребцов подхватили песню застуженными голосами. Песня росла, ширилась, тенорком влился слабосильный Егорка, низким басом бубнил его сосед Михаил, ровно вели мелодию братья-близнецы, неотличимые молчуны Степан и Семён. Но душой раздольной песни был сильный голос Василия, урядника. Все невольно заслушались и почти перестали грести. Уплыла последняя высокая нота, утонула в чешуе серебристой ряби матушки-Волги, благодарно вдохнувшей от великого дара. На минуту все замерли, именно в эту минуту донеслось до них ржанье лошади.

— Глянь-ка, кто там? Басурмане? — зашептались рыбаки.

Молодой и остроглазый Архип, оберегаемый всеми от тяжёлой работы за умение выглядеть в темноте любую тень, важно сказал:

— Коняга, один, да тряпка на берегу. Татар не видать.

— Видать, не видать... А, неровен час, наскочут из-за угла?

— Где той угол-то? Степь на три версты!

Между тем по молчаливому знаку Василия лодка медленно приближалась к берегу. Конь тоже нажива, если хорош.

— Знатный коняшка! Не дастся, поди.

— Татарская, наши не водят таких.

— А у есаула под седлом кто? Татарский конь!

— Стой, ребята! Вёсла держать, Петро, следи! Веревь не топчи! — распорядился властно Василий. И куда подевался задумчивый певун: глаза сузились, потемнели, коршуном встал на корме, хищный да сильный. На струге урядник отвечал за боевой ряд, а Пётр — за рыбный промысел.

— Стёпа, Михаил — со мной, а вам сидеть. Если что, то не ждите.

Не надо много слов знающим дело. Прыгнув сразу в воду, споро пошли к берегу. По невидимому знаку разошлись: Василий пошёл к груде тряпья, а другие двинулись к белогривому красавцу, который на удивление быстро был пойман. Михаил уже вёл под уздцы добычу, когда увидел на руках Василия девочку в длинном светлом платье.

— Тююю, кого споймал, Василь! Кабы осетра, а то девку. Живая?

— Живая! В беспамятстве, кажись...

— И что, на лодку её попрёшь, басурманку?

— А что, бросить живую на смерть? Сердце у тебя есть?

Василий стоял с ношей в руках и думал: «До урочища осталось немного, солнце уже клонится, берег здесь ровный, река глубока до берега, коня можно вести, степь ровная, засады не будет». Приняв решение, он скорым шагом двинулся к стругу. Михаил бросил верёвку через борт, сам забрался быстрым перекидом и молча ждал сотоварищей. Следом поднялся медленный Степан. Все обратились к Василию, который протягивал найдёнку гребцам. Никто не откликнулся. Брать басурманку с собой — это немисливо! Дед Алёха двинулся, перешагивая через вытянутые ноги гребцов:

— Убери грабли! Ишь, журавель какой устроился! А у тебя третья нога, что ли? Откуда растёт?

Все грохнули от смеха: о мужской силе малорослого Григория слышал каждый.

— Отдай-ка мне девку, какая махонькая да лёгкая, дитё совсем. Как внучка моя, Настёнка, только чернявая, подружка ей будет для игрищ.

Василий поднялся на борт, из-под светлых бровей оглядел товарищей, поди, заглянул каждому не в глаза, а в самую душу.

— Лошадь — артели, девку возьмём с собой, там решим.

Иногда не надо много слов, чтобы убедить в своей правоте, сильнее убеждения — твёрдый голос, властный взгляд. Быстро снялись с берега, ровно забились по воде вёсла. Застывшие от неожиданности ловцы через какое-то время стали тихо переговариваться. Близость дома, тихо надвигающийся вечер расслабляли души, слышались смешки. Смеялись по-доброму над смиренным Семёном, которого ждала молодая жёнка, над бобылём дедом Алёхой, советуя ему искать счастья у бабки Соловьиhi. Переговариваясь, будто по сговору, не смотрели на лавку, где лежала в забытии обожжённая солнцем девочка, но всё же исполдобья замечали золотые мониста на шее, жёлтые браслеты на тонких лодыжках и на запястьях, тяжёлые кольца серёг. Грязное платье было богато — шёлк, поверх что-то вроде душегрейки, красное, бархатно-парчовое, с золотыми застёжками. Прикидывали в уме, сколько на ней золота-то, чуть ли не пуд, знать, мурзы какого дочка, беды не оберёшься, коль узнают.

За последним поворотом потянуло домашним дымком, длинные тени деревьев коснулись вёсел. Лодка добавила ходу. И откуда только силы взялись!

— Рыбу на столы, к есаулу пойду сам, лишку не болтать, коня к Архиповым!

К Архиповым — это значило, пока скрыть: был у артели дальний сенник для такой добычи. Не впервой приводить коней с рыбалки.

На подходе к станице притормозили, прыгнул в воду Михаил, увёл коня в схоронку, от глаз подальше, мало ль чего, не надо мозолить глаза люду. Вот и долгожданный берег! Все подскочили, споро подхватывая и передавая крупную рыбу встречающим юнцам. Пёстрым кругом толпились бабы, но они не лезли в суматоху — каждому своё время. Вот пойдёт рыба помельче, и налетят на раздачу детвора да бабы, всё сметут, потащат по дворам потрошить да чистить. Только дед Алёха сидел на носу лодки, охраняя живую находку. Но никто не обращал на него внимания. К Василию подошёл Пётр:

— Куда девочку?

Василий был пришлый, служивый, жил сам на постое — ни кола ни двора. Говорили, что жена его умерла при родах, вот он и ушёл от горя в казаки. Не давали скучать ему местные бабёнки-вдовушки, но ни к одной он не шёл на руки. Куда ему сиротинку девать!

— Бабке Соловьихе отдать, ей все черти нипочём! — брякнул стоявший рядом Егорка.

— Отдай её мне, вѣхожу, не обижу! — не унимался Пётр.

— Вѣходит он! Марья и тебя прибѣт, и девуку пришибѣт! — не унимался Егор. Рыбаки, передав всю рыбу, потихоньку подходили к вожатому. Никто не спешил домой. Не в лодке, можно и слово сказать.

— Богатого дочка, мурзы али хана: сколько на ей побрякушек! Искать будет...

— Мы ж спасли дочку, не накинется.

— А вдруг помрѣт, да узнается дело?

— Да нет уж татар в околотке, погнали за Увек, отбилась малая.

— Марья обрадуется дочке, а Петру достанется!

Время было беспокойное, татары налетали тучей ниоткуда, также в никуда убегали, прихватив добро и пленников. Сколько уже сгнуло людей! Оставить при станции басурманку — залезть в петлю.

— Отдай! Помрѣт, хуже будет! Живая душа, поди! — взмолился Пётр.

— Бери покуда, да не жалуйся после. Ежели порешим отправить куда, не противься! Дед Алѣха! Отдай ребѣнка!

Когда Василий произнёс «ребѣнка», все невольно оглянулись на деда Алѣху с девочкой на руках, разглядели впервой спасѣнку — она была мала, худа, слабо дышала. Бабы, почуяв необычное, грудились неподалѣку, ждали, когда мужики начнут расходиться.

— Золото припрячь, мало ль чего.

— Сдать, что ль, есаулу?

— Сказал тоже! Припрячь, и всё!

— Приданое невесте будет! — съехидничал Егор, но никто не подхватил его смешок.

На том и порешили. Усталые рыбаки разбредались по домам невесѣлыми: и рыбы мало, всего несколько осетров, и татар не углядели, и незнамо кого приволокли. Кабы беды не вышло! Тут их стали цеплять жѣнки, дети. Старые, что сидели на завалинках, вставали, кланялись. И им дадут долю, вдовам да старым. Вечерело, зазвенели подойники, зазывали матери детей-пострелѣньшей домой.

За Петром увязалось несколько человек, больно занятно было посмотреть, как встретит Марья мужа с подарком. А Марья никогда не ходила на привоз, только дома за порогом обнимала горячо мужа. А тут будто чуяла. Выскочила из хаты и встала, как вкопанная: перед ней виновато стоял муж родной с живой ношей. За ним толпились выжидательно соседи. Марья, не моргнув глазом, степенно сошла с порога, поклонилась низко в пояс, распевно низким голосом сказала:

— Здравствуй, муж! С возвращеньцем! Выглядываем аж с утра, банька истоплена, мать в гостях дожидается.

И повела муженька домой. Постояли ещё под окном любопытные — тишина, ни крика, ни шума. Вот те Марья-крикунья! Как воды в рот набрала. Неужто приняла найдѣньша?

Пётр положил на лавку девочку, огляделся: прибрано, на столе ужин, мать-старуха смотрит молча из угла, Ванятки, сына, не видно. И Марья смотрит тяжело, покусывает пухлые губы. Лучше бы кричала. Не обняла, не суетится от радости, как всегда бывало, а молчит. Мать боится невестки до одури, тоже молчит. Ушёл в баню,

видел — из-за плетня глазают ещё. Молодец Марья, утёрла всем нос: в пояс поклонилась! Когда ж такое бывало!

— Батя! — налетел сын, — я не поспел к рыбе, за коровой ходил в займище.

Подрос Ванятка, волосы выбелились от солнца, глазами в мать — глубокие, синие. Покойница Наталья была синеглазая.

— Батя! А много наловили? А татар видели? А припоздали чего? — вопросы летят, как птички, голос то басит, то звенит — стал ломаться, взрослеет сын!

— Расскажу потом, жди меня!

Сын в хату не торопится, тоже мачехи боится, лишний раз на глаза не попадается.

Станица Крутой Яр кормилась Волгой. Жили здесь казаки, считались на государственной службе. Давно беглые лихие люди облюбовали высокий берег для временного пристанища да обжились. Тайком пробираясь в родные сёла, приводили жён да невест. Оглядываясь, осторожничая, сначала чувствовали себя гостями на богатой земле. Да и время такое — вокруг татарва, чуть ли не страшнее басурман свои злыдни-хозяева да царёвы приспешники, лютующие по городам и сёлам. Не от хорошей жизни бросались в бега землепашцы, становились «ловцами», вольными рыбаками. Забегали детки, заровнялась улица между плетнями, многолетней чешуёй покрылся берег, капустные ряды тянулись по задкам дворов. По весне сады наливались цветом, а потом вплоть до холодов радовали детвору сочными плодами. Хлеба сеяли мало, не родился он тут, приспособились менять на красную рыбу в других городищах. Но опасно было пускаться в дальнюю дорогу, поэтому часто сидели без хлеба, на одной рыбе. Тут-то и разыскали их царские слуги, гнать не стали, обещали хлеба за службу. Приехал есаул, поставили ему избу. Надо было следить за татарами, по надобности идти в поход на них. Так вольница стала станицей.

Кое-где сохранились временки — обмазанные глиной стены из плетня, наполовину врытые в землю, с плоской крышей. Теперь туда загоняют на отёл коров или держат птицу, а дома уже строят высокие, деревянные, с печью. Леса своего строевого нет, срубы по реке сплавляют от верха. Возни много, но зато какие избы встали улицей!

Старожилы вспоминали мор, когда слегли и не встали малые, в каждой семье оплакивали детей. Вспоминали лютую зиму, когда спаслись, набившись в избы по нескольку семей, под горою снега, рассказывали, как прорывали ходы, чтобы выйти к реке и за дровами в лесок. А как заводили коров, лелея каждого телёнка пуще собственного дитя! Это сейчас спокойно пасётся целое стадо круторогих ведёрниц, а тогда носили траву в дерюге, боялись, что волки задерут или убежит неразумная скотина. Лошадей добыли скоро, старики говорят, иногда пробегали целые табуны, лишившиеся в боях хозяев. Их выслеживали, устраивали загоны, заново приручали к седлу или к телеге. Позже заблеяли овцы, тоже добыча ночных походов. Несколько кур и петушок, кем-то принесённые из первых поселенцев, дали потомство, сегодня уже неисчислимо: в каждом дворе кудахтали и копошились глупые птицы. А вот гуси, по решению общины привезённые из соседнего городка в обмен на краснорыбицу, не прижились, хотя река была рядом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Марья знала все повадки мужа. Пока Пётр отсиживался в бане, она решала, что делать с найдёнышем. Несдержанная порой до грубости, Марья быстро вспыхивала, недаром её за глаза называли кипятком, за словом в карман никогда не лезла. Притихшая свекровь завозилась в углу:

— Живая? Помрёт, и в землю не закопаешь, у них, говорят, в степи бросают...

— Накаркаете! — Но страх перекрыл гнев, и женщина осторожно подошла к девочке, наклонилась и облегчённо вздохнула. — Дышит!

Марья, если принимала какое-то решение, то действовала мгновенно. И тут она рванулась к корчажке с водой, не думая, плеснула в лицо басурманке. Та сразу встрепенулась, закрылась рукавом.

— Вот и умылась с дороги! — ловкими руками Марья приподняла девочку, усаживая её на лавку. Увидев потрескавшиеся губы, опухшее лицо, задохнулась от острой жалости: дитё малое, обожжённое солнцем...

— На те водицу, попей... Пей! — ткнула корчажку к губам. Благодарно блеснули глаза на грязном лице. Вода потекла по подбородку — девочка даже глотнуть не смогла. Мария забрала посуду назад, бросила в сердцах обратно в деревянное ведро. Помыть бы девочку, вся в песке, да боязно — тело горит, пышет жаром. Всё ж стала раздевать, прикрикнула на старуху:

— Да помогите же!

Стали в четыре руки разбирать одежку. Сначала сняли всё золото. Дивились красоте украшений: узорное, с переплетениями, особенно удивительными были тяжёлые браслеты с рук. Бабка завязала богатство в платок, сунула узелок снохе, словно страшась такого богатства. А той, что золото, что камушек, лишь бы с глаз долой, сунула узелок в запечье.

— Портки какие, шёлковые да в полосочку, — удивлялась старуха. Сняли безрукавку, тяжёлую от всяких золотых и серебряных украшений по краям. С платьем повозились, девочка ныла от каждого прикосновения. Но сняли и платье, под ним было исподнее, вроде рубахи, серое, тонкого полотна.

— А говорили, как нелюди ходють, не моются и бельё не носят, а тут тельце белое, худущая!

И вправду, девочка оказалась до того худа, что косточки просвечивали, а телом была не чернява, а бела. Обмыли кое-как тёплой тряпочкой, завернули в старый сарафан.

— Молочка ей надо, молочко силу даёт, — шамкала свекровь.

Дали молока, уговаривать не пришлось — так жадно припала к молоку, как телёнок к мамке.

— Воду не стала, а молоко-то пьёт, — бурчала хозяйка. — Пей, пей, своё молочко, не жалко!

Мужики давно стояли за дверью, ждали, когда можно будет войти. К Петру заглянул в баньку Василий и шепнул:

— На меня кивай, мол, Василий заставил взять. Есаулу обсказал, думку думает, пойдёт с Маланьей совет держать. Коня, сказал, сплавить надоть, оставлять нельзя, видный конь, но запалённый, в городище продадим. А зря. Здесь бы и не нашли. А там увидят, концы отыщут... А Марье своей скажи, хлеба добавим, пусть оклемается у вас, узнаем, чья будет, ежель мирного татарина, то и отправим домой.

Ладно говорил Василий, но сам не верил ни во что, уже и жалеть начал, что приволок головную боль.

— Небось обойдётся! — и, махнув рукой, ушёл в проулок.

Ванька угорал от любопытства, но с вопросами не лез, вытягивал шею и прислушивался к возне в избе. Вошли. Было уже темно, лучину пора зажигать. Молча сели за стол вечерять. Мария подала отварную рыбу, репку запаренную, в кринке белело молоко, хлеб чернел горкой да перья лука были сложены на краю стола. Вот и нехитрый ужин семьи. «Даже пирог не испекла!» — с детской обидой подумал Пётр. А пирог

был, ждала мужа Марья, старалась, капусту молодую притомила да начинила сдобу, но подавать не спешила. И жевали все молча в почти полной темноте. Ваня не сводил глаз с лавки, где лежала девочка. Трудно было что-то разобрать в груди тряпья, но жгло любопытство. Заметив его вытянутую шею, мачеха вскипела:

— Смотри, смотри, тятка тебе сестрёнку наловил! Басурманку узкоглазую, нехристя! — Смотрела на мужа в упор, будто швыряла в него словами. — Самим исти-пити нечего, двор зарос, мужик от двора бегает, в реке живёт, а вон, принёс добычу! Майся тут, жёнка, корми-пои да обстирывай! А придёт орда! Порубят нас за детёныша, убьют почём зря! — и сорвалась на плач, причитая, как по покойнику. Пётр спокойный, но если разозлится, то краю нет. Не углядела Марья, когда стал приподниматься муженёк, не видела, пока выла, что кулаки начал сжимать да шею набычивать. Поздно опомнилась — муж скидывал уж всё со стола, рвался к ней с мутными глазами, достал до волос и давай хлестать её в дикой ярости. Мычал, дыхания не хватало:

— Ты хозяйка?! Попрекать меня, попрекать меня?! Ваньку замучила, мать загоняла, убью!

Ванятка кинулся под руки, отнимает мачеху, и ему перепало, отец двинул так, что отлетел к печке. Опять полез, висит на руках: «Тятя, тятя!» Пётр грохнул напоследок, в сердцах, ногой по лавке, ушибся сам, стал отходить. Тяжело дыша, смотрел на жену, валявшуюся на полу с растрёпанными волосами, на онемевшую мать, на сына, сжавшего кулаки... Дурь отступала, душно колотилось сердце. Вот так всегда, не помнит себя в ярости. Добро, когда в бою, а дома...

Сел. Марья и выть уже боится, собралась-поднялась, начала убирать посуду и сор с полу. Мать кинулась, зажгла лучину, только сын смотрел прямо на отца, готовый снова повиснуть на руке. Ушёл во двор. Ведь знал, что не примет жена найдёныша, почему сам назвался в охотники, не понимал. Жалко стало умирающую девочку. Детей своих схороненных вспомнил. Думал, что Марья тоже пожалеет. Живут справно, не голодают, слава Богу. А Маша не злая, он-то знает, боится только показать свою доброту, прячется за грубостью, как за щитом, а ночами, бывает, плачет. «Что с тобой, Машенька?» — спросит, а она в ответ только обнимет горячо, спрячет мокрое лицо у него на груди...

Марья выгрэбла весь мусор, заново собрала на стол — тут тебе и пироги, и взвар из вишни с мёдом, и крынка неснятого молока. Виноватится Пётр, но виду не подаёт, в избу не спешит. Жена сама вышла к нему, подошла близко, не боится, знает, что уже отошёл, заглянула в глаза:

— Иди за стол, пироги стынут.

Лукавит жёнка, говорит так, будто только пироги из печи вынула, будто не было крика и боя. Уж потом отыграется, ох как отыграется! Квасу поднесла:

— Угорел, поди, в бане, жарко натопила, сама помыться не успею уж...

Хитра, хитра женщина, всегда обойдёт неласкового мужика... Услышит он скрытый призыв: проводишь, мол, в тёмную баньку, да спинку потрёшь и от ласки не уклонишься...

Ночь примирила всех. Сладко уснул Пётр, довольный женой, всхрапывает на подстилке гостя — мать-старуха, Ванятка разметался на постели... Только Марья никак не может успокоиться, у ней думки про завтра. Добро бы только с мужем разбираться, так вся станица ждёт, как обернётся история с неожиданным подарком. Кабы нашенскую приволок, и то легче, что не приняла, вон сколько бобылок, переплавили бы им да не судили — у каждого свой склад. Так ведь несхристь в дом принёс! А она маленькая да худющая, да побитая скачкой. И никто не возьмёт некрещёнку. Можно, конечно, покричать у есаула, но увезут тогда в городище, а как по дороге девочка

помрёт... Своих четверых отнесла на кладбище, до месяца не доживали, одна только за год переступила, уже ножками пошла, но лихоманка в зиму унесла ребёнка, только колыбелька пустая осталась. На ночь Марья укрыла девочку, хоть та пылала жаром, и тряпицу мокрую ко лбу приложила, прислушалась, как постанывает во сне басурманка. «Анна! Анна! Анна!» — слышится женщине.

«Может, мать у ней русская, вон, беленькая тельцем какая, много наших баб за татарами живут, каждый год они утаскивают девок...»

Тут и нашла решение Марья: «Скажу, мать у найдёнки русская, крестик при ней наша, убежала с матерью от татар да отбилась, или мать померла по дороге». Как она узнала о матери и обо всём прочем, о том уже Марья не думала, заснула сразу, как провалилась в сон.

И приснилось ей детство, смутным облаком — мать родная да она сама, всё идут, идут куда-то, а дойти не могут...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Разбудили Мариам петухи. Свет молочным потоком лился через мутное окно, все ещё спали. Странно и страшно было просыпаться от непонятого крика среди чужих людей и незнакомых вещей. Утро в ауле начиналось мычанием коров, ржанием и топотом табуна, щёлканьем кнута пастухов. Это были родные привычные звуки, под них больная девочка могла спать ещё долго, пока бабушка не будила. Мариам стала вспоминать события последних дней.

Весь аул тронулся на летние пастбища, джайляу. Это был праздник для всех — оставляли зимние домики-мазанки, вытопанные на много вёрст вокруг земли. На этот раз их аулу повезло, они пришли на низину, река была недалеко, не отгоревшая степь серебрилась во все стороны ковылём.

Мариам пошёл двенадцатый год, хотя на вид она была совсем маленькой. Обучение, прерванное болезнью и зимой, продолжалось: дочери мурзы, как и любой ногайской девушке, надо было знать женские ремёсла, секреты готовки, уметь ухаживать за малышами. Акбала ждала любимую всадницу, каждый день Мариам скакала вокруг аула. Произошли события, изменившие жизнь юрта, — у мурзы родился сын! Хоть и не верили многие, что очередной наследник выживет, но вопреки всем прогнозам он жил, рос, требуя громким криком молока и заботы. По ору старухи определили — будет жить, станет властелином, батыром. И имя подобрали великое — Юсуф. Бабушка радовалась, но ласковее к снохе не стала. Мариам даже казалось, что бабушка недовольна рождению внука — попрекать килен стало нечем.

Вторым событием стало сватовство к Фатиме. Старый вдовец, мангыт¹ Мансур решил породниться с родом Бекбулата и прислал сватов. Видимо, дошли до него слухи о чудачествах невесты. Подарки для новой родни были скудные, о калыме торговались долго. Наконец, всё было решено, и началась подготовка к свадьбе. Мариам плохо помнила свадьбу старшей сестры Мадины, тогда сторожили маленькую беглянку, не выпускали далеко от юрты, лишь на проводы попала: столько верблюдов, столько нарядных всадников — степь гудела от крика и топота.

Настала очередь Фатимы. Чтобы поддержать честь рода, Бекбулат выделил целое стадо для забоя. Под навесами множество казанов кипели с верблюжатинной, с бараниной. Из конины за три дня вперёд наделали казы². Гости из других родов и богатые

¹ Мангыты — один из родов монгольского происхождения.

² Казы — традиционная колбаса из конины у ряда тюркских народов.

аульчане сидели в больших юртах и объедались мясом. Другие праздновали на воле, на кошмах¹ за большим дастарханом². Отовсюду слышались песни, смех. Брал за душу кабыз³, звонкоголосо разлетаясь по степи. Тогда и услышала Мариам легенду о ногайцах, запомнила её на всю жизнь от первого до последнего слова:

Время струилось золотым песком через золотые руки солнца. Замирали перед бесконечностью все желания и страдания. Как большая больная верблюдица, рыдала великая степь по погибшим детям.

Лишь одна живая душа уцелела от огнедышащего пламени судьбы и укрылась под крыльями ночи у подножья съеденной горы, у камней, истолчённых в песок на дне моря, высохшего от великого огня. Это был мальчик, не ставший воином, не обагривший руки в крови, не успевший выпить из кубка страстей, тёплый комочек человеческой плоти. И уготована ему была участь остаться у края бездны, чтобы запомнить гибель рода, а потом и самому истлеть от одиночества.

Выла синяя небесная волчица по щенятам, выхваченным в бурю от сосцов и брошенных в пучину, выла мать-волчица по прошлому и по будущему...

И сошлись два горя в утешении — нашла мать-волчица дитя человеческой утробы, а сирота племени людского — звериную любовь и заботу. В центре выжженной земли по капле сладкого молока выживала кровь, росла сила, сохранялась любовь. Горячие ветры сушили горе, нежная луна грела в холода, а тёплый снег поил жажду. И увидело однажды беспощадное солнце, что не высохло семя, должное исчезнуть, что выросло дерево на песке пустыни, и взяло назад свой гнев, стало равнодушно поднимать и опускать взор над жерновами времени, сеющего песок из бывших гор.

И народились от крылатой синей волчицы и от юного мужчины девять сыновей. Через много лун вышли они из великой пустыни к народам и стали племенем неистребимых батыров, отцами великого ногайского рода.

Отдать дочь мурзы вдовцу, похоронившему уже двух жён, небогатому, не родовито-му, было обидно для древнего рода. Но выбирать не приходилось: степь слухами полнится, а про Фатиму знали многое. И не красавица она была, которой многое простительно. Поэтому и сластили обиду большим тоем, громкими песнями и хорошим приданым.

Даже богатый свадебный убор не мог скрыть неуклюжесть Фатимы в праздничном платье: её тёмное лицо блестело от жира, узкие глаза потуплены вниз — вся в отца, только ровные высокие дуги чёрных бровей — от матери. Этот лучик от красоты матери странным образом придавал девушке милое выражение задора. Мариам подошла к сестре, чтобы проститься перед разлукой, и заплакала, прижавшись к бархату праздничной одежды.

— Ну что ты, сестра, плачешь! За меня не бойся, я там оседлаю и коня, и мужа, — весело шепнула Фатима, и карие глаза её по-прежнему лукаво заблестели под тонким покрывалом.

— Ты красивая сегодня! — ласкалась сестрёнка к невесте.

— Чёрная, как хромая лошадь Даута? — засмеялась Фатима. — Иди, приедешь скоро в гости, посмотришь на красавицу!

И уехал свадебный караван, оставив за собой заплаканных женщин. В куйме дремала спокойная невеста, удивляя своей беспечностью сопровождающих.

¹ Кошма — войлочный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

² Дастархан — скатерть.

³ Кабыз — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Через месяц их пригласили к новым родственникам, прислали богатые подарки. Все изумлялись неожиданной щедрости, а Мариам, вспомнив прощальные слова сестры, про себя смеялась: «Оседлала старика!»

Чтобы не ударить в грязь лицом, собрали сватам достойные подношения: отрезки дорогой ткани, расписную деревянную посуду, оружие, мёд. Аул проснулся затемно. Все разоделась, несмотря на жару, в праздничные тяжёлые наряды. Тщательно одевали Мариам — ещё одну будущую невесту: пусть увидят, что много золота и серебра у рода Бекбулата. Одежда понравилась Мариам, она с удовольствием гладила рукой новый каптал и платье. Неудобно было с украшениями: серёжки оказались тяжёлыми и больно оттягивали мочки ушей, браслеты соскальзывали с тонких рук, пришлось их заменить. На головном уборе звенели монетки, нанизанные по краям, на вороте платья блестели нашитые золотые пластинки. Наконец, выехали. Впереди ехали мужчины, маленького Юсуфа вёз в колыбельке за собой сам отец. Мать, похудевшая, по-прежнему привлекательная, ехала недалеко от младшей дочери. Незаметно подъехала к ней, загляделась на тонкую фигурку, на ясные глаза.

— Не устанешь, джаным? — негромко спросила мать.

— Я давно научилась сидеть в седле! — с гордостью ответила дочь.

— Осторожней! Лучше бы на верблюда села, доченька!

Сама Галимэ, ехавшая на верблюде, светилась от счастья: растёт, не болеет горластый Юсуф, долгожданный сын, Мадина благоденствует в Казани. И непослушную Фатиму хорошо устроили, пусть старик, но полюбил доченьку: как богато отдарился после свадьбы! И Мариам, её вечное тайное страдание, стала почти невестой, перестала болеть. Вот и едет, качаясь на белой верблюдице, вся во блеске богатства и красоты, счастливая мать. Но не знает, что сказать дочери, не умеет с ней разговаривать.

— Анэ говорит, что нас пригласили в Казань! И меня, может, возьмут! А Вы поедете?

У Галимэ кольнуло сердце, — она не знает новостей про собственную семью, опять от неё всё скрывают, и заметила в который раз, что Мариам её никак не называет, а к бабушке обращается «анэ», называя её матерью при живой матери... Чувство радости и счастья улетучилось сразу. Подкатила обида, змейкой перехватила белую шею, стала душить...

— Хотите урюк? Он такой сладкий! Как наша Фатима из кислого старика такой сладкий урюк выжала? — Мариам подъехала близко к матери, сунула ей в руки тёплую горсть сладости.

И снова засверкало солнце, улыбнулась женщина вниманию дочери, её незаметной ласке. Одно слово «наша» опять тайно сблизило две души. Бабушка издалека ревниво наблюдала за ними. Долго терпеть она не умела, поэтому подозвала одну из женщин из свиты, велела ей передать внучке наказ вернуться на своё место. А сама со злорадством наблюдала, усевшись удобно между мягкими горбами верблюда, как униженно опускает голову нелюбимая сноха. И не заметила, что Мариам на миг коснулась руки матери горячей липкой ладонью, извиняясь за слова бабушки.

Но в девочке тоже бушевали страсти, она любила и бабушку, и мать, ей было невыносимо больно наблюдать вражду между ними. «Всё из-за меня!» — думала несчастная девочка. Откуда ей знать, что свекровь и невестка не уживаются во многих семьях, что такое соперничество ищет внешние причины, чтобы выплеснуться в колкостях, в обидных замечаниях и в злобных взглядах.

Мариам поскакала не к бабушке, а вперёд, поближе к отцу. Но её оттеснили джигиты, и всадница оказалась сбоку от каравана.

Страшно заглядывать в колодец воспоминаний... Помимо воли всплывают крики ужаса, клубы пыли, словно вихрь мчащийся по пустыне, суматоха и плач женщин, страшный клич битвы... Акбала, обезумевшая от криков, понесла всадницу в степь... Мариам, потерявшая голову, подстёгивала лошадь, желая убежать подальше от смерти... А потом, одумавшись, девочка пыталась вернуться, гнала и гнала коня вперёд... Очнулась у воды, смутно помнит как оказалась на берегу и лица незнакомых людей... В забытьи ей мерещилось, что она едет, покачиваясь, на верблюде. Потом страх разбудил сознание, и девочка увидела себя среди чужих мужчин на большой лодке, но ничем не выдала себя, стала наблюдать из-под полузакрытых век за незнакомцами. Со страхом, слушая грубые голоса, она пыталась что-то понять, но ничего не уловила из незнакомого языка. Одно было ясно — убивать её не будут. Недалеко сидел бородатый мужчина, молчаливый, но добрый, как почувствовала сердцем Мариам. К нему и потянулась девочка, молила безмолвно, чтобы он защитил её. Это был Пётр. Может, и вправду он услышал мольбу умирающей девочки, а может, и нет. Но именно он забрал её домой. Успокоившись, Мариам то впадала в забытьё, то вновь приходила в себя. И вот она проснулась в чужом доме с чужими запахами и с чужими людьми. Что будет дальше?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Щедрый август торопил сонное солнышко, выгоняя его на безоблачное небо, как выгоняют пастухи корову на выпас. Сначала разнежено, розово-ало, как молодая после сладкой ночи, солнце медленно выкатилось из-за бугра, начало округляться и уменьшаться, поднимаясь всё выше и выше, потом оторвалось от матушки-земли и поплыло звонким мячиком по небу, раскаляясь на ходу. Так же и Марья, разоспавшаяся после встречи с мужем, растрёпой походила по избе, но вдруг разом подобралась, взглянув на лавку, где птенчиком свернулась чужая девочка. Подошла, пощупала, жар спал. Выдохнула «Живая!» И забегала, накидывая на крепкое тело затрапезный сарафан, побежала доить Пеструшку, на ходу схватила со стола чашку с водой, плеснула в печь — домового водица. Ставили бабы на ночь воды и хлеба охране дома, чтоб от беды уберегал. Под ровный плеск молока решала, как не осрамиться перед миром, что же делать. Встала довольная — Пеструшка не дёргалась, полный подойник молока дала! — и поплыла павой к крыльцу. На выгоне Марью уже выглядывали соседушки, не торопились бежать по домам.

— С доченькой тебя! — не выдержала криворотая жена Степана Катерина.
— Завидуешь? — одним словом припечатала Марья — года не прошло, как Катеринка дочь схоронила.
— Живая? — с беспокойством спросила подруга сердечная Марфа.
— Что с ней станется, живая, Бог спас! Аней зовут, мать ейная наша, русская, — пропела Марья. Не только для Марфиных ушей, многие услышат, тут же разнесут по селу.

С Марьей редко кто вступал в споры, она могла перекричать любую бабу, при этом могла метко сказать обидное слово, так ловко приплести прозвище, которое потом другие повторяли по любому случаю. Может, кому и хотелось поговорить про найдёнку, но промолчали. Победно вскинув смуглое лицо, Марья вернулась к дому, чтобы покормить семью. Парное молоко и хлеб — вот и завтрак.

Всё утро Пётр томился в ожидании: Марьюшка молчала. Ванятка наскоро умылся, глотнул молока и засел за стол, стараясь не показывать любопытство. Девочка зашевелилась, застонала.

— А ну, вставай, соня-засоня! — подскочила к лавке хозяйка, — Вставай полегоньку да иди завтракать. Ходить за тобой некому, Аня, неча тут разлёживаться!

Мужчины переглянулись. Свекровь, уже почти переступившая порог (спешила к своему хозяйству), повернулась так резко, что не удержалась и упала.

— Ноги пошибаете, скажут, что Марья перебила! Что уставились? Анна она! Рыбу-то вчера никто не приволок, опять обошли! Почто на привоз не ходил, неслух? — и понесла-понесла всё, что накопело. Но краем глаза следила за мужем: как бы ни перехватить лишку. Рывком подняла послушное тело девочки, усадила ловко за стол, почти швырнула перед ней малую крынку с молоком. Девочка боялась поднять глаза, вздрагивала от каждого выкрика Марьи, но чуткое сердце подсказало, что нет злобы в резкой речи. И бабушка всегда ворчала на всех, часто кричала, но была добрее всех на свете. Руки в кровавых мозолях почти не слушались, но Мариам ухватила крепко посуду и отпила молока. Крикливая женщина сунула под нос ей кусок тёмного хлеба. Кислый запах был незнаком девочке, ногайцы не ели такой хлеб. Но она откусила немного от ломтя, проглотила, не прожевав, и опять припала к молоку.

— Вот те телёнок! — приснула вдруг Марья. И все разом за столом засмеялись.

Так стала приживаться в чужом доме, в чужом мире Мариам, которую переименовали с лёгкой руки Марьи в Аню. Ох, и непросто было семье, пуще всего от призора станицы, которая глаз не спускала с «родственников». Кабы не слыла Марья бой-бабой, не уберечься бы им от дурной молвы. Перешёптывались, в хату к ним, будто бы за огоньком, забегали, в глаза заглядывали, но ничего не угадывали. Не выпытать, что правда, а что Марья приплела! Общий сказ таков: мать найдёнки девкой забрали в плен, стала она женой татарина, родила девочку, а потом сбежала от мужа с приплодом, умерла по дороге.

Верилось, так и выходило — и в плен угоняли, и из плена бежали.

А как девочка первый раз выглянула на улицу (рядом Ваня идёт, сторожит), чуть ли не полстаницы высыпало посмотреть. Марья никогда ничего зазря не делала: загодя сшила сарафан названной дочери, искупала девчущку, косы заплела и лентой красной перевязала, лапти новые приобула да слух с вечера пустила через подружек и соседей — мол, завтра к бабушке идём конопатить избу, и Анечка попросилась помочь. А живёт свекровь за две улицы, на краю села. И время выбрала — не утро, не вечер, а ясный полдень. Тут ротозеи растарашились, почитай, ощупали глазами-то всю. Девочке сказано было идти ровно, глаз не опускать, улыбаться. Не понимала она ещё языка, поэтому несколько дней Ваня обучал её по приказу мачехи — вот так да этак, без слов. Как она выдержала прогулку, уже никто не расскажет, должно быть, солоно ей пришлось, раз ноги дрожали, ручки вспотели. Но прошлась ровнёхонько, улыбаясь. Во многом уверились односельчане — девочка не темна лицом, кто и конопушки разглядел на ровном носике, карие глаза с прищуром, но не малы, волос тёмный, но не вороной масти, рот немного большеват для худенького лица, улыбка мила и застенчива. «А брови, а брови-то какие! Глянь-ко!» На бледном лице ласточками летели чёрные брови, оттого и казалась девочка нездешней. А так — не хороша, не плоха, не русская, но и не басурманка, только больно худа, тонка. По-доброму вздохнули бабы: «Тело нагуляет, здорова бы была! Натерпелась, бедняжка! Легко ли мать потерять!» Так и приняли Мариам-Анечку в Крутом Яре.

Были разные догадки, почему крикунья Марья оставила басурманку. Кто шептал, что из-за золота, но кому это золото нужно здесь? Кто думал, что позарилась на хлеб,

что обещал есаул. Но хлеба так и не добавили, никто и не требовал — ни Пётр, ни Марья. Жалости за Марьей сроду не водилось, пасынка хворостинной лечила от безделья, потому и разговору про жалость не было. За спиной сошлись в одном — Марья нашла работницу: Ваньке воду таскать и за скотиной ходить, а Ане уготован огород да обиход.

В степи девочек готовят к смирению: часто отдают на сторону, в чужой род, где и речь может быть отлична от родной, обычаи другие, муж и родня часто пеняют, гоняют, припоминая все грехи родственников. А поводов для раздора среди кочевников всегда много: угоняют друг от друга скот, воруют невест, мало ли ещё чего водится за каждым родом. Вот и терпит бедная женщина молча все обиды, работает, не покладая рук, стараясь угодить родичам, рождает детей. Только через много лет истинная ногайка, сохранившая женское достоинство, поднимает голову, начинает руководить семьёй, а бывает, и аулом. Мужчины уходят раньше, они воины, редко кто доживает до глубокой старости, на долю старух выпадает воспитание детей, сохранение обычаев.

Мариам выросла под боком своей бабушки, многое знала из разговоров. Хоть и берегли её, больную младшую дочь мурзы, от обычных занятий девочек, но белоручкой она не была. «С тобой замуж пойду, у порога спать буду, мой птенчик! — часто шутила старуха. — Не прогонишь старую?» Мариам зарывалась в душный мех телогрейки, обнимала бабушку и смеялась счастливо: «Возьму, возьму с собой замуж!»

Вот теперь она вырвана от родного имени-племени, нет рядом ни отца, ни матери, ни бабушки. А надо жить, надо выживать. И стала Мариам выживать: забыла для начала своё имя, заново родилась для земли и неба. И запретила себе вспоминать родное: от этого болит сердце, и руки опускаются. Стала учиться новому.

Марья поначалу сама не знала, что делать с Анечкой: языка не знает, слабая да худая. Кормила, как попрекала — кинет перед ней репку, кусок хлеба, словно кошке или собаке. Пётр, если был за столом, сразу складывал кулаки на стол и смотрел грозно на жену, та и остывала. Потом стала шептаться с мужем по ночам: «Не слышно ничего? Девка здорова, не болящая боле, ест-пьёт. Отец не нашёлся? Может, кто ищет пропажу?». Пётр молчит себе, вроде спит. Толкнёт его в бок, а он отворачивается.

И ничего не поделаешь! Не принимает сердце басурманку, вроде, жалко девоньку, но глаза бы не видели её. Оттого и шумит Марья куда больше прежнего. Только из

гордости при золовках и при соседках хорохорится, рассказывает, что справили ещё один сарафан Анечке.

Марья не слыла неряхой, но особо по дому чистоту наводит не старалась, ничего не валяется, да и ладно! Любила она работу на воле, не хуже мужиков вела покос, копала землю, выходила с мужем на Волгу за рыбой. Крутобёдрая, с широкими плечами, с полными сильными руками неутомимая Марья слыла «работницей». Так уважительно отзывались в селе о самых работающих женщинах. А как наденет яркий сарафан, укроется праздничным платом, глаза тёмные в ободке длинных ресниц опустит вниз, губы свои пухлые распустит маком в лёгкой улыбке — такая красавица! Дивились многие — и не скажешь, что бывает злее кусачей собаки такая красота!

Немногие помнят, что неместная она, пришла с бабушкой малой девонькой. Уже не привечали тогда пришлых, как раньше. Люди разные стали ходить, попрошайки всякие, до чужого добра охотники. Кормить — кормили, с собой кой-чего давали и выводили на дорогу: ищите, мол, где лучше. А эти остались, стара да мала, куда им податься... Отвели развалюху-временку, бабы снесли туда кто посуду, кто из одежды что. Бабка Марьяна стала ходить по дворам: помогать по хозяйству бобылям, ребёнка поняичить молодым. Худая, лёгкая на ногу, неслась по улице бабушка Лукерья! Полюбили её в станице и за лёгкий нрав, и за весёлый характер: всегда с улыбкой да с шуткой, намяла, видно, жизнь сполна, хлебнула горя по полной, оттого и радуется всему: и доброму слову, и корке чёрствого хлеба. И свой огород завела на зависть другим, с утра до ночи с внучкой копошилась на грядках. Только воду далеко было носить, всё одно — справлялись. Хатёнку прибрали, побелили, подсолнухом вокруг засадили — красота! А Марья росла молчуньей, девочки не игрались с ней. Мальчишки вовсе кидались колючками репейника, норовили в волосы попасть. Но ни разу не заплакала девочка, отойдёт подальше, уставится чёрными глазницами и молчит. Только Марфа жалела соседку, рядом жили, тайком ходила к ней играть. Но и с ней Маша не больно была разговорчива. Бабушке Лукерье некогда — всегда при работе, росла девочка сама по себе. И вдруг увидели в селе — красавица вымахала за одну зиму! Зимой-то она вовсе из дому не выходила: обувь нечего, одежды тёплой тоже нет.

Тут и заметил её Пётр. Вдовцом ходил третий год, Наталью свою похоронил. Весной дело было — видит, гоняют мальчишки девочку по дороге. Догонят и норовят стукнуть по спине, а та уворачивается, дерётся с ними, потом убегает дальше. Добежал Пётр до свары, шуганул мальцов, пристыдил:

- Что вы, изверги, девочку бьёте? Али совесть съели, бестолочи!
- Она сама дерётся! Смотри, как исцарапала, кошка драная!
- Цыц отсюда, мошкар! Ещё увижу, кто её обижает, с яра скину!
- Пусть сама не дерётся!

Подошёл к девке, а та смотрит волчком, пальцы крючком — готова вцепиться в любого.

- Ты чья будешь, девонька? Не бойсь, не обижу!

Молчит, платьишко старенькое поправляет, ноги босы, а земля не отошла ещё, холодная.

- Ноги-то отморозишь, где лапти-то растеряла? Ладно, беги домой скорей!

Убежала. День прошёл, другой, а с головы нейдёт драчунья: чья девочка? Перебрал всех, кого из детей знал, не угадал. А спросить у кого-то стыдно, скажут — выспрашивает, разговоры пойдут. Потихоньку у матери стал выведывать, кто так бедно живёт, что и лаптей старых нет, дети босые по снегу бегают. Старая завелась, три часа молола, про кого что знала или слышала. Ничего не понял Пётр. А тут с утра попала бабушка Лукерья на глаза: метёт подолом улицу, несётся кому-то на помощь. И как

стукнуло: внучка у неё есть малая, не та ль драчунья? Как-то проходил мимо двора Лукерья, заглянул во двор, вроде как водицы попросить попить. Выскочила из-под земли девица (хата вполону под землёй!), глаза вылупила, задыхается, дышать не может.

— Здравствуй, хозяйюшка! Водицы испить дай!

Побежала в хату, а Пётр никак сообразить не может: она, не она? Та, вроде, младше была, худа, оборванна, смотрела зверёньшем, чуть ли не кусалась. И сердце тогда зашлось от жалости, всё думал, как помочь бедняжке.

Вышла с водой в ковшике, платком успела укрыть плечи. Платок не новый, но узорный, цветастый, получше старого сарафана. Пил по глоточку, исподтишка оглядывал. Это была та девочка, но куда подевался дикий взгляд? Сейчас смотрит ласково, глаза блестят, скулы высокие в румянце. И повыше будет, и постарше глядит. Поблагодарил и ушёл.

И думать о ней забыл. А мать ныла, всё просила и просила взять в дом Маланью, молодую вдову Иванову, что под лёд зимой ушёл. Душа у Петра к ней не лежала, помнил и любил свою Наташеньку, соловушку-певунью. Рано их поженили, детьми почти, три года жили у матери, пока дом не поставили свой. Жили дружно, справно. Ласковая, смешливая, синеокая Наталья была хорошей хозяйкой. Как забудешь такую? Слова громкого друг другу не сказали, а работали вместе так, что люди дивились, как они под стать друг другу подобрались: жёнка стройная, тоненькая, а в работе не уступала мужу. Братья Натальи родней своих стали, а мать сыном называла. А как родился Ванятка — счастливей на белом свете никого не было, наглядеться не могли друг на друга и на сыночка!

Говорят: счастье — что солнышко, улыбнётся и скроется. Так и вышло. Ушёл Пётр на Волгу с рыбной артелью, весенняя путина самая богатая — рыба сама идёт в руки.

Возвращался довольный — его старшим выбрали с обозом идти, как самого дельного и ловкого. Первый из струга выскочил на берег, искал глазами свою любушку, хотел похвастаться. Тут к нему бабы подбежали, плачут, а Пётр понять ничего не может, оглядывается. Даже когда увидел чёрный обгорелый остов своего дома, и то ничего понять не мог, стоял огулшённый, никого не слышал. Братья обступили, свои и Натальи, что-то говорили, но он не слышал. Пошёл вокруг угольев, оклика Наталья, кричал-звал во весь голос! Пытались его остановить, завести к матери, но никто совладать с ним не мог, уходил ото всех... Сына принесли, в руки давали — не брал, отталкивал... Мать в ноги валилась, хваталась за кровиночку — убегал от родной, всё ходил-звал Наталью... Водой холодной окатили — на минуту остановился, посмотрел на люд, страшно так посмотрел, и стал у каждого спрашивать: «Где Наташа?» Народ испугался, стал расходиться, а Пётр сел посередь бывшего дома и просидел там целую ночь.

На похоронах был тих, даже улыбался, но молчал. Так промолчал месяц. Старший брат, Герасим, забрал Ваньку к себе, Пётр перешёл в старую избу матери, жил с младшими братьями бок о бок, те его сторожили, следили, как за малым, боялись, что с собой что-то сотворит. На сына не глядел, отворачивался, даже толкал его зло, с того и убрали Ванятку от отца...

Любая рана рубцуются, заживает, любое горе забывается. Отошёл и Пётр. Первым делом забрал сына к себе, стал растить. Разом братья оженились, в один год свадьбы играли, одну — весной, а другую — осенью. Тесно стало в старом доме, отстроили первым делом молодым хатёнку сообща, все помогали, и свои родные, и соседи. Решил Пётр уйти, младшему оставаться надо при матери. Поговорил с роднёй, поклонился людям, помощи попросил, чтоб малый домик возвести. Только на пепелище не пошёл, ближе к яру выбрал высокое место, подальше ото всех. Домик в три оконца,

невысокий, осилили миром в недолгий срок. И стал жить бобылём молодой мужик. Ванятка рос улыбчивым, ласковым. Поначалу было больно узнавать синие глаза Натальины, видеть такой же золотой пушок на тельце, как у любимой. Даже вострый носик был у мальчика мамин. И волосом пошёл в мать, только ходил по-отцовски цепко, был рослым не по возрасту. Потом привык, не сравнивал. Разве что кольнёт в сердце, когда Ванятка бежит к нему навстречу, не чуя ног... Тогда и нахлынет: так неслась когда-то милая Наташа...

Пётр вместе с братьями плотничал: пошёл по реке лес для городков, и станице перепадало, а с того и дома строить начали многие. Нравился Петру дух лесной, древесный, готов был зарыться в щепу с бородой и дышать дремучим смолистым запахом. Раз стоял Пётр на высоте, видит, девица плывёт, воду несёт, коромысло ходит на плечах... От солнца ли, от работы, но заиграло озорство в мужике, спрыгнул он рысью перед девушкой:

— Дашь напиться?

Та уставилась на него огромными глазами, зарделась маковым цветом:

— Пей, не жалко!

Припал к холодной водице, напился, но ведро отпустить не торопится— узнал внучку Лукерью.

— Пусти! — слегка повела плечами девушка, а сама улыбается. Косы чёрные по высокой груди вниз бегут, губы припухшие, сочные, как вишенка...

— Как звать-то?

— Марьей.

— Как живёшь? Никто не обижает?

— Пусть кто попробует!

— А замуж за меня пойдёшь?

— Пойду!

— Жди сватов!

Вот и весь разговор. Целый день Пётр был сам не свой, смеялся, удивляя товарищей. Вечером пошёл к брату Герасиму, он за отца был у них, сказал, что жениться собирается.

— Тебе жить, Петя, смотри...

— Трудно мне одному, брат.

— Говорят, работница она хорошая. Видел, красавица писаная.

— Больно круто замешена, гордая через край, не гляди, что беднячка: в одном сарафане третий год ходит, заплатка на заплате! — это влезла жена Ивана Татьяна, не утерпела. — За одно слово глаза выцарапает! От капусты пухнет, чужое доедает-донашивает, а сама царицу из себя корчит! Бабка при смерти лежит, какая тут свадьба!

Но Пётр никого уже не слушал, уговорил братьев, по-честному пошли сватать Марью. Успели сыграть свадьбу, а тут бабка Лукерья померла, довольная лежала в гробу, улыбалась будто. Было с чего — внучку определила при жизни за хорошего человека, и ушла, чтобы не мешать молодым.

После свадьбы и узнал Пётр, что полюбила его Марья давно, когда Наталья живая ещё была. А когда он её защитил, то вовсе голову потеряла. И с водой она ходила не зря, просто поначалу он не замечал её, пока не спрыгнул с новых стен прямо к ней под ноги. «Яблочком скатился к ногам!»

Любила Марья пылко, ревнивая была до ужаса, чуть ли не сторожила мужа. Сразу стала хозяйкой, была расторопна, быстра, за Ваняткой глядела хорошо, кормила, одевала, но была строга, требовала порядка, не любила безделья. Завели корову, подняли выше дом, никого не просили, сами управились. Тут она и скинула первый раз, не

доносила ребёнка. И потом не приживались детки, одного за другим относили в маленьких гробиках на кладбище. И ранее строптивая, стала Марья вовсе невыносимой. С самого первого дня не ладила она с золовками и невестками. Не любила она тех баб, кто заглядывался ранее на её мужа, а таких, почитай, полсела. Вот и выйди замуж за красавца! Не понимал её порой Пётр, злился, стыдился. Но любил своенравную жену, жалел её. Любил её в минуты тишины, тогда она была такая тёплая, домашняя, ровная. С возрастом Марья налилась телом, стала ещё краше, ярче. Только страдала, не выдавая себя, о мальшах...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Время было смутное, шаткое, веры никому не было. Стали чуть лучше жить, добро копить, на земле приживаться, так сразу царёвы слуги объявились. Доглядники Наума есаулом прислали, с ним пришёл урядник Василий. Трудно привыкали к новому ловцы, если бы не страх, что сгонят с земли, то не стали бы казаками. Никуда не денешься: в леса уйти, и там найдут. А тут привольно и сытно. Левый берег Волги заливают на много вёрст весной, море цельное, а здесь, на яру, спокойнее. Позади лес, не такой густой и большой, как на Руси, но все ж подкармливает ягодой, греет — дрова оттуда. И татары больше за Волгой водятся, им степь нужна. Говорят, гонят их, в корень изведут скоро. И того страшно: тогда, может, хозяева прежние придут, назад под ярмо поведут. Это молодым не понять, что на свободе родились и выросли, а старики помнят бояр, рассказывают про неволю, но не слушает молодёжь эти басни. Им бы только от басурман отгородиться, а про другое и думок нет. И по станице делёж пошёл — кто богаче, кто бедней. Покуда мир стариков слушает — беды не жди, всё по правде судится. А дальше что?

Пришла весть о Казани. Есаул собрал казаков и объявил о победе царя-батюшки. Так и сказал:

— С Божьей помощью царь-батюшка разгромил Казанское царство.

Все дружно лбы перекрестили, переминаются с ноги на ногу, ждут, что далее скажет: не зря ж согнали в горячую пору. А о Казани знали раньше, на сенокос ещё не пошли, как с обозом пришла весть. Много говорили промеж собой: не знаешь, как обернётся, чего теперь ждать. Может, уведут всех в Казань, басурман толочь, веру наводить.

А какие они казаки — два раза в поход выходили, кругом обошли степь и пришли назад. Как засеки ставить или городки строить, так сразу к ним, отрывают от Волги, от работы, от семьи... А ранее как было! Сам себе хозяин! Так стояли старые, а молодые галдели радостно, им тесно сидеть за стенами, хочется погулять. Вон двое таких мальцов оторвались от обоза, в стрельцы подались: посулили им одежду красную, службу славную, деньгу золотую. Знают старые, где много посула, там нет проку, ведь недаром говорят: посулил боярин шубу, да не дал: ин слово его тепло. Помнили старики ласку боярскую...

Есаул не говорлив, косноязычен, порой и не поймёшь, чего хочет сказать. Порублен насквозь, с того и медлителен. На коне — молодец, а как на землю ступит, так и смотреть на него тошно. Другое дело Василий: орлом глядит, на коне — птицей летит, запоёт — душа обрывается... И говорит толково, дельно. За ним и шли. А есаул так себе, саблей только гремит. Его по имени никто не звал.

А есаулу самому тошно среди ловцов. Какие они казаки? Смех один! Им бы только с бабами возиться да рыбу ловить. Сказано было: коня держать для службы, не для

работы, а они их в обозы ставят, телегой загоняют. Ни оружия толкового, ни коня... Одно слово — ловцы! Но нашёл здесь свой угол старый есаул, женился, детвора родилась. Просит его мир церковь поставить, дело ли — везти попа из-за лесу, в один день отпевать, крестить и венчать, покуда он здесь. Раньше махнул бы рукой, не стал бы даже слушать, а теперь понимает: своих малых окрестить надо.

- Такое дело, казаки: ийти нам в поход.
- Кому ийти? На кого? Когда?
- Воевать будем.
- Да ты толком скажи — кому ийти, когда?

Высочил Василий, ясноглазый, волос золотой, кудрявый, борода пушистая. Недаром, бабы его так любят.

— Казаки! Был такой приказ — готовиться к походу на Астрахань. Я с охотниками поеду в городок, там нам объявят — когда, кому ийти. Коней освободите от работ, подкормите. В Астрахани татар тьма-тьмушая, если они на нас наваятся — как песком засыпят, никого тут не останется. Потому решил царь-батюшка гнездо ихнее разорить, как Казань разорил. Вы думаете — тут воля вольная, хлеб задаром дают, лови себе рыбу да бабу по ночам тискай? Покуда не сгоним всех басурман — нет вам никакой воли, и покоя нет! Хотите, чтобы ваших жён и детушек на аркане увели в чужую землю? Вы здесь в углу сидите сиднем и не знаете, сколько христиан маётся в плену! Пальцы рубят, носы, уши режут, измываются как над скотиной... Видел я убогих из плена, сердце кровью обливается, как их послушаешь. Да что я говорю? Сами все знаете. Кто охотник со мной в городок пойти?

Вызвались на такое дело пятеро мужиков, но Василий выделил Степана, Петра, его младшего брата Семёна. С одной семьи брать сразу двоих не положено, но они сами вызвались, потому и взял. Не на войну идут, можно.

— А когда же церковь ставить будем? Обговорено же было!

Опять заместо есаула подскочил Василий:

— Мы и про церковь не забыли. Только вот что: зарится на ваш промысел монастырь. Спасибо скажите, что в казаки взяли, иначе быть бы вам монастырскими.

На том и разошлись. После и бабий сход у берега собрался, они стали рядить новый указ...

Известное дело — рыбаки за рыбой ходят, а бабы рыбу обиходят. Крупную солили сразу под корень, какую — льдом из ледника заваливали, какую — коптили. Визигу добывали из стерляди сушить, а саму рыбу разделявали на посол. Такую работу мужики женщинам не доверяли, сами возились. Остальную рыбу — бабам. Детки помогали: мальчики плели из ивовых веток корзинки глубокие, в них кидалась рыба, которую держали в воде живой. Солили воблу в корытах, потом нанизывали её на прутики и сушили. Клей вываривался тут же, на берегу. Жир из сельди и внутренности крупной рыбы собирали девочки, топили всё это в котле и переливали в крынки. За длинным столом стояли женщины, чистили и потрошили леца, щуку, краснопёрку, жереха, судака.

Каждому находилась работа: кто убирает отходы, кто распутывает снасти...Всё чаще мужиков отрывать стали от реки, вот опять: после схода пошли лошадей собирать.

— И что ж теперь будет? Ни коней, ни мужей, сами в реку полезем? — начала разговор Марфа.

— Ты погоди, пока никто не ушёл, может, отменят указ-то. И здесь кордон нужен! — подхватила разговор осторожная Катеринка. Она была самая спокойная из баб.

— А мы поглядим: одних в поход сошлют, а кто и здесь останется! — это Степанида, родня Марьи. Злится, что её Семён вызвался с Василием идти. Она на сносях, скоро рожать, а муж убегает из дому.

— А ты Маланью попроси, она Семёна вызволит, к твоей юбке приставит! — голос Марьи невысок, звучен, говорит, как песню поёт, но сколько яда в сладкой речи!

— У кого это я просить буду за Семёна? У Бога, что ль? — Маланья почти орёт, перекрывая бабьи смешки.

— Сама знаешь у кого, не мне указывать, — спокойно отвечает Марья. Она чистит рыбу одним взмахом, чешуя так и летит монетами из-под рук.

— Нет, ты скажи, отчаю я за казаков решаю? — Маланья глупа, лучше бы промолчала.

— Кабы я, как ты, есаулу бока грела, то я бы указы чинила!

— Ах, ты стерва! Это ты за Петю наговариваешь, никак не забудешь, что я с ним спала-жила? Он-то помнит, поди, как любили жарко! Кабы не его мать, так и жили бы! — Маланья знает, какое больное место у Марьи: та век не забудет, как жила Маланья одно лето у Петра, покуда он не выгнал её из дому.

— Господи! Нашла чем хвалиться! Да тебя сорок мужиков по селу знает и помнит, как жарко любишься! Один утоп с горя за твою голову! — Марья пока только распалается, это только начало. Бабы про рыбу забыли, рты разинули, ждут, что будет дальше. Марья тоже отставила работу:

— Мать вас развела! Дитя чуть с голоду не уморила, по дворам шаталась, хвостом вертела, с того и полетела!

— А ты лучше?! Ты ли Ваньке мамкой стала? Хворостина его мамка, живого места на сиротинке нет, знают все про твою заботу!

— Тебе и гонять некого, сказывала Соловьяха, как ты в девках нагуленного извонила, чуть не сдохла от отравы! С того и детей тебе всей ватагой мужики надеть не могут!

— От твоей злобы дети твои в пузе ядом травятся! Скажешь, неправда?

— Укороти язык, пока не отрезала вот этим ножом!

Хорошо что стояли врозь на разных углах стола, иначе достала бы Марья за такие слова ножом Маланью. Та не унималась:

— Бог своих не даёт, так нехристя приняла! Сама басурманка, вот те и чёртово отродье в дом!

Вот это уже стерпеть Марья не могла, пошла в обход стола к обидчице с ножом в руках. А та и ждать не стала, с визгом полетела по берегу, орала:

— Спасите, режут!

На берегу свалены снасти, мерёжи, всякое рыбацкое барахло. Вот и наступила босыми ногами на старые весла Маланья, споткнулась и полетела, легла носом в песок, подол задрался, срам весь открылся народу. Встать не может, запуталась руками в обрывках сети, барахтается. Марья и бегать за обидчицей не думала, упёрлась руками в бока и давай со всеми вместе хохотать над Маланьей.

— Есаула зовите, скажите, Маланья ждёт готовая, раздевать не надо, только от песка отряхнуть. — И добавила два слова, одно из которых стало навсегда прозвищем Маланьи. — Береговая...

По старости Маланья даже откликаться стала на «береговую»... Вот так закончился бабий сход.

Среди детворы на берегу была и Анюта-басурманка. Подружка у неё завелась, Настёнка, заходила к ним домой, звала играть. Анька улыбается, кивает головой, но не идёт. А тут и спрашивать Настеньку не стала, взяла за руку и повела

к берегу. Затерялась среди ребятни новенькая: в платочке, в сарафанчике, помогает старшим. Запах рыбный для девочки дурной, но терпит, старается. Когда схватились Марья с Маланьей, она неподалёку была, понимать не понимала, но смотрела во все глаза. И когда полетела худая злая Маланья по берегу и упала, то такой смех на неё напал, что остановиться не могла. Босая, с грязными руками Аня впервые причастилась счастливым смехом к новой жизни: к тревожному запаху реки, к слепящей водной глади, переходящей в небо и восходящей до самого солнца, золотому тёплому песку под ногами, к весёлым голосам ранее чужих людей.

К осени Аня кое-как различала слова, а где не поймёт, там догадается. Ваня учил её: «трава», а она — «тиава», он — «курица», а она — «кулити», он «догоняй!», а Аня — «дагани!» Как малое дитё! А она стесняется: в степи девочки даже с братьями не разговаривают, стыдно с мальчиками общаться, имена отцов и братьев нельзя вслух говорить, тоже стыдно. Поэтому радуется подружке Настеньке, бежит за ней повсюду, схватывает слова, повторяет про себя.

Марье грех жаловаться: по дому девка помогает, по огороду ползает, траву выбирает, смышлёная, а всё одно душа к ней не лежит. Да одеть-обуть к зиме надо, помнит по себе, как это — до весны из дома не выходить.

Василий с охотниками вернулся скоренько: никуда казаков не заслали, по весне будут собирать поход. Ватага готовится к осенней путине, чистят ледники под зиму, бьют новые корыта, сараи пристраивают на берегу. А себе сено завезти надо — скоро дожди, и хлев утеплить пора — Пеструшка стельная... Нет мужика дома! Спасибо, что хоть ночевать приходит! Марья бушует с обиды: овец стричь надо, чистить овчарню надо, бочки для засола прохудились, а мужёнок где-то бегаёт. Хорошо, что Ваня слушается, под рукой всегда. И в лес дети за грибами ходят.

Аня никогда не была в лесу, ходила несколько раз с Фатимой в заросли тамариска, и там всего боялась. Степь ровная, на десятки вёрст виден каждый бугор, тропки разбегаются, как нитки от разодранного клубка пряжи, прячутся под кочками юркие ящерицы, выползают на солнце змеи, похожие на камчу... Бежит-переливается ковыль, и душа летит вдалёк...

Здесь лес редкий, не широкий. Вдоль Волги толпились сосенки, а дальше шёл чистый молодой березняк. Дети с радостью бежали за грибами, аукаясь и переключаясь, уходили вглубь. Ванятка любил, как и отец, лесной дух, любил деревья. Он и думать забыл про названную сестрицу, заскочил сам в лесок и пропал. А Аня боится идти дальше, пугает её сумрак, звуки, густая трава под ногами. Чуть прошла подалее, как наверху что-то застрекотало-зашумело! Испуганная девочка метнулась назад, села на корточки и зарыдала. Тут и напала на неё дикая тоска, скрутила все жилочки её маленького тела... И только здесь, на краю страшного леса Аня вдруг поняла и испугалась, что никогда не увидит бабушку, мать, отца, никогда не обнимет своих родных... Всё, что упорно закрывала от себя самой, вдруг вырвалось в горестный плач. Как воют щенята по убитой матери волчице, так и Мариам завyla тоненько и визгливо...

Очнулась оттого, что кто-то поднимал её с земли и кричал в лицо: «Замолчи, Аня!» Приходя в себя, она увидела синие испуганные Ванины глаза. Холщовая вытертая рубаха болталась на худом теле, белые брови поднялись домиком под загорелым высоким лбом, но стоял он, крепко расставив ноги, готовый ринуться на каждого, кто обидит Аню. И она уткнулась головой неловко ему под правое плечо, изредка вздрагивая от всхлипываний.

— Полно тебе, Анюта, полно! Чего испугалась, леса?

— Да!

— Не бойсь, Аня, в лесу не страшно, я больше тебя не брошу одну.

— Да.

— Пойдёшь со мною, не забоишься?

— Да!

— Заладила — да-да. Пошли, кукушка! — засмеялся Вася, а сам сдвинуться с места не мог: ноги будто приросли к земле. И Аня застыла, вдыхая незнакомый запах крепкого мальчишеского тела, и стало ей спокойно. С той минуты она знала, что нашла надёжную защиту. Постояла немного, а потом смущённо отодвинулись друг от друга.

— Ладно, сиди тут, никуда не уходи, я сейчас грибы наберу и вернусь. — Ваня дополнил движением рук своё предложение.

— Да! Да! — радостно закивала Аня.

Потом уж, с другого дня, начал Ваня потихоньку приучать Аню к лесу, учить её не бояться звуков, не теряться среди деревьев, находить грибы. Даже полынь однажды нашли среди трав, Анечка тогда так обрадовалась, смеялась, счастливая, словно родню встретила.

А когда лес загорелся осенним цветом, то Аня сама стала бегать туда любоваться небывалым золотом. Как заворожённая стояла девочка, вглядываясь в переливы яркого разноцветья.

Завелись и кроме Настеньки подружки, вместе с ними ходила Аня собирать грибы, а вечерами играть в прятки. Иногда вместо Марьи она доила Пеструшку, это доставляло ей большое удовольствие. Забываясь под плеск молока, она переносилась в родной аул, но от прежней боли ничего не осталось, хотелось только знать: живы ли дорогие ей люди.

Уже не тошнило её от рыбного духа, она научилась жевать кислый тёмный хлеб, есть капусту, репу. Грибы она полюбила, хотя это тоже была непривычная пища. Навсегда со словами «лес», «грибы» связалась память сердца — тонкое мальчишеское плечо, готовое укрыть её от всех бед.

На Покрова освятили небольшую церковь. Батюшка приехал с семьёй, он был свойский, раньше часто бывал в Крутом яре. Всем радость, а одной Марье — беда. Соврала она, что девочка крещённая, что крестик при ней нашла. Забыли все про то, а Марья маялась. Хотела сама крест Ане повесить, потом очнулась: нельзя, грех большой! Решилась пойти тайком к попу посоветоваться, открыться, а всё не решалась. Как назло, никто не объявлялся, не искал басурманку, видать, навсегда она останется здесь.

Анька пришлась по сердцу многим своей милой застенчивостью, открытой улыбкой, трудолюбием. Жалели её даже самые жестокосердные бабы: сирота, на руках у злочки Марьи — кому такое пожелаешь?

Девочка ещё не могла связно разговаривать, поэтому её никто о прошлом не пытал. В зиму затих Крутой яр, затаился под снегами. Жизнь копошилась в избах, в хлевах, топтали ловцы реку, искали подо льдом щуку. Мальчишки не боялись мороза, ходили кататься с яра на санях.

В детстве много болевшая, Аня не помнила зим, она почти никогда не выходила на улицу. Зимовали ногайцы в мазанках, саманных домах. Полы были устланы тёмными кошмами, стелился невысокий деревянный настил — тактанбит — на дальней половине помещения. Очаг располагался посередине, топили по-чёрному. Бабушка укутывала внучку в шерстяные одеяла, берегла её от стужи. Заставляла пить горячее молоко с растопленным маслом.

То ли выросла Аня и окрепла, то ли оттого, что её никто не нежил, но за всю крутоярскую зиму ни разу она не заболела. Не поверила бы любимая анэ, что её

разнесчастная больная внучка выходит на крепкий мороз и играет в снегу! Ходила Аня в лес вместе с Васей, тащили они на санях оттуда хворост.

Пётр, водворив в свою семью найдёнку, казалось, больше не заботился о ней. По горячим словам Марьи выходило, что муж навязал ей нехристь, а сам в ус не дует. Но Пётр не был таким бездушным, его всё чаще раздражала бессердечность жены, поэтому он уходил из дому, отпрашивался в дальние поездки. Ваня рассказывал ему про успехи Ани, когда они возились с отцом по хозяйству, заступался за мачеху, говоря, что она не сильно притесняет сестрицу...

Весна пришла бурная, быстрая, смела снег отовсюду, только лёд задержался на реке. Рыбаки маялись на берегу: на лёд не выйти — провалишься, и воды нет. Подъели весь хлеб, засол капустный и грибной, рыбу мороженую оттаивали, ели солонину. Иногда курицу на лапшу рубили. На мясоед стали овечек резать. Праздновал народ, жгли куклу тряпичную — зиму-зимушку провожали, катали колесо огненное. И накликали весну, задобрили солнышко! И Волга грохотом и треском объявила о своей свободе, понеслась гнать глыбы льда от себя. Несколько ночей Анечка спать не могла от треска и шума, засыпала на минуты, и сны в это время снились ей ужасные. Чаще всего несла её лошадь от страшной битвы в неведомую даль, опять кричала «Анэ!» несчастная девочка, опять падала с высоты на кровавую траву...

Но затихла взбунтовавшаяся река, задышала свежестью на всю округу. Отощавшая скотина рвалась на первую травку: детвора стала пасти овечек на лугу, коровы пошли в стадо, телят привязывали к колышкам. Пеструшка отелилась зимой, пёстренькая Рябина паслась у дома. Вынесли из дома на солнышко домашнее тряпье, сушили и выветривали. Бабы стирку большую затеяли, носили полоскать на реку. Убирались и дома, и во дворе, готовились к пасхе. Праздничное оживление захватило всех, старухи выползали на белый свет, стали копошиться на огородах. Мужики пропадали с утра на Волге, благо, за рыбой не надо весной ходить далеко, она шла косяком. Лёд запасён в ледниках, соль завезена с осени, вozy готовы для поклажи. Торопились, боялись приказа. Гаркнет есаул Наум «Идти в поход!», и пропала тогда вся рыбалка. Но молчал есаул, и казаки успокоились.

Все веселятся, одна Марья охает. Поправилась она за зиму, потяжелела, подурнела с лица, чаще уставать стала. Аня первая смекнула — ребёнка она ждёт. Вспомнила мать перед рождением брата Юсуфа, она так же ходила, переваливаясь. Стала Аня жалеть женщину, лезла вперёд делать всю домашнюю работу.

Марья непривычно молчала, затаилась. Лучше бы кричала по-прежнему, как раньше. Аня ничего не знала про не выживших детей, пока кто-то из подружек не поделился с ней. Девочка уже хорошо понимала речь, хотя сама объяснялась с трудом.

Оттого Марья ходила подавленная, что не верила в чудо, заранее прощалась с не родившимся ребёнком. И Пётр, когда сам увидел тяжёлую жену (молчала Марья, даже мужу не сказала), тоже впал в тоску. Один Ваня ничего не замечал. Однажды Марья взялась за деревянные вёдра, чтобы пойти за водой, а Аня толкнула Ваню: «Возьми, мол, сходи за водой!». Пасынок не торопился помочь мачехе. Тогда Аня глазами указала на живот Марьин. Ванятка всё разом понял, вспыхнул весь, вырвал вёдра и убежал за водой. С тех пор оберегали детки Марью от работы. Огород пришлось сажать самим, бабка помогла — указывала, что делать. Корову доила Аня, отгонял Ваня, а Марья бесцельно бродила по дому с опустевшими глазами. Ела она плохо. Однажды ночью Анечка проснулась от стонов. Марья металась на постели, трудно дышала. Пётр с Ваней на ночь ушли на остров, с утра артель готовилась брать сазана. Девочка присела на постели, взяла за голову несчастную женщину, положила её себе на колени, и стала гладить по спутанным волосам, тихонько напевая заунывную песню. Марья

подчинилась голосу, затихла. Долго сидела Аня, успокаивая роженицу. Почему-то она не боялась, словно знала весь обряд. Тихонько отойдя от постели, она быстро развела огонь, поставила воду, вытащила из угла старые сарафаны, тряпье. Дождалась, пока женщину опять скрутит боль, на этот раз держала за руку, шептала ласковые слова на ногайском языке. Когда Марья ещё раз затихла, Аня выскочила из дома и понеслась к бабке Соловьяхе. Ждать не стала, пока старуха соберётся, побежала назад.

Вовремя прибежала: Марья выла, выгалкивая ребёнка. Аня метнулась к ней под ноги, успела выхватить скользкий комочек, отхватила зубами пуповину, завернула ребёнка в тряпье, и тут ребёнок закричал у неё на руках. Как, откуда она знала, что делать при родах, Аня и сама понять не могла. Когда доковыляла Соловьяха, Марья лежала спокойная, послед уже был в лоханке, ребёнок пищал на руках у басурманки.

Дальше пошло как надо. Когда под вечер вернулись мужчины, дома было всё прибрано, Марья тихо лежала под лоскутным одеялом у печки, а в люльке спал запелёнатый ребёнок. Пётр замер у двери, не зная — радоваться или печалиться. А Ваня заулыбался, разглядывая малютку.

— Кто? Мальчик?

— Девочка... — выдохнула Марья.

Ребёнок родился маленький и слабенький, не кричал, много спал. Марья кормила малыша грудью, отворачиваясь от него. Она решила не привязываться к дочери, думая, что и она не выживет, как её братья и сёстры. Покормив малыша, уходила хлопотать по хозяйству.

Теперь Марья делала всю работу, а Аня, как привязанная сидела над люлькой. Нянька укачивала, пеленала, стирала бельё, спала рядом с малышкой, прислушиваясь к её слабому дыханию. Молока у Марьи было много, текло ручьём, но сосала девочка плохо. Мать оттого злилась, а вскоре у неё пропало молоко. Тогда Марья вовсе отставила ребёнка от себя. Казалось, она ждала неизбежного, молча, с видимым безразличием. Пётр уходил из дома, боясь не совладать с собой. Анечка придумала кормить девочку через тряпочку молоком, она помнила: так поступали молодые матери в ауле. Шли дни, а ребёнок и не думал оставлять этот мир, стал улыбаться, гугукать. Наступило лето, днём уже было жарко, Аня иногда выносила младенца на руках на улицу.

— Имени у дитя нет! — шептались бабы.

— С ума сошла Марья, на руки не берёт родного ребёнка! — удивлялись люди.

Однажды Марья подошла к люльке и долго разглядывала дочь. У неё были светлые глаза, пухлые губки, пушистые русые волосы. «На Петю похожа!» — с нежностью подумала Марья. Долго не решалась взять дитя на руки, будто стыдилась за своё прежнее безразличие. Подошла Аня, подняла малютку и просто переложила её на руки матери и отошла в сторону. У Марьи брызнули слёзы, она склонилась к ребёнку, унюхала молочный детский запах и задохнулась от любви и нежности.

С тех пор Дарьюшку стали нянчить вперемежку. Словно солнце впорхнуло в дом, так стало светло и тепло. Марья ворковала над дочерью неустанно, Пётр боялся брать её на руки, смотрел издали и радовался. Ваня любил разглядывать сестричку. Анечка в душе всех ревновала к малышке, которую считала своей, но никому не мешала нянчиться. Вскоре окрестили Дашеньку, взяв в крёстные Настеньку и Семёна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приснился сон старухе. Утром она стала по кусочкам собирать его в памяти. Сидела косматой медведицей на постели и перебирала в уме частички приснившегося.

Сначала вспомнила: кто-то догонял, а она убегала. Потом вспомнила, как трудно было передвигать ноги во сне, они были тяжелы, как в колодках. Вспомнила дикий страх в какой-то тесной круговерти — шумят вокруг невидимые существа, трогают горячими руками. Сердце бы остановилось от такого ужаса, если бы вдруг она во сне не поняла — это маленькая Мариам ищет её в темноте, обнимает горячими руками... Дальше вспоминает: укутывает она маленькое тело в какие-то меха и несёт, чтобы показать всем, что нашлась пропажа, выходит на яркий свет, кричит: «Смотрите, вот она, Мариам!», но вдруг видит, что руки пустые...

Потекли слёзы по тёмному лицу, привычно заныло сердце. Целый год не снилась внучка, а сегодня, в годовщину, напомнила о себе. Чтобы не терзать себя понапрасну, запретила когда-то плакать по любимице, и всем другим женщинам велела не оплакивать Мариам, не причислять её к мёртвым. Сегодня можно позволить себе быть слабой, сегодня прошёл год с того чёрного дня.

Никогда степные племена не нападают на врагов во время свадебного кочевья, во время праздников. Харам! Какое бы зло ни лежало между родами, какая бы вражда ни кипела между людьми, свадебный караван проходит свободно по любимым землям. Так заведено.

Солнце в тот день было огненно острым, словно тысяча горячих угольков. В предвкушении большого праздника никто не жаловался на палящий зной. Встречных всадников даже самые опытные воины приняли за новых родственников. Только когда засверкали мечи, стало ясно: это нападение. Бекбулат-мурза, опытный вожак, окружил маленький караван джигитами, поэтому враг не застал их врасплох. Оттеснив женщин назад, джигиты встретили налетевший отряд мощным ударом. Завязалась короткая битва, бандиты, растеряв в рукопашной дюжину людей, кинулись назад. Многих из них притащили ногайцы-батыры на аркане назад, остальные скрылись. Несколько раненых было среди бойцов Бекбулата, троим воинам закрыли глаза навсегда. Мир праху погибших.

Отбившийся от своей орды отряд степняков шёл в свои земли. Посчитав свадебный караван лёгкой добычей, решились злодеи поживиться добром, ограбив мирных людей. Но они просчитались, и теперь их тела растерзают степные волки, выклюют им глаза голодные птицы. Собакам — собачья смерть!

Люди повернули назад, в свой аул, послав вестников к сватам. Стали готовиться к погребению погибших, детей всех согнали в одну юрту, чтобы не мешались под ногами. Джамия-бике, мать Бекбулата, по праву старшинства, руководила женщинами...

Только поздно вечером, не дождавшись внучку, послала за ней няньку. Глупая женщина вернулась с вестью, что среди детей Мариам нет.

— Значит, мать её забрала к себе! Вспомнила, что мать! Ладно, пусть ночует у неё, завтра придёт сама. — И, усталая от кошмара и забот, старуха провалилась в сон.

Наутро, соскучившись по внучке, перед похоронным обрядом велела няньке привести Мариам от матери. Но, не дождавшись, ушла оплакивать ушедших. Вечером опять послала за внучкой, но нянька вернулась одна. Даже тогда не подумала о худшем, решила, что девочка заигралась с детьми. Но вдруг ей пришло на ум, что Мариам не переодевалась, её обычная одежда лежала на сундуке. Не могла же она второй день ходить в праздничной одежде! Вот тут в первый раз заныло сердце. Бабушка до сих пор думала, что Мариам находилась рядом с матерью во время нападения, а потом с детьми сидела в дальней юрте, а ночевать ушла к родителям. Еле передвигая тяжёлые ноги, с великим трудом добралась старуха до белой юрты, распахнула цветной полог на входе и, задыхаясь, выкрикнула:

— Где она?

— Кто, матушка? Кого вы ищете? — нежный голос невестки сказал правду: она не знала, где собственная дочь.

Туман беспамятства спас разум от безумия... Когда пришла в себя, то знала наверняка — Мариам не найдут. Пустили весть по великой степи об исчезновении младшей дочери Бекбулата, но никто не откликнулся, не пришёл за суюнчи¹. Одарили бы даже тех, кто принёс косточки для погребения, но и в этом отказал страдающим Аллах.

Знала за собой великую вину мать мурзы: если бы не отогнала от матери ребёнка, то не затерялась бы кровиночка в знойном мареве беспощадного дня. Смирила гордость, поползла на коленах по алому узору белой кошмы к невестке просить прощения. Валялись две женщины, старая и молодая, воя от горя на белой кошме. Изнемогая от боли, встала первой старшая, поднялась и сказала:

— Грех оплакивать не умершую. Не будем поминать, не будем хоронить, не будем больше плакать. Я буду жить до того времени, пока она не переступит родной порог, тогда только умру, если даже придётся ждать вечность. Она вернётся, наша Мариам.

И пошло время. Старуха заставляла верить себя, что внучка живёт среди других, что она жива. Целый год прошёл, целый год! Долгая жизнь, наполненная потерями, научила быть терпеливой. Старая ногайка верила в чудо. И сон был вестью — Мариам жива, она вернётся!

Прошлой осенью пришла ещё одна дурная новость: урусы взяли Казань. Далёкое ханство жило своей жизнью, но существовала кровная связь между татарскими ханами и ногайцами. Старший брат ногайского бия Исмаила, Юсуф-бий, был отцом прекрасной Сююмбике, казанской царицы. Её, ногайскую княжну, выдали в двенадцать лет сначала за правителя Казани хана Джан-Али, которому было всего семнадцать лет. Это был несчастный брак для девушки, муж её не любил. Сююмбике просилась назад к отцу, в ногайские степи. Неизвестно, как обернулась бы её судьба, но через несколько лет Джан-Али был убит во время дворцового переворота. Молодая вдова вторично вышла замуж за родного брата покойного мужа, за хана Сафа-Гирея, захватившего престол, стала его пятой женой. Это брак был счастливым для обоих супругов, они очень любили друг друга, у них родился сын Утямыш-Гирей, наследник хана. Три года назад хан Сафа-Гирей, правитель Казани, внезапно умер: поскользнулся в бане и смертельно ударился виском о каменные ступени. Безутешная Сююмбике стала править от имени сына Казанью. Она прославилась не только своей дивной красотой, но и умом и добротой. Во время своего правления она освободила от тяжёлых пошлин крестьян, торговцев и ремесленников, за что её прозвали «крестьянской царицей». Любили её подданные и за благонравие: Сююмбике жертвовала деньги на строительство мечетей, подарила много книг учёным Казани.

Вести о казанских событиях, о жизни Сююмбике ветром разносились по Ногайской степи. Родичи гордились своей дочерью. Именно брат казанской царицы Али-Акрам прислал сватов за Мадinou, дочь Бекбулата. Сююмбике хотела видеть рядом с собой ногайских красавиц. Прав был Бекбулат, гордясь таким родством, — Али-Акрам, родной брат царицы, сын Юсуф-бия, племянник Исмаил-бия, взял в жёны старшему своему сыну его дочь Мадину, которой было всего пятнадцать лет. Но не прошло и года после её замужества, как пало Казанское ханство.

В ожидании вестей ногайцы ничего не предпринимали. У мурзы Бекбулата угасала последняя надежда на крепкий тыл в лице новых родственников. Исмаил-бий, под крылом которого ходил Бекбулат-мурза, дружил с русским царём, а его старший брат Юсуф-бий всю жизнь сопротивлялся русским. Не была лада в большой ногайской степи...

¹ Суюнчи — вознаграждение.

Пришли утешительные вести: Сююмбике жива, царь Иван забрал её с сыном в Москву, держит в большом почёте. Мадина с мужем остались в Казани, её свёкор Али-Акрам стал правителем Казани.

Юсуф-бий считал пленением жизнь дочери Сююмбике в Московии. Он сговаривался с астраханскими ханами о борьбе с Москвой, послал свои отряды для подмоги, услышав о походе русских к низовьям Волги.

Кончилось мирное время! Что значит судьба потерянной маленькой девочки рядом с судьбами народов? Чёрный вихрь начал своё кружение по бескрайнему Дикому полю, поднимая древний прах павших в кровавых битвах воинов! Говорят, что неоплаканные души не находят себе покоя в иных мирах: это их тени дрожат над сухой степью в гулкий тёмный час перед грозой... Это их мольба перемешивается с воем голодных волков... Это их стон рождает первый виток смертоносного чёрного вихря, вихря войны, вихря беды... Плачьте, женщины, плачьте, матери, плачьте, дочери, над телом убитого воина! Передайте с молитвой его имя в вечное забвенье! Не поднимайте, путники, пыль праха на забытых дорогах древнего побоища! Тогда им останется воевать в своих вечных снах в другом мире...

Неожиданно к родным вернулась Мадина. В Казани было беспокойно, шла постоянная перемена властителей. Али-Акрам крепко держался за власть, но очень боялся измены. Оставив рядом с собой старшего сына, он отослал невестку в Ногайские степи, желая сохранить её жизнь. Но говорили, что он, молодой ещё мужчина, был равнодушен к красоте невестки и, чтобы не искушать себя, вернул Мадину на время отцу. И предлог был удачен: в обычае ногайцев рождение первенца в родной семье невестки.

Станным образом изменило раннее замужество прежде слишком гордую девушку: робко вошла она в отчий дом, горько плакала по младшей сестре, ласково обнимала близких. Тёмное облако страха поселилось в глубине её карих глаз. Был ли это страх перед первыми родами, или это был не угасший ужас вчерашней казанской войны? Спрашивать Мадину никто не стал, её окружили любовью и заботой. В кованых сундуках выгрузили сопровождающие великое богатство: так оплачивал казанский правитель содержание своей невестки в её собственной семье. Гордый мурза не стал даже открывать сундуки, велел оставить их дочери. Узнав о приезде сестры, примчалась Фатима. Соскочив с коня, не поздоровавшись, как положено, со старшими, Фатима забежала в новую юрту сестры. Как изменил всего лишь год обеих! Бледная Мадина всё время перебирала тонкими пальцами бахрому на маленьком коврикe, свисавшем с сундука. Даже радость от встречи не могла оживить её глаза. Фатима не узнавала её! А сама она, в отличие от сестры, лучилась счастьем. Уверенная в себе, прибравшая к рукам не только мужа, но и весь небольшой род, Фатима стала намного привлекательнее. Конечно, она не побелела, глаза не стали шире, но она стала женственней, мягче.

Погостив несколько дней у отца, «мангытка», как её в шутку называли родные, ускакала к новой семье. Бабушка была довольна второй внучкой, нравилась она ей теперь своей деловитостью. Только рожать, похоже, Фатима пока не собиралась.

— Кого она может родить? Только жеребёнка! Вечно скачет на коне, джигит в юбке! Неугомонная! Куда её старый мангыт смотрит?

К холодам наступило время родов. Успели откочевать на зимнее стойбище, пока не зарядили дожди. После пропажи внучки старая бабушка всё реже командовала, уступая невестке управление женщинами. Галимэ, несмотря на тихий вид, оказалась хорошей хозяйкой. Недаром свекровь сразу подозревала в ней сильную волю. И на самом деле, Бекбулат слушался своей жены, которая незаметно управляла им. Да, она

была очень несчастна оттого, что вышла за нелюбимого, некрасивого хромого мурзу. Сердце её принадлежало сыну Исмаила-бия, но он оказался неспособным бороться за свою любовь. Со временем она полюбила своего мужа, он стал её защитой и опорой.

Желание родить наследника, чтобы упрочить своё положение и задобрить све-кровь, заставило сделать Галимэ непоправимую ошибку. Вина перед собственным ребёнком тяготила её всю жизнь. Говорят, что нельзя любить по-разному своих детей, все они одинаково любимы. Это неправда! Она бы отдала всё на свете, если бы смогла прижать Мариам к сердцу.

Готовясь стать бабушкой, Галимэ хлопотала вовсю: надо было всё предусмотреть, чтобы ничего не упустить. Как всегда, всё началось неожиданно, немного раньше ожидаемого срока. Мадина на удивление быстро родила крохотную девочку. Отправив радостную весть в Казань (хотя там очень ждали мальчика), стали готовиться к обряду имянаречения. Думали, что скоро Мадина вернётся к мужу в Казань. Сама она повеселела, похорошела, пополнила.

Стали съезжаться знатные гости из других родов: как-никак предстояло имянаречение внучки казанского правителя! Для гостей поставили тёплые юрты. Хорошо, что ударили первые морозы, и земля немного подсохла. Узнав о предстоящем пиршестве, поспешили к аулу музыканты. Много новых песен сложено ими, много побед прославлено под кабыз. Только старая Джамилия-бике, мать мурзы, не знала в эти дни покоя. Как замороченная, она твердила про себя:

— Прогневали мы Аллаха, любой наш праздник приносит горе. Арслан погиб перед свадьбой, Мариам первый раз потерялась при сватовстве, после свадьбы Фатимы вихрь унёс моего верблужонка! Не карай нас больше, Аллах, дай осушить глаза от слёз!

Не ошиблась старуха: дали имя Саня маленькой княжне, два дня гуляли гости, не успели разъехаться все, как на третий день пришла весть о смерти зятя, мужа Мадины. Не отпустил его отец на встречу с женой и ребёнком, вспылил сын, сам решил уйти, а за крепостной чертой пристрелила его чернь. Осталась маленькая черноглазая девочка, крепко цепляющаяся за жизнь, без отца. Суждено будет Сание пережить всех врагов отца и деда.

Вскоре после гибели сына Акрам-Али потребовал возвращения Мадины в Казань. По закону он имел право распоряжаться судьбой невестки. Но так как она уже находилась у своего отца на момент вдовства, то она сама должна была решить: оставаться в отчем доме или возвращаться к родственникам мужа. Ногайцы никогда не были фанатиками в вопросах веры, часто споры решались по договорённости.

Мурза ни разу не заходил к старшей дочери. Ей отвели отдельный домик, который топился по специальным глиняным трубам, скрытым в стенах, — по ним шёл горячий воздух из печей. Яркие пушистые ковры закрывали все полы и стены. Деревянные лавки для отдыха тоже были закрыты мягкими перинами и коврами. Сундуки стояли в ряд у задней стены. Люлька была укрыта шёлковыми тканями. Две прислужницы, молоденькие девушки, готовы были выполнить любое желание Мадины. На низком столике, укрытом плотной парчовой скатертью с золотым рисунком, стояли чеканные серебряные блюда с сушёными фруктами, с халвой, кувшины с щербетом.

Тяжёлые светильники в форме шара, сделанного из резных медных листьев, свисали с высокого потолка. Узкие окна пропускали свет сквозь толстое зеленоватое стекло, вставленное небольшими кусками сквозь ровные промежутки деревянных рам. Больше ни у кого в ауле не было стеклянных окон. Даже собственной жене Бекбулат никогда не позволял жить в такой роскоши. Особое

положение Мадины, как жены сына казанского хана, предписывало считать её почётной гостьей.

Отец не стал заходить в покои своей старшей дочери, но и она не имела права покидать кров по случаю траура по погибшему мужу. Тогда он вызвал её через прислужниц в небольшие сени, пристройку к дому. Мадина не казалась сильно опечаленной, скорее, она была весела: круглые щёки таили улыбку, глаза не могли скрыть довольство.

Бекбулат полюбовался красавицей дочерью. Какое ему дело до покойника-зятя, его волновала родная дочь.

— Твой свёкор требует твоего возвращения в Казань. Что ты ответишь на это?

— Не спрашивайте меня пока, отец, у меня траур!

— Там остался твой дом, ты по адату¹ имеешь право на него и на своё имущество.

Ещё раз спрашиваю: ты хочешь вернуться в Казань?

Слишком быстро опустила глаза Мадина... Яркая краска смущенья покрыла всё лицо, даже маленькие уши под высоко завязанным платком ярко вспыхнули маками. Много было сказано без слов. Дыма без огня не бывает! Значит, неспроста просит Али-Акрам Мадину к себе.

— Доченька! Тебе только шестнадцать лет, пройдёт траур, и любой знатный мужчина может стать твоим мужем! Не торопись с ответом, не отвечай мне, подумай, твоя жизнь в твоих руках!

И в смятении мурза вышел на холодный воздух. Не посоветовавшись с матерью и с женой, Бекбулат ответил через гонца, что неуместно прерывать законный траур, только через четыре месяца они узнают решение вдовы.

Пришла бесснежная зима с холодными ветрами. Такого лютого мороза не помнили старики: птицы замерзали на лету, волки подходили близко к жилью, мёртвые сайгаки покрыли мёрзлую землю. Скотину спасали заготовленным кормом, заводили в кошары, крупный скот прятали в низинах, куда не долетал шквалистый ветер.

Выпал снег, немного потеплело, народ повеселел. Посередине зимы стало неожиданно совсем тепло, снег стал быстро таять. Вдруг ударил мороз, ещё крепче прежнего, солнце скрылось на много дней в свинцовых тучах, голая степь трещала по швам от ледяной корки.

Стал падать скот... Всего месяц длилось Божье наказание, но этот месяц навсегда подкосил могущество Ногайской орды, считавшей своё богатство в табунах лошадей. Это было началом больших бед ногайского народа.

Весна пришла настоящим спасением! Долго не могли выбраться на летние пастбища: убирали и закапывали падаль. Берегли оставшихся лошадей, пасли их круглосуточно на первых лужайках. Рассылались гонцы, узнавали таким образом, как обстоят дела у соседей.

Участились казачьи набеги на аулы: пользуясь слабостью ногайцев, атаманы рещались на дерзкие налёты. С опозданием на месяц двинулись кибитки с голодными, обзлётными людьми на джайляу.

Только устроив, как подобает, юрты, поставив рядом с ними на воле треножник с казаном, отпустив остатки захудалого стада на пастбище, успокоился и повеселел аул. Дети искали черемшу, дикий лук, выкапывали корни травы, которые можно было зажарить на костре, и, очистив от горелой шкурки, полакомиться. Люди тоже искали подножный корм.

¹ Адат — обычай.

Мурза безуспешно пытался купить просо у урусов, обменять что-нибудь на муку. Царь Московии, молодой Иван, запретил вести обмен и торговлю с ногайцами, поставлять им зерно и пшено. Так он хотел сделать их сговорчивыми и мирными.

Запасы быстро таяли, народ кормился молоком, скот резали по крайней нужде. И в это непростое время заявили посланцы из Казани с богатыми подарками: в тюках лежали сладости, крупы, мёд.

Просьба была прежняя: отправить невестку с внучкой назад. Бекбулат прекрасно понимал теперь, почему так настойчив Али-Акрам. На этот раз он призвал дочь к себе, в белую юрту. Вызвал мать, она сидела слева от него, вызвал муллу — тот сел справа от мурзы. Казанцев на совет не позвал, их потчевали в гостевой юрте.

Галимэ была выслана навстречу к дочери. Пропустив молодую женщину, мать осталась у двери. Взволнованная Мадина не могла отдышаться: решалась её судьба.

— Здравствуй, дочь! За тобой приехали и за твоим ребёнком. Ты обещала мне подумать и решить, где будешь жить после траура!

— Я в Вашей воле, отец! Если разрешите поехать в Казань на время, то я туда поеду, — голос Мадины дрогнул. Толстокожему Бекбулату трудно было понять, хочет ли дочь на самом деле назад в Казань.

Старуха-мать была куда глазастей:

— Что за шкатулку тебе тайком передали гости? Говори!

— Это мои драгоценности!

— Если они твои, то почему за нашей спиной такое творится? Почему ты должна стыдиться своего добра?

— Я ничего об этом не знаю, бабушка!

— Скажи прямо, что свёкор одаривает тебя тайком! Скажи, бессовестная! Где это видано, чтобы за сыном наследовал отец! Или ты думаешь, что мы ничего не понимаем! — старуха была вне себя от гнева.

— Тише, матушка! Давайте послушаем уважаемого муллу.

— По адату, уважаемые, женщина имеет право сама решать, что делать после траура. Если ей принадлежит дом, то она имеет право вернуться туда и жить сколько надо. Женщина имеет право выйти замуж за любого мусульманина. — Мулла долго перечислял соответствующие законы шариата, под его дребезжащий голос все успокоились.

— Тогда в последний раз спрашиваю при свидетелях: ты уезжаешь по своей воле или остаёшься с нами?

Видно было, что в душе Мадины происходит борьба, она не могла решиться сказать правду родным. Слёзы покатались по щекам, сил не было вымолвить заветное, самое сильное желание: с самого дня приезда её сердце рвалось назад! И не муж снился по ночам, а его отец! И десятой женой пошла бы к Али-Акраму, и служанкой мыла бы ему ноги и пила эту воду... После молчания, Мадина гордо вскинула красивую голову и сказала, глядя прямо в глаза отцу, отчётливо и громко:

— Я никуда не поеду! Я поручаю нашим родственникам поехать за моим имуществом в Казань! Разрешите, отец, жить рядом с вами!

Сразу оттаяло сердце отца. Он поверил дочери, взвалив все подозрения на чужого ему человека:

— Так и быть, дочь! Ты остаёшься! Никто не посмеет обидеть тебя в доме отца!

Не распакованные тюки загрузили под голодными взглядами людей обратно и отправили в Казань. Это означало, что мурза Бекбулат отказывает всесильному властителю Казанского ханства. Все знали, что такое неуважение не прощается. Так

решилась судьба не только Мадины, но и всего рода. Отныне только Исмаил-бий становился покровителем Бекбулата-мурзы.

Все маленькие дороги когда-нибудь собираются в одну большую, по которой идти надо до конца. Дорога находит своего путника и больше никуда не отпускает его от себя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лютый выдалась вторая зима Ани в Крутом Яру. Работы прибавилось: росла и нуждалась в заботе Дарьюшка, Марья стала прихварывать. Пётр больше не рвался из дому, вьюном вился вокруг дочери, стал на руки брать, игрался, от обоза отказался — где ж такое видано?

Но приказ есть приказ — угнали опять казаков куда-то вверх. В начале зимы ушли, почитай, все. Зря бабы шутики шутили — и Егор ушёл, и Архип, и Семён... Остались незаписанные да старики. Одно сказано было: не на войну. А как верить? Город, говорили, будут ставить на Увек. Самое гнездо татарское, как там строиться? Это мужики так говорили, а бабам неведомо — где Увек, где Астрахань. Им бы знать, где родимый сейчас? Не попал ли в плен? Не лежит ли убитый на холодной земле? Молились жарко о спасении, о возвращении.

Марья сохла по мужу, боялась за него. Сядет за веретено, а сама на дверь пялится, ждёт...Тихая мачеха пугала Ваню — он привык к окрикам мачехи. Аня будто ничего не замечает, возится по дому, за Дарьюшкой приглядывает.

На радость родным вернулись казаки! Почужевшие, с новыми словечками, весёлые. Урона не было, вернулись все, только Михаила ушибло бревном, всю жизнь потом маялся спиной. Слегка заморозило мужиков по дороге, но отошли, руки-ноги целы!

Марья ожила, помолодела, не знает, куда муженька посадить. Хорошо, что вернулись до тепла, успеют за рыбой сходить. Хотя пробивать толщу льда — замучаешься, но дело того стоит. У некоторых уже мороженой рыбы не осталось, солёную отвари-вали. А кто сушённой и печь топил.

Вести привезли казаки. Сказывали о будущем походе на Астрахань. О новых воеводах судили, о новой крепости. Про великий мор ногайский знали, жалели басурман. И совсем тихо шептались про царские причуды, про казни боярские.

И покати-лась жизнь по-старому: Волга, рыба, скотина, огород... Ан нет, подтянулись казаки, сами сходничать стали, оружие и коней готовить без всякого приказа. Войной запахло, непролитой кровушкой...

Сколько верёвочке не виться, но край всегда выйдет. Так и получилось. Настенька повадилась ходить каждый день к Аньке. Той некогда баклуши бить, работы полно, а у деда Алёхи ни коровы, ни овечки, только с пяток кур водится. Вот Настя и свободна. Стала Марья приглядываться, и сердце ёкнуло: не к Ане бегаёт девка, а Ваню высматривает. Миловидная, весёлая, ласковая Настя нравилась Марье. Аню говорить она научила, и всему другому учит. А как вызнала, что за Ваней бегаёт, тут как отрезала — невзлюбила Марья Настеньку. Да хоть режь, а не хочет такую невестку!

Стала высмеивать ненароком за безделье. Ане невдомёк: что переменялось? Почему Марья теперь выставяет её подругу за порог? А Настя стала на улице Ваню останавливать, в дом зазывать помочь в чём-то. Тот телёнок — идёт, улыбаётся...Наперекор Марье загорелось огнём сердце девичье. Подружки подружками, а Ане ни словечка не сказала. Однажды собирались девочки после пасхи у Настёнки дома.

Снесли крашёнки, пирогов. Вечером дело было. Хвалились обновками — у кого лента новая, у кого платок, у кого сарафан. Ане Пётр сапожки привёз ещё зимой. Тонкой кожи, невысокие, лёгкие. Только на праздник надевать. В церковь Аня не ходила, а погулять обулась. Мало детей так баловали, сапоги водились только у мужиков, редко у баб. Похвасталась Анята, повертелась. Подружки губы надули, но потом забылось. Забежали парни, всё перевернули верх дном, шутки шутят, зубы скалят. Хотела Настенька к Ване прижаться, а он к Аньке подошёл, вглядывается — не обидел ли кто. Сестрица улыбнулась ему, а парень вдруг засиял ответно. Переглядываются, без слов разговаривают. Настя другой раз хотела заговорить с Ваней, а он отмахнулся от неё и убежал из хаты. Тут и случилось негаданное. Настя подступила к Ане:

— Аня, а почто ты в церковь не пошла на праздник?

— Я не хожу в церковь, ты знаешь, Настенька.

— А почто не ходишь-то? Ты ж крещёная?

— Я не знаю...

— Как это так не знаешь? У тебя мать русская? Как её зовут?

— Галимэ... — Имя давалось с трудом. — Маму мою зовут Галимэ.

— Русская?

— Нет, не русская...

— Ты не бойся, Расскажи нам, откуда свалилась, рассказывай! — Прежде близкие подруги стали вдруг чужими. У Ани дрожали колени. Она поняла, что надо рассказать правду, но с чего начать, она не знала.

— Не с неба же ты свалилась к нам на голову. Расскажи!

— У меня сестра выходила замуж, мы поехали к ней в гости. Не к ней, а к её мужу. На нас напали. Я убежала. У меня есть бабушка. Анэ. Отец — мурза. Наш аул очень далеко. Старшая сестра вышла замуж в Казань. Её зовут Мадина. А вторая — Фатима. Брат есть маленький — Юсуф. Мама живёт с отцом и Юсуфом, а я с бабушкой.

— А говорили, что твоя мать сбежала с тобой от мурзы. Говорили, что она русская.

— Неправда! Мама не совсем ногайка, но не русская! Она там осталась, с отцом и бабушкой...

Девочка затравленно озиралась, слёзы вскипели у неё на глазах, она не знала, что говорить.

— А пленные русские были у вас?

— Были, но недолго, их потом увели.

— А куда?

— Я не знаю. Я им хлеб дала. Они в юрте жили.

— А твой отец с русскими воевал?

— Он мурза, он не воевал.

— Что ты сказки рассказываешь! Не воевал, не знаю... Брешешь всё! И мачеха твоя всё брешет! Все вы воюете! Откуда тогда пленные, если не воюете? И ты не зря сюда попала, высматриваешь всё! В сапожках она! А завтра убивать нас пойдёшь! Орда твоя татарская придёт в плен меня брать! — Настя по-бабьи наклонившись вперёд рукой тыкала в грудь подруге.

Аня подскочила, рванулась к двери и убежала в темноту. Все молча разошлись по домам. Но разнесла молодёжь по всей станице новость: как Марья всех обманула. Главное, понять не могли, почему соврала? Многим она давно была поперёк своим нравом, а тут нашлась причина ей попенять.

Аня рванулась к лесу. Убежать куда глаза глядят! Пусть волки её съедят, но не вернётся она в станицу! Лучше в лесу спрятаться от людей! Но почему все так жестоки друг к другу? Бабушка не любила маму, Марья не любит Настю, русские не любят

татар, татары не любят русских! И все воюют, воюют! Разве она виновата, что её привезли сюда? Кто её спросил? Разве она виновата, что сапоги Пётр подарил?

Вспомнив про сапоги, Аня села, стянула их и выбросила подальше... Слез не было. Была боль, дикая боль... И завyla степная девочка на краю тёмного леса от одиночества, от тяжёлой тоски, от отчаяния. И пошла босыми ногами по холодной земле подальше от людей, от вечной своей вины...

Ваня, управившись с делами, решил зайти за Аней, чтобы забрать её с посиделок. Наня встретила его виноватая в пустом доме.

— А где Анька?

— Ушла уж.

— Давно ль?

— Раньше всех.

— С чего так? — А сам прикидывал, почему он её нигде не встретил. — Ладно, я пойду.

— Вань! Ты это... Подожди, Ваня, не уходи, я боюсь...

— Не в лесу, волки не утащат!

— погоди, Ваня... Я... это...хотела сказать... Поругались мы с Анькой! — выпалила, наконец.

Ваня повертел головой. Представить, что с Аней можно поругаться, он не мог.

— Рассказывай!

— Я спросила, кто у неё мать...

— Ну?

— Она сама рассказала, что не русская мать, как сказывали, и отец у неё мурза, и плен держали...

— Ты что, пытала Аньку? При всех? Ты что, белены объелась?

— Ванюша, я просто спросила, а потом и Манька спрашивала...

Ваня уже не слушал, он побежал искать Аню. Заскочил домой, в полутьме разглядел Марью, отец уже спал.

— Носит вас, полунощников! Где Аня?

— Девки что вытворили: выпытали у Аньки про всё, про отца, мать...

— Настька? Она! Из-за тебя выкручивается!

— Почто из-за меня? Я знать не знаю ничего!

— Разуй глаза, телёнок! Настя около тебя хвостом вертит, а ты... Погодь, куда Анька убежала? Это в ночь-то? Беда!

— Ладно, пойду искать, может, где на завалинке сидит.

Темно, хоть глаз выколи. Знать бы, в какую сторону пошла. Вышел к лесу, кружил, будто по голосу шёл. Кричать стал. Падал. Сердце билось страхом, что угодила куда-нибудь, пропала совсем. Молился: «Помоги, Господи! Спаси и сохрани!» Уже заря поднималась, когда на сапоги наткнулся. Обрадовался. Стал кричать во всю глотку. Вдруг увидел её. Стояла возле дальней берёзки. Не помнил, как добежал. Встал против беглянки. А она смотрит молча на него, вглядывается, будто ищет чего.

— Анька, Анечка! Как ты меня напугала! Думал, не найду никогда...

— Зачем искал? Не пойду в село, пойду своих искать...

— Я тебя никуда не отпущу!

И пошёл обходить её кругом, справа налево, семь кругов сделал.

— Вот видишь, в круг тебя взял! Никуда из этого круга ты не уйдёшь! Всегда тебя найду!

Взял за руки и повёл домой. Идут, плечом к плечу касаются, до сапог дошли. Обул на истерзанные ножки обувку. А ноги холодные, как лёд. Улыбнулась печально, головы склонённой рукой коснулась. Не выдержал, прижал к себе Анечку, крепко обнял, задыхаясь от жалости и нежности, только шептал:

— Всегда найду...

Дошли до дому, а там кинулась к Ане Марья, обнимает, плачет. Пётр обнял обоих, заторопился куда-то. Вздохнула Аня, подошла к спящей Дарьюшке, тогда и улыбнулась по-прежнему — светло и ясно.

После воевала со станицей Марья, заступаясь за Аню, ругая себя. Пришла Настенька с повинной, а какая тут вина... Стали дружить по-прежнему. Только Ваня и Аня стали избегать друг друга.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пришло беспокойное лето. Казакам не давали покоя: то выгоняли в степь искать татар, то по Волге посылали встречать струги с казаками, что шли на Астрахань. Про тот караван прознали татары, заслон выставили...Затеяли переговоры, до войны не дошло, повернуло войско назад. По пути казаки пошумели, погуляли по степи, удаль свою показали, с джигитами бились, в полон брали.

Служивым стало не до промыслу, одни кузнецы стучат, да на малых лодках бабы с детьми по реке рыбу ловят. Не у всех лодьи есть, и семьи договариваются промеж собой ватажничать. Ваня, его друзья-ровесники заместо отцов с утра при работе. Дождей было мало, река ушла далеко, огороды поливать — морока... Таскали детки малые в бадейках воду, поливали капусту. Продержались без мужиков, те только на побывку заскакивали на ночь.

Аня теперь отошла от подружек после того случая. Марья учила: зря не болтай, нечего языком трепать, себе же худо сделаешь. Раз столкнулась в сенях с Ваней. Стал поперёк дороги, не обойти. Заметил парень, что девушка вытянулась, тело набрала, конопушки ружные на носике выгладел.

— Ты почто от меня бегаешь?

— Некогда мне! Пока Дарьюшка спит, за свеколкой сбегая.

— Принесу тебе свёклу, только скажи.

— Ты Насте носи, она просительница, а я как-нибудь сама!

— Погоди, Анюта, ты Настю не приплетай, у ней свой огород! Пойдём вечером на посиделки?

— Промеж двоих не усидишь!

— Настя мне как сестра, ты же знаешь, Анюта!

— Таки я сестра!

И убежала от него. Спряталась за кустами, а сердце колотится, дышать трудно. Снилось ночью, будто взлетает она с яра, воздух тёплый, душистый обнимает её и поднимает высоко-высоко, и так сладко ноет в груди от лёгкости и радости.

Орлам весело летать над степью: никакой пожар не опалит широкие крылья. С высоты можно всегда выглядеть себе поживу или спокойный уголок для отдыха. Холодным острым взором следят они из недосыгаемости за человеческими страстями: кровавыми битвами, спешными перемещениями или укреплением на месте. Воронье дело — жажда побою, оттого это громкое ненасытное птичье племя толкается рядом с людьми... Недаром ворону издавна считают чёрной вестницей.

Осенью закружила в лесах несметная стая, грай заполонил побережье Волги. Стрижи, облюбовавшие крутые берега для своих гнёзд-норок, беспокойно слетали с обжитых мест.

«Быть войне», — твердили старики. Но неожиданно улетела тёмная туча, стало непривычно тихо. Жизнь в станице шла своим чередом. Готовились к зиме, спешно убирая урожай, делая припасы. Успели несколько раз сходить за большой рыбой, как застучали через станицы посылные о новой беде: ногайский Юсуф-князь пошёл на Москву. Спешно, побросав снасти, сели на коней казаки и отправились по приказу. Бродили разные слухи, никто не знал правды. Говорили, что этот Юсуф-князь пошёл добывать в Москву дочь и внука, а дочь та была — казанская царица, а сын её — царевич. Взяли их в плен по обману, обещали почёт, а сами посадили их в клетку. Не договаривая имя того, кто обманул, все знали, о ком речь. От подлого лукавства поднялась орда и пошла топтать русскую землю.

Не впервой за княжеские обманы трясётся земля под скопищем врагов, льётся сладкая кровь для степной земли. Вырастает на крови аленький цветочек мак с чёрными глазами, недолгая краса земли: дунет ветерок — и улетит по ветру атласный лепесток. И вытекает на землю мелкое сонное семя, — столько семян, сколько душ развеяно навеки...

До зимы вернулись казаки обратно, все как есть вернулись! Оставили их в заслоне, на случай, если пойдут на подмогу ногайцам крымцы. Зря прождали. Орду рассеяли до Москвы, встретили крепкой обороной. Не стали перед зимой задерживаться в чужих землях ордынцы, повернули назад.

Аня слушали эти речи на рубке: капуста уродилась в этом году хорошая, дождливой осенью налилась, теперь сообща то в одном дворе, то в другом мельчили её с морковью для засолки в кадушках.

Рассказывая про ногайский набег, оглядывались на Аньку, а она опускала тёмные глаза в густых ресницах и продолжала рубить капусту. Но не отпрашивалась с такой пыткой, шла ко всем. Считалось, что у неё лёгкая рука, капуста не перекистет, будет сладкая, с того и зазывали первую. Кто такое про девку придумал, никто не помнил.

Дома, даже лаская беленькую пухленькую Дарьюшку, пыталась вспомнить забытые имена. Теперь она не боялась прошлого, оно было рядом, не отпуждало. Вспомнила: Юсуф и Исмаил — князья-братья. Имя Юсуфа произносилось с уважением, он был старший брат. «Всю землю от моря до гор Юсуф-бий ногой попирает!» — говорили ногайцы. Только бабушка не любила эти восхваления, бывало, что плевалась. Брата тоже называли Юсуфом, анэ дала согласие на имя Юсуф долгожданному внуку. Почему? Ответа теперь не было.

Отец служил младшему брату, Исмаилу-бию, который тоже был великим правителем, владел половиной ногайской земли. С детства слышала в ауле, что Исмаил-бий дружит с урусами, оттого и не ладит со старшим братом.

Теперь только понимала Аня, что пленница-царица — это красавица Сююмбике, про которую ногайский народ слагал песни. Все девочки хотели походить на Сююмбике. Сестра Мадина стала её родственницей, вышла замуж за казанца.

«Мне никогда не выйти замуж!»

А тут маячит перед глазами синеокое лицо:

— Анюта, беги помогать, сено привезли.

Запоздали с сеном, ближние стожки перевезли, а с займища только везут.

Полезла принимать, складывать, разогрелась от работы. Быстро управилась, Пётр с Марьей ушли с база сразу, а Ваня с Аней остались догрести, подметать. Сено душистое, золотистое. Но можно найти в нём засохшие ягодки, цветочки.

— Вот тебе ягодка сладкая.

— Насте оставь.

— Ну что ты заладила — Настя да Настя!

Аня улыбнулась. Она умела так улыбаться: ни весело, ни грустно, одними глазами.

— Ваня! Я скоро уйду от вас, насовсем уйду...

— Отчего ты так говоришь, Анюта? Кто тебя обидел? Что ты удумала?

— Говорят, скоро война, Ваня. Что со мной будет? — Не могла Аня высказать всего, что на душе томится. Вдвойне бояться за любимых, когда они друг против друга.

Подошёл близко, поднял за нежный подбородок, взглянул в глаза, прочитал затаённое. Нахлынуло давешнее — жалость и нежность. Боялся не сдержаться, не захотел обидеть, отошёл парень, привалился к плетню, слушал её дыхание за собой.

— На войну уйду, будешь ждать?

— Буду ждать, пока не умру.

И убежала. Перестали с той поры чураться друг друга. Рядом не ходили, мало говорили, но смотрели друг на друга и улыбались.

И зима пролетела быстро, хорошая была зима, ровная, снежная. Дарьюшке казанки маленькие справили, шубейку сшила сама Анька, и теперь выводили девочку, заматанную в платки, гулять...

Заговорил о сватовстве Пётр с Марьей: Ваня, мол, который год с Настёной дружит. Марья ласкова стала, но характер свой не умерила, когда надо — вскипала разом. После её ответа Пётр рот свой не открывал, остыл. Не понимал Марью: девка хороша, родни, чтоб лаяться, за ней нет. Но такой лад был в семье, когда по хозяйке всё выходило, поэтому лишний раз из себя её не выводил. А тут шепнула жаркой ночью такое, что Пётр несколько дней ходил как ошарашенный: опять понесла жена, к осени ребёнок поспеет. На этот раз оба не боялись — вон Дарья топает по дому, тряпичных кукол убаюкивает. Надо ждать хорошее.

Уже два года про Астрахань говорили, а на третий собралась Русь воевать татар. По Волге прошли струги князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина, на Крутом яру высадку сделали, забрали с собой часть казаков. Шли лодки с песнями, с пушками. Разного народа набрал князь: были там стрельцы, казаки, ополченцы. Полдня с яра никто не уходил, провожали войско. Остальные казаки ушли конно. Отпустили родных без большого страха: сколько уже ходили, а всё возвращались. Вон сколько вояк на стругах, а ханство Астраханское против Казани совсем малое. Одолеем!

Хотел и Ваня уйти с казаками, не взяли — годами не вышел. А постарше друзья поскакали рядом с отцами. Ничего, успеется. Надо кому-то за рыбой ходить, покупателей больше стало. Опять же, ледники надо кому-то чистить.

Ваня ходил за лозой для плетня, задержался и встретил вечером у леса Настю. Окликнула она его тихо из-за куста. Сердце вздрогнуло — думал, Аня. Это их место, здесь он обувал беглянку, обнимал крепко.

— Ваня, здравствуй! Бог в помощь!

— Ты заплуталась, что ли?

— Прогуляться решила, Ванюша! Да брось ты вязанку свою, леший!

— Поздно уж, скотину закрыть надо.

— Закроют без тебя! Анька-угодница готова ломить за всю станицу.

— Приучена к работе, вот и ломит.

— Защитник какой! Аль любя узкоглазая?

— Не твоего ума дело, кого хочю, того полюблю!

— Ванюша, миленький, посмотри на меня, измаял ты меня, тошно мне! Люблю я тебя, родненький, себя не помню как люблю! Посмотри на меня! — Такой свет, такая

любовь исходила из огромных глаз Настеньки, так чудно белело милое лицо, так сладко манили влажной темнотой губы, что оторваться не было сил.

Настенька сама потянулась к нему, подставила хмельные губы. В дремучей истоме заволокло всего, затрясло: учуял, как запахло близко запретным девичьим, податливое гибкое тело влекло вниз, на травы. Себя не помнил в жарком сплетении. Укололся спиной о корягу, сразу пришёл в себя, стряхнул липучку-девку.

— Хватит, побаловались, иди домой, Настя...

— Ванюша, но ты ведь тоже любишь меня, не гони меня, родненький!

— Настенька, не доводи до греха. Не дело до свадьбы любиться! — А сам прийти до сих пор в себя не мог. Вот оно, женское, рядом, только руку протяни...

— А ты засватай! Всем отказываю, а за тебя пойду! И мачехи твоей не убоюсь!

— После поговорим, Настя. Ты сейчас уходи, увидит кто, станут болтать...

— Испугался! Аню боишься обидеть? А если расскажу, как целовал меня, в траве валял?

— Так ничего ж не было, Настя! Иди добром, недосуг мне...

Спал в сенике, на ночь дверь припёр вилами. Придёт вдруг ночью шалая, тогда уже с собой не совладаешь... И смех, и грех...

Накатила чёрная туча. Сначала весть прилетела: Астрахань без боя взяли, убежали татары, город бросили. Обрадовались станичники, стали поджидать своих казаков. Не поняли поначалу, почему медленно идут. Скарба, что ль набрали? А когда всё поняли, пошли навстречу с плачем. Живых с коней стаскивали, били по груди, спрашивали: «Как? Почему не оборонил? Почему сам живой, а брат в телеге?!»

Вполовину скосили казаков, лежат они на мягком сене, глазыньки закрыты...

Выли в каждом доме, даже в тех, где уцелевшие сидели за столом: каждый другому брат, или сват, или друг... Пытали живых: «Как?»

Выдавливая из себя слова, рассказывал Василий:

— Обрато шли, врага не ждали, а они засаду устроили. Не успели мы толком собраться, налетели тучей татары, если бы не помощь других, то всех бы порубили. Следом другие казаки шли, услышали, не отступились, в бой ввязались. Сами много полегли, а нас спасли.

Обряжали с плачем в новое, прощались. Не вернулся живым младший брат Петра Семён, рядом лежал Гаврила, далее Егор. Весь порубленный, не узнать, покоился Григорий, за ним — будто уснул — красавец Ванька, кузнецов сын. И много других.

Пётр был ранен, шрам лёг через всю щеку, чуть до глаза не дошёл, руки иссирканы. Марья воеет по Семёну, жалеет Степаниду с детьми. Сильно убивалась есаулиха: одна с тремя детьми осталась: ни скотины нет, ни запасов, ни родни. Дадут ли хлеба за отца, никто не знает. Маланья троих потеряла: брата, мужа и полюбовника-есаула. Все знали про их любовь. Осталась одна-одинёшенька! Пошла она делить горе с соперницей-женой, голосили рядышком. Горе ползло из дома в дом, смотрело голодными глазами детей, хлестало холодным дождём через прохудившуюся крышу. Не успел казак обновить тёс, думал, успеется.

Не забылось ещё горе, а надо живым на путину идти. Вышла раз на берег Аня готовить столы для разделки рыбы. Немного было баб на берегу, собрались одни новые вдовы. Может, вышли, чтобы не попрекали потом куском, не хотели стать обузой станице, пока дети не подрастут.

Начала плач Катеринка. Хорошо она жила с мужем, любила его очень. Стали другие тихонько подвывать. Степанида часто ходила к Марье, подружками стали. И Аню своей считала. А здесь вдруг глянула заплывшими от слёз глазами на неё, замахнулась тряпкой грязной, стала орать:

— Твои убили Семёна, нехристы! Что уставилась? Мало жалели тебя?

Зашумели все, одни остерегая, другие выплёскивая горькую ненависть к врагам. Вот она — стояла рядом — басурманка, вражина. Не убежала Аня, стояла онемевшая, как вкопанная, это злило больше, чем защитные слова.

— Скажи, Аксинья, скажи ей в глаза, бесстыжей, одну тебя на белом свете оставили! А ты с тремя что будешь делать? А мы кормим бесово семя...

Маланья вышла из-за стола с ножом в руках — чистила им столы. Медленно к Ане шла. Все замолкли на время, выжидая. Никто не кинулся на выручку. Встала против басурманки, слёзы катятся по лицу, сама растрёпана:

— Вы что, очумели, бабы? Не она убивала!

Отвела назад руку с ножом, будто себя боялась. Глядь, Марья свалилась с яра, простоволосая, тяжёлая, пузо выше головы, выкинула Маланью подальше, закрыла Аню собой.

— Басурманка, говоришь? Тогда меня режь, у меня отец ордынец!

У Маланьи нож выпал из рук:

— Не наговаривай на себя, Марья! Не тронем мы твою Аню, погорячились.

Другие зашумели:

— Успокойся, скинешь ещё, а нам отвечать.

Но Марья не унималась:

— Думаете, брешу? Нет! Крымский татарин мне отец.

Теперь сами бабы подвинулись, сгорая от любопытства, про Аньку позабыли. Усадили на чурбан осторожно Марью, воды поднесли. У ней зло горели глаза:

— Знать хотите? Знать? Вот знайте! Откуда с бабкой Лукерьей пришла? Не знаете! С самой Москвы пришли. Неродная она бабка мне, ей соседка перед смертью оставила дочь свою — мою родную мать. У соседки-то детей не было. А как выросла мать, так ордынца полюбила, двор татарский рядом был, посольский. Отец красавец был, богатый, весёлый. Бегала к нему сама, не сильничал. Уезжать стал, она за ним рвалась. А он не взял. Там, может, жёны у него были, в Крыму. Обещал вернуться, креститься. Врал, поди. Понесла от татарина, срам на всю улицу. Извести хотела плод, но бабка Лукерья удержала. Как я родилась, все отвернулись, гнать стали, дом подожгли. Ушли из Москвы, в монастыре пожили, и оттуда ушли. Так и пробирались. Очень хотела мать до Крыма дойти, до татарина своего. Я только говорить начала, когда она помёрла. Маленькая была, помню, через орду шли, нас кормили молоком. Бабка перед смертью заново всё рассказала. Имя отца сказала, вдруг найдёт. Выходит, я как ни есть, басурманка. Режьте и меня.

— Полно тебе, идите с Богом, это мы с горя голову потеряли...

Глядели, бабы вслед теперь уже двум басурманкам, прикидывали: и видом Марья не наша — смуглая, и глаза, что уголья, и волосы чёрные. Раньше будто не замечали.

Больше Аню никогда басурманкой не называли.

Горе порой переворачивает людей. Узнали вдруг: перешла Маланья жить к есаулихе, которая осталась одна с тремя детьми. Скотины у есаула, кроме коня, не водилось в хозяйстве. Воином был есаул Наум, казаком, всю жизнь на службе. И погиб по-геройски, многих врагов жизни лишил. И конь слёг под ним от ран. Не знаю, кто раньше дух испустил. Может, вместе отошли, казак и казацкий верный конь.

У Маланьи водились овцы, коровёнка была, кур много. Со всем добром пошла к сопернице. Как они меж собой договорились, никто не знает. Удивлялись станичники, но не судили: надо всем выживать, детей поднимать. Есауловы дети не пропали, выросли, семьи завели. Младший первый из станицы взял потом в жёны татарку.

В его семье рядом со смуглыми внуками доживали две женщины первого есаула — жена и полюбовница.

По-разному у всех сложилось потом, худо было многим осиротевшим семьям, много нужды видели дети. Спасал мир: делились рыбой, хлебом, помогали, чем могли. И потом потери случались, но столько разом больше не ложилось насмерть казаков. Урок большой, урок горький: учить стали молодых бою, джигитовку переняли у степных, на оружие не скупились, коней оберегали для похода. Всё по есаулову слову вышло. Сразу не послушались, только через кровь поняли: казаком не родиться — казаком становиться надобно!

Горе горем, а жизнь шла своим ходом. Марья призадумалась. Не век девке дома сидеть, невеста уже. Аню хвалили многие, у кого парни росли. А возьмут ли некрещёнку? Пошла Марья, наконец, к батюшке, давно собиралась. А батюшка был простой, понятливый. С этой простоты его и водворили на дальнем поселенье. А ему того и надо. Жил он бедно, с народа не тянул ничего за обряды. Сами помаленьку несли люди, он и тем малым делился с бедными. Матушка не противилась, сама добротой славилась.

У Марьи живот большой, сколько вынашивала ране, а такого ещё не было. А ходила легко, с радостью ждала малыша. Осталось немного до родов, не выходить бы из дому, поберечься, ан нет, пошла исповедоваться.

Батюшка выслушал, выговаривать не стал.

— Божья воля нам неведома. Сколь человек не тщится, а Божья власть выше. Говорят, иноземцы стали делиться по вере, войной брат на брата пошёл. Не слыжала? Режут друг дружку днём и ночью! А Христу молятся... Вот кто басурмане! Обидишь кого — Бога меньше в тебе остаётся, ибо Он в тебе живёт. Ты, дочь, не тревожься зазря, тебе скоро рожать. Знал я, что придёшь, ждал. Шептуны были до тебя, спрашивали. Подождём маленько, неволить не будем. Замуж позовут, так не обойти, крестить будем, как же иначе. Я поговорю сам с отроковицей, после престольного приду к вам. Видел издаля — ловкая, работящая, видать. Ты не томись, на всё воля Божья! О дитятке думай, о другом успеешь подумать после!

И Марья успокоилась. Вечером она показала Ане узелок с её вещами. С непонятным чувством держала в руках позабытую одежду обрусевшая ногайка. Перебирала украшения. Платье уже мало, а безрукавку напялила. Каждое прикосновение к вещам вызывало болезненное волнение, будто время потекло вспять. Аня примерила на себя прежнее имя. «Мариам. Мариам. Мариам». Так называли её в ауле. Так называла её мать, бабушка. Показалось: обернётся, а там стоит любимая анэ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лето застоялось в этом году, осень подступалась медленно, ночами остужала землю, а днём солнце отгоняло прочь припоздавшую хозяйку. Набегал ветерок, кружил первые золотые листья и мчался вдаль, неугомонный, неуловимый.

Решили идти за рыбой на двух лодях. Больше рыбы возьмут — больше прибытку. Спрос большой ныне, и пути новые открылись. Все мужики ушли, с ними молодёжь. Заменяли ушедших, за отцов встали.

Настя избегала теперь Аню, и к Ване больше не приставала. Задумчивая, она на себя не походила, осунулась, только глаза стали краше своей глубиной.

Аня теперь из дому не выходила, поджидала Марьины роды. Дашенька бегала, заброшенная, по двору за пёстрыми курочками. Любимая её няня только на ночь брала

её с собой и тихонько пела ей колыбельные. Иногда, словно понимая, что творится таинство, малышка подходила к матери, обхватывала её тоненькими ручонками, прижималась к огромному животу и мурлыкала песенки. Казалось, что девочка укачивает кого-то, успокаивает.

Такой покой стоял в тот день — лист не шелохнётся. Ровное тепло будто ласкало каждого. Зашла к Ане нежданно Настенька. Вышли подружки прогуляться. Дошли до Волги, сели в лодочку у берега. Вода похолодела, никто не купался, было непривычно тихо, только волны ровным шёпотом бились в прибрежный песок. Солнце мельчило на зеленоватой воде серебринками. Молчали, словно чужие. Аня не выдержала:

— Настенька! Не держи на меня зла! Прости, коли в чём виновата!

— Ты ровно прощаешься! Не злюсь я на тебя, Аня, на себя злюсь, на Ваню. Люблю я его, что скрывать, а он и смотреть не хочет.

Настя вдруг нагнулась, черпнула узкой ладошкой водицы, плеснула ею на подружку. Анечка засмеялась, стала хватать за руки озорницу, но та не давалась. Поутихли малость, стали поправляться, отряхиваться.

— А если кто засватает, пойдёшь? — Настенька не смотрела на подругу, мяла в руках платочек.

— Я некрещёная, мне нельзя замуж.

— А ты окрестись! Мишка как выглядывает тебя, извёлся весь. Вчера на завалинке сидим, я, Мотря да Маня, а Мишка про тебя спросил, а с нами садиться не стал. Отца не стало, женить его будут. Ты смотри!

— Настёна, не говори пустое, не пойду я замуж.

— Ваньку любишь? Его ждёшь? — голос Насти задрожал обидой.

— Да никто мне не нужен. Нельзя нам за других. — Аня помолчала, потом ущипнула Настю. Та от неожиданности чуть лодку не перевернула.

— Ты одурела, что ли? Как змея укусила!

— Прости! Бабушка моя так делала, когда глупости начинали болтать. Мне сны стали сниться про своих. Отца видела, сестру. Не ту, что в Казани, а другую, Фатиму. Она тоже замужем.

Никогда прежде Аня не затевала сама разговор про родных. Приходили как-то раз женщины, у которых дочерей татары увели в полон лет двадцать назад, спрашивать, не видала ли она их там, в степи. Отвечала, что в их роду нет пленных русских. Старухи не уходили, пытали, как живётся в ауле. Хотелось, видно, им представить, какова жизнь кровиночек в чужом народе, но Аня ничего не рассказала, только слёзы утирала и молчала. Потом Марья разогнала гостей и велела девку расспросами не тревожить. А тут она заговорила сама. Настя заёрзала на лавке от любопытства. Неизвестно, что рассказала бы Аня, но тут забил колокол.

— Пожар!

Не помня себя рванули девушки наверх, падая на ходу с песчаного обрыва.

Дыма не виделось, в просвет улицы увидели конных.

— Татары! — выдохнула побелевшая Настя.

— Спрячься! Беги в лес!

— А ты?

— Я домой!

Благо, дом самый ближний, добежала за миг, заскочила в избу. Марья стояла у окон, обхватив дочь.

— Татары пришли. Что делать, мама?

Не заметив, что впервые Аня назвала её мамой, Марья перекрестилась, отодвинула дочь, схватила Аню за руки.

— Не твои ль? Уйдёшь? Погоди, разные татары, не признают, так тебя в полон возьмут. Спрячься! Не стой истуканом!

А над селом летел набат, но некому было идти на помощь, все мужчины были на Волге. А нападавшие уже скакали по селу, хватали несхоронившихся, топот приближался.

— Где узелок?

Трясущимися руками Марья вытянула вещи. Аня накинула каптал, единственное, что ей было в пору, надела браслеты, серьги.

— Мама, я дочь мурзы, не обидят, есть такой закон.

— Погоди, возьми!

Женщина порылась за печкой и протянула Ане пожелтевшую трубочку бумаги, ерлык. Аня вспомнила, что такие выдавались людям, что шли по торговым делам по степи.

— Это отцово, татарское, матери оставил для прохода в Крым, я берегла. Возьми, может, оборонит. Аня! Может, останешься? Что я Ване, отцу скажу?

— Простите меня, мама! Дарьюшка, родненькая, не забывай няню!

И, оторвавшись от горячих рук Марьи, Аня шагнула за порог.

Что случилось далее, об этом долго потом помнили и рассказывали в станице.

Аня прибежала к церкви, её по пути никто не перехватил. Там гарцевали конные в меховых шапках. Эти охраняли нагнанных русских, пока другие охотились по станице. В толпе были одни молодые женщины и подростки. Орущих детей отшвыривали в сторону. Те рвались к матерям, все плакали, кричали. Когда Аня влетела в центр толпы, стало тихо. Слышно было, как стучали вдалеке подковы. Пленные сразу отстранились от Ани, как от чумной. Сами татары опешили, они с интересом оглядывали странную девушку в полутатарской одежде, увешанную золотом. А она, никого не узнавая, вдруг крикнула звонким гортанным голосом по-ногайски:

— Кто посмел прийти сюда без ведома моего отца, мурзы Бекбулата! Я его дочь Мариам! Никто не смеет грабить аул, на которое сам хан дал ерлык моему отцу!

Большеглазый, смуглый, свирепый на вид джигит, видимо, глава маленького отряда, закружил на коне вокруг девушки. Белая пена с тёмных лошадиных губ летела на подол сарафана Ани. Наконец он протянул руку за бумагой. Развернув и с недоверием разглядывая красные и чёрные письма на толстой бумаге, он решал, что делать. Видимо, это был настоящий ерлык, потому что он задумался.

— Почему ты здесь? И что ты делаешь среди гяуров, дочь мурзы Бекбулата?

— Не тебе спрашивать меня! Отвези меня к отцу, он тебе скажет.

Подтащили Настю, растрёпанную, с дикими глазами. Джигиты все были в сборе — налёты никогда не затягивались. Они были опьянены удачей, от нетерпения поднимали коней на дыбы.

— Садык! Хватит разговаривать! Пора уходить!

— Не видишь, врёт она!

Всё висело на волоске. Аня держалась из последних сил:

— Забирайте пленных, идите, ведите! Только потом не жалейте! Никогда мой отец и Исмаил-бий не прощали воров!

Услышав про Исмаила-бия, ордынцы смутились. Исмаила-бия знали все. Он дружил с русскими, владел половиной ногайских земель, был жесток к врагам. С нарастающей надеждой слушали перепалку бедные люди. Они не узнавали в гордой резкой девушке милую застенчивую Аню: сузив глаза, на широко расставленных ногах, со вскинутым гневным лицом стояла она перед разгорячёнными захватчиками.

— Я всё сказала! Ведите всех! Вспомните про меня в свой смертный час! Долго ждать не придётся!

Засомневались и остальные джигиты: слишком властно и убеждённо говорила дочь мурзы. И ерлык предьявила.

— Что предлагаешь, дочь мурзы?

— Вы сейчас же уходите отсюда без пленных, награбленное разрешаю забрать с собой!

— А ты, дочь мурзы? Ты остаёшься с ними? И мы должны тебе поверить?

— Я поеду с вами, дайте коня! Верни ерлык!

Садык засмеялся, обнажая ровные белые зубы.

— Куда поедешь? Мы не собирались к Бекбулату в гости!

— Он одарит тебя за меня!

Аня говорила убеждённо, времени для раздумий не было, поэтому Садык скомандовал:

— Поехали! — заметив недовольных, зарычал. — Кому не ясно? Уходим!

Один из джигитов не хотел расставаться с Настей, видно было, что он не собирается оставлять понравившуюся девушку здесь. К Ане подвели коня, она неловко села на него и подъехала к джигиту. Молча посмотрела долгим взглядом злых глаз. Мужчина нехотя отпустил добычу и поскакал вперёд. Аня не оглянулась даже на прощанье, не сказала ни слова по-русски. Через несколько минут от набега осталась только вытоптанная дорога. Люди молча крестились, не осознавая ещё до конца, что страшное миновало их навсегда. Потом поднялся великий плач, это были слёзы радости. Одна Настя стояла молча, как ушибленная.

Небо катило по ласковому голубому небу золотое солнышко. Осень затаилась в листве деревьях, выглядывая одинокими жёлтыми листьями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

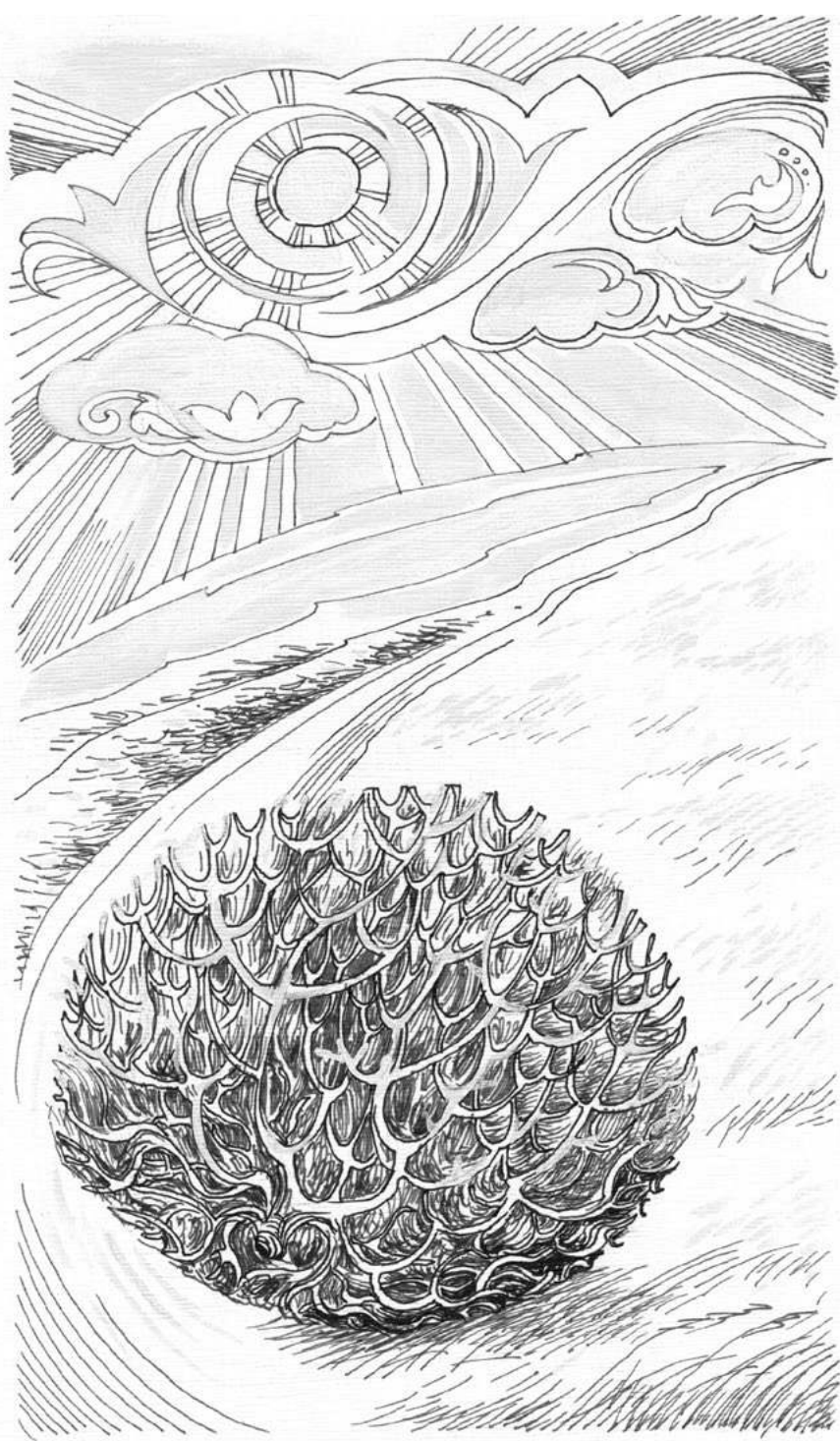
Перекати-поле летит по земле, не считая границ. Когда-то проклюнулось малое семечко в нежный росток, жадный до жизни: рос он на скудной земле, добывая желанную влагу в тёмных глубинах земли. Выходил срок, и растение засыхало, пережив цветение, выкормив семена. И тогда отрывалось оно от земли, и начинался непрерывный бег по бескрайности...

Живому человеку никогда не оторваться от корней: нечто невидимое привязывает его к отчему дому. Можно убежать на край земли, но тогда крепко натянутая нить зазвонит струной тоски: тёплыми волнами молочной реки закачается память в зыбке воспоминаний... Слаб человек в такие минуты...

Десять мужчин и одна девушка скакали по обгоревшему полю. Близилась ночь, кони всё чаще фыркали от нетерпения, привычные к ночной воле выпасов. Посчитав, что ушли на безопасное расстояние от погони, Садык кликнул привал. Расположились в старом овраге с заросшими пологими спусками. Внизу было прохладно и сыро: там протекал ручей. Джигиты быстро стреножили коней, чтобы отпустить их на сочные травы. Набрали сухих веток, разложили костёр, достали из дорожных сумок припасы. Без суеты, молча, степняки устраивали свой походный ночлег. Только девушка стояла без дела в сторонке. «Мариам, Мариам, Мариам...» — как заклинание повторяла она, возвращая себе исконное имя.

— Сестра, иди, поешь с нами! — Садык доброжелательно улыбался, сверкая ровными зубами.

Мужчины посторонились, уступая место у костра неожиданной попутчице.

Вяленое мясо, курт, сушёное вываренное пшено — обычная походная пища воинов.

— Прости, хлеб забыли у урусов, — вожак явно издевался над дочерью мурзы.

— Спасибо за угощение, уважаемые!

— Каким ветром перенесло тебя к урусам? Мурза Бекбулат не кочует в этих землях... Откуда ерлык у тебя? Или ты, дочь мурзы, хитришь с нами?

— Я не обязана отчитываться перед тобой, уважаемый! — Мариам помедлила и добавила, с трудом подбирая слова. — Я действительно дочь мурзы, потерялась во время нападения на нас врагов. Урусы спасли меня от смерти несколько лет назад. Я жила среди них. Отец, наверно, меня перестал искать.

— А ерлык?!

— Он настоящий, только посольский, его мне дала моя приёмная мать. Её отец был татаринном.

Ошеломлённые джигиты не знали, как реагировать на такое заявление девушки.

— Ах, ты лиса! Ты нас обманула! И говоришь нам в лицо среди степи? Да мы бросим завтра тебя в утробе этого оврага на съедение волкам! — Садык злобно выкатил глаза, но не сдержался: начал хохотать от удовольствия — ему понравилась смелая выходка Мариам. Засмеялись и другие. Оттого, что маленькая слабая девушка помешала им захватить добычу, им было почему-то смешно. С восхищением смотрели испытанные бойцы на дочь мурзы, которая не только обманула их, но и не побоялась признаться в этом прямо им в глаза.

— Слышал я, что Бекбулат-мурза вернулся на зимовье. Раньше всех ушёл с ждай-ляу. Он умён, боится голодной зимы, припасы скотине готовит.

Тут и забилося сердечко Мариам: она узнала, что отец жив, что род цел. Нахлынули слёзы, рыдания затрясли тело. Понимающе отводили глаза джигиты. Почти у каждого отозвалась в душе тоска по дому. Оторванные на долгие месяцы от жён и детей, эти степные воины старались не вспоминать лишний раз родных и близких: так растапливалась удаля, терялось мужество. Поэтому любили перешучиваться, рассказывать о подвигах батыров, обсуждать планы набегов.

Выставив охрану, легли спать. Мариам дали меховую подстилку, в которую она завернулась, как в кокон. Сон не шёл к усталой девушке. Отвыкшая от верховой езды, она натёрла между ногами. Радость от предстоящей долгожданной встречи с родными странным образом переплеталась с тоской по новому дому. Не могла отогнать от себя образы Дарьюшки, Марьи, Настеньки... Но томительней всего, безысходней всего терзало её воспоминание о Ване. Больше никогда не встретиться с ним на этой земле! А она даже не успела с ним попрощаться! И что он подумает про неё: предательница, которая, не оглянувшись, убежала со своими? Никогда не узнает Ваня, почему она не могла остаться... Пыталась думать о бабушке, о матери и сёстрах, но перед глазами опять вставали Марья, Дарьюшка, Ваня...

Утром помчался отряд по степи. Сухой резкий ветер бил в лицо острым запахом увядшей травы. У Мариам кружилась голова, она еле держалась в седле, стала отставать от наездников. Кто-то оглянулся и увидел, что девушка почти без сознания. Недовольные задержкой джигиты зло чертыхались. Казалось, что они готовы бросить неожиданную обузу прямо посередине пустыни, но Садык решил по-своему: он посадил девушку за собой, и скачка продолжилась. Хитрый, не родовитый, живущий одной воинской удачей Садык был неглуп. Ещё в станице он понял — что-то не так, но рассуждать было некогда. Ерлыки теперь редко имели силу, ими мало уже пользовались, и он об этом знал. Но вспомнились вдруг слухи о пропаже дочери Бекбулата: мурза обещал вознаграждение тому, кто найдёт его дочь.

На следующий привал не нашлось оврага, вокруг лежала пустыня, ровная и бескрайняя. Не стали разводять костры, завалились сразу спать. Мариам была так слаба, что не могла ходить. На этот раз мужчины её сторонились. Садык кинул ей подстилку и больше не смотрел в её сторону.

Звёзды усыпали небо сверкающими гроздьями огня, они пугали воображение таинственностью знаков, они звали к себе чудесной игрою света, они заставляли заглядывать вглубь себя и спрашивать: что я делаю на этой земле?

Утром вновь полетела земля, приближая цель. Мариам приоровилась к бегу лошади, стараясь попадать в такт её движению. Головокружительно возвращаясь к родным землям, она вдруг перестала о чём-либо думать. Стараясь не отставать, неслась она за своими попутчиками.

Волновали её знакомые с детства запахи влажной земли... В груди тревожно билось сердце... Иногда девушка переставала чувствовать лошадь: тогда казалось, что она летит, словно птица. Это было как наваждение из прошлого – бесконечный бег по бескрайней степи... Акбала... Но даже это воспоминание не вывело Мариам из душевной спячки, словно кто-то оберегал её сознание.

Дневной привал был короток. Быстро перекусив, всадники продолжили бег. По своим заметкам они знали, что скоро начнутся владения Бекбулата. Сначала наскочили на пастбище, перепугав пастухов. После недолгих переговоров поспешили дальше. Осталось проехать совсем немного, чтобы до темноты успеть попасть в аул.

Вскоре показалось становище Бекбулата. Встретил их сторожевой отряд мурзы, завязались переговоры. Онемевшая Мариам молчала, у неё не было ни слёз радости, ни сильного волнения, только головокружение от долгой скачки. Встречавшие удивлённо рассматривали всадницу, не узнавая когда-то пропавшую девочку. Садык вдруг показалось, что его обманула эта дерзкая девчонка, никакая она ни дочь мурзы... Но тут кто-то из джигитов мурзы гикнул и поскакал к аулу. Девушку окружили кольцом стражи отца, оттеснив пришельцев. Все медленным шагом двинулись к встречающим.

Страх, радость, счастье, боль – всё смешалось в душе Мариам. Её волнение передалось джигитам: заблестели глаза, то там, то тут раздавался смех, всадники весело переговаривались. Наконец, расступились все, выдвигая вперёд смущённую девушку, а навстречу из толпы вышел сам мурза Бекбулат.

Совсем не так представляла встречу с родными Мариам. Отец не кинулся к ней, а молча взял под уздцы лошадь и повёл к аулу. Народ высыпал навстречу, сгрудился по обе стороны дороги: женщины кусали уголки платков, мужчины опустили головы в косматых шапках. Даже дети притихли, поддавшись общему настроению. Мариам никого не узнавала, все казались чужими и незнакомыми. Ни матери, ни бабушки, ни сестры среди встречающих не было. Народ притих, потому что свершилось невиданное – из русского плена вернулась девушка! Возвращались из похода воины – к ним бежали навстречу, дети бегали по юртам за сунучи, радость выражалась в криках, смехе. Возвращались разведённые женщины или вдовы к своим семьям – их приводили родные, укутав покрывалом, втайне, вечером. Даже были случаи возвращения из плена мужчин, очень давно, – их встречали скачкой джигиты, как героев-мучеников. С хаджа возвращались старики, тоже редко, – тех встречали с почтением, с поклонами, вели сразу к главной юрте. Но никогда не возвращалась пропавшая девочка, поэтому никто не знал, что делать.

Не выдержала бабушка, ещё не пришедшая в себя от вести, что нашлась дорогая пропажа, выбежала навстречу внучке, завывала во весь голос, ухватив за ногу Мариам,

не давая ей сойти с лошади. А внучка сама свалилась с седла прямо ей в руки... Уже не сдерживаясь, рыдали женщины, даже мужчины утирали невольные слёзы.

Мелькнуло красное платье, кто-то протискивался через толпу к Мариам. Наконец, оторвав от бабушки, обняла крепко сестру Мадина. Одна она смеялась, а не плакала, одна она ликовала от радости:

— Ты вернулась, малышка! Ты живая!

Люди заулыбались, стали обниматься и поздравлять друг друга:

— Аллах вернул нам Мариам! Слава Всевышнему!

Потом девушка перешла в руки тётюшек, те зацеловали её. Мариам искала глазами мать, но Галимэ среди встречающих не было. Кто-то поднёс девушке чашку с молоком, она успела сделать всего несколько глотков, как оторвала бабушка от всех своё сокровище, спеша закрыть её от любопытных глаз. Волнение в толпе прошло, уже начинались тихие пересуды, никто не расходился: то одна, то другая голова показывалась в дверном проёме, пока старуха не прикрикнула прислужнице, чтобы та никого не пускала. Исчезла куда-то Мадина.

Бекбулат распорядился насчёт отряда Садыка. Уже свеживали овцу, готовили гостевую юрту. Он ни о чём пока не расспрашивал спасителей. Первые джигиты-вестники успели рассказать, что девушку вырвали из рук урусов, сейчас эта новость облетела весь аул, обсуждалась на каждом углу. Люди не могли не заметить, что девушка вся в золоте, как в день пропажи. Эта загадка мучила всех, поэтому говорили разное, спорили.

— Моя душа! Ты убила меня, но ты сегодня вернула мне жизнь! Прости меня, моё золото, моя маленькая девочка! — Бабушка сидела на тактанбите¹, прижав голову внучки к груди. Мариам ещё всхлипывала, икала от долгого плача. Она молчала, давая бабушке возможность выговориться.

— Моё солнце! Когда ты пропала, многие думали, что ты умерла, а я знала, что вернёшься! Так и говорила: буду жить, пока мой верблюжонок не вернётся домой, пусть пройдёт целый век, но дождусь! Дождалась!

— Анэ, а где мама? Где Юсуф? Где Фатима? Почему Мадина здесь? Где няня? — Мариам хотелось узнать всё и сразу.

Бабушка сразу подобралась, отпустила голову внучки, молча, не отвечая, долго рассматривала дорогое лицо. Наконец, разжала губы:

— Мать скоро родит, может уже родила, сейчас пошлю к ней женщину. Успеешь к ней, завтра с утра пойдём! Няню похоронили в прошлом году, оставила она меня одну, бессовестная. Заснула и не проснулась. Старая была! Про Мадину узнаешь от неё, сама расскажет. Ничего хорошего! Мангытка приезжала недавно, узнает про тебя — обязательно прискачет! Мужик, а не баба!

— А братик?

— Что братик? Меня совсем не признаёт! Уши ему оторву когда-нибудь!

Тут впорхнула в юрту Мадина с крошечной девочкой на руках:

— Смотри, вот тётя Мариам! Скажи: здравствуй, тётя! Это моя доченька Сания!

Правда, на меня похожа?

Черноглазая смуглая девочка совсем не походила на белолицую маму, но Мариам кивнула головой.

— Ой! Почему тебя до сих пор не покормили, не искупали, не переодели?

Мадина, кинув малышку на руки сестре, выскочила на улицу. Благодаря её хлопотам, через час Мариам была искупана, переодета в новое платье сестры. Прислужницы накрывали дастархан. Уже стемнело, зажгли светильники. Мариам хотелось

¹ Тактанбит — деревянный настил небольшой высоты.

бежать к матери, но она боялась обидеть бабушку. Вдруг на пороге возникла женщина в тёмном платье: расплывшаяся фигура, лицо скрыто в тени. Дочь угадала мать раньше, чем увидела её лицо!

— Мама! Мама! Прости меня, мама! Прости меня, мама! — Мариам повалилась под ноги онемевшей женщине. Галимэ тихо подняла дочь, обхватила горячими руками милое лицо и застыла, вглядываясь в каждую чёрточку, словно проверяя — она ли? Ни слова! Поцеловала в лоб, развернулась и пошла тяжёлым шагом к себе.

— Не выдержала душа! Мать всё-таки! — зашептались женщины, приглашённые к трапезе.

Бабушка поджала губы, но промолчала. Она сильно изменилась, постарела, потемнела лицом, похудела. Мариам помнила грозную бабушку, тучную, властную, степенную, а встретила немного потерянную старуху, со слезящимися глазами и запавшим ртом.

Пока никто не спрашивал Мариам, где она была, как жила, словно это было запретным. Сама она говорила мало, с удовольствием ела свежую баранину, пила кок-шай, грызла курт. Несколько старших тёток, приглашённых на ужин, посудачив, быстро ушли, оставив бабушку с внучкой вдвоём. Мадина ушла раньше всех, укутав заснувшую дочь в большой тёплый платок.

Ни о чём не спрашивала мудрая старуха бедную свою девочку. Внучка легла, положив голову на подушку, которая покоилась на коленях бабушки, и та гладила Мариам по волосам, напевая колыбельную. Первый раз за три года они были вместе, и не надо было лишних слов, чтобы рассказать о любви и о тоске. Ночь обняла их прохладой, но никто не замечал её свежего дыхания. Все крепко уснули. Круглая полная луна, как колобок свежесбитого масла, каталась в черноте небесной пахты, какие-то знаки таились в глубине её мягких золотых боков. Чьи судьбы расчерчены высшей волей? Кто знает? Аульные собаки бродили между домов и юрт, завывая от непонятной тревоги. Потом и они притихли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ногайцы любят приволье, их не пугает необозримое пространство. Свежий ветер обдувает душу, сметая всё лишнее, и она ликует от радости! Но и зимний аул, кыйслав, имеет свои преимущества: здесь обжитые места, готовые овчарни, полные колодцы, тёплые саманные постройки. Хозяйкам легче управляться с хозяйством, когда много посуды, много клетушек, куда можно сложить разную утварь. И особенно удобно женщинам в зимнем ауле готовиться к большому пиру.

В честь чудесного возвращения дочери мурзы было решено провести кудайжол, праздник благодарения. Бабушка с утра хлопотала о подарках мулле и знатным гостям. Мадина распорядилась женщинами, убравшими большую, специально для этой цели собранную, юрту. Она командовала, весело прикрикивая на помощниц, оставив дочь под опеку сестры.

Аул шумел, как растревоженный улей: все хлопотали, носились по делу и без дела. Мариам сидела в домике бабушки с племянницей. Всё изменилось! Бывает, потеряешь нечаянно важную вещь, ищешь, злишься, переживаешь: ведь вещь эта нужна тебе. Потом вдруг находишь её через много дней и удивляешься: вроде та, но совсем не та! Оказывается, она не так красива и нова, как думалось при пропаже. И краски не те... То же самое чувствовала сейчас Мариам. Изменилась бабушка, став обыкновенной старухой. Изменилась гордая своенравная Мадина: из заносчивой красавицы

превратилась в хозяйственную молодую женщину. Мариам вчера из разговоров поняла, что сестра осталась вдовой, но как это случилось, никто ещё ей не рассказывал. Отца дочь толком не рассмотрела, но и он показался ей чужим. Бледная тень матери — вчерашняя беременная молчаливая женщина, вызывала сегодня у Мариам жгучее беспокойство.

А думалось о другом: Ваня считает её предательницей! Но закрыв глаза, вдруг представила смелый взгляд мальчишеского худого вытянутого лица с тонкой усмешкой губ, и поняла, что Ваня поймёт! Они умели всегда понимать друг друга без слов. И сейчас верила, заставляла себя верить, что он не осуждает беглянку. «Я объясню, когда встретимся!» Странно, но попав в станицу, Мариам не имела надежды вернуться к своим родным, ей казалось, что путь заказан навсегда. Но сейчас, после внезапного возвращения домой, она поверила в чудо! Она встретится и с Ваней, и со станичниками! Иначе не может быть!

На праздник подросла вторая сестра, она буквально влетела в аул на громадном рыжем коне. Кинувшись к Мариам, обдала её запахом конского пота, одежда Фатимы была грязной, платок несвежим. Бабушка замахала на неё руками, выгоняя из дома:

— Бесстыдница! Когда перестанешь нас позорить? От тебя несёт, как от грязной собаки! Уйди с глаз долой!

Фатима отмахнулась от бабушки, не переставая обнимать сестру.

— Прямо с пастбища, как узнала, так сразу к тебе! Сейчас уеду, вправду, я тут, как бельмо на глазу. Ты сама приедешь ко мне, дам знать! Я знала, что выживешь! Иначе твоя дорогая анэ нас всех извела бы!

Фатима смеялась, она выглядела сильной, здоровой, несмотря на неряшливость. Ничуть не изменилась: такая же уверенная, весёлая, смешливая. Побранившись с бабушкой, перецеловав всех, опять умчалась, как ветер, к своим мангытам. Её короткий приезд вернул Мариам опору, она, наконец, осознала, что — дома. Порадовал Мариам братик Юсуф, толстенький карапуз с выпученными глазами, смешной непоседа. Три няньки, приставленные к нему, к вечеру падали без сил. Немного постеснявшись перед тёткой, малыш начал бегать по дому, играть с Санией. Глядя их по голове и целуя в глазки, Мариам думала о Дашеньке.

Кудайжол прошёл благополучно, все были сыты, довольны. Из врождённой деликатности опять никто не тревожил расспросами. Но это тяготило Мариам, ей хотелось всё рассказать самой, особенно в те минуты, когда слышала проклятья в адрес урусов.

Ей передали, что мать разрешилась благополучно от бремени, родила мальчика. Мариам пошла к ней. Для жены Бекбулата даже в зимнем ауле ставили большую белую юрту, терме. Галимэ, необыкновенно похорошевшая, хоть и усталая, лежала на пёстрой постели. Женщин, помогавших при родах, она выслала из юрты. Туго запелёнатый ребёнок крепко спал в деревянной люльке. Мариам с умилением рассматривала крошку-брата: он был похож на отца, широкоскулый, тёмненький. Посредине юрты пылал огонь, дым уходил через отверстие наверх.

Матери тихим голосом и рассказала Мариам свою повесть. Медленные слёзы текли из ласковых тёмных глаз Галимэ. На прощанье она обняла дочь и с улыбкой отпустила к гостям.

Вечерело. Было достаточно тепло для осени, никто не расхотелся. Джигиты запрягли скачки. Народ повалил за бугор, на широкий, давно затоптанный луг. Мадина в новом ярком наряде заставила сестру накинуть праздничный каптал и надеть высокий, весь в золотых монетах девичий убор и потащила её к зрителям. Дочку она оставила на этот раз бабушке. Видно было, что Саня привыкла часто расставаться с матерью. Она даже не плакала.

Много красивых девушек в роду Бекбулата. Даже самые бедные семьи стараются приодеть девушку на выданье. Но никто не мог сравниться с Мадиной. Замужество пошло на пользу старшей дочери мурзы: она пополнела, нежные круглые щёки атели под чёрным полукружьем ресниц. Рядом с ней Мариам казалась девочкой. К тому же младшая сестра стеснялась любопытных взглядов. Недовольно посмотрел на них отец, Мариам приняла это на свой счёт. Но дело было в другом: яркая вызывающая красота Мадины сводила с ума многих джигитов. Стали наезжать из других родов частые гости, лишь бы посмотреть на красавицу. Бекбулат боялся, что дойдёт до греха или до похищения. Выдать бы скорее её замуж!

Молодёжь долго не расходилась, устроив песенное состязание, когда девушка и парень поют друг другу речитативом разные комплименты. Мадина увела к себе на ночь сестру, оставив дочь бабушке. Та поворчала, но мешать сёстрам не стала.

Всю ночь Мадина и Мариам не спали, делились всем, что произошло за последние годы. Умолчала старшая про свёкра, а младшая — про названного братца. Есть тайны, которые нельзя отрывать от сердца, делясь даже с самыми близкими людьми. Пусть тайны лежат сокровищем на душе, от этого они становятся ещё дороже.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В смутное время, когда рушились города, исчезали целые государства, жизнь человека так мало значила. Всего за три года пали два ханства — Казанское и Астраханское, сменились правители многих земель, людские полчища перетекали из края в край, чтобы сойтись однажды в чистом поле для смертельной битвы. Менялись границы, менялись знамёна, враги превращались в друзей, друзья превращались во врагов, братья поднимали мечи друг на друга.

Путь стрелы недолог, но она на коротком веку познаёт взлёт, полёт и падение. Не раз может повториться одно и то же, пока меткий стрелок не поймает удачу. И тогда стрелу ломают, вытаскивая из ран, или оставляют истлевать на теле поверженного врага. Много тысяч стрел, миллионы стрел смешаны с песком пустынь и степей. Почти на каждом — печать удачи и печать смерти. Не расплести их веками.

Судьба воина порой напоминает путь стрелы: он погибает, добывая победу своему правителю. А если остаётся жив, то его ждут новые битвы во славу царей. И так до самой смерти. Редко кому удаётся встретить старость в кругу семьи.

Когда человек очень сильно чего-то хочет, то ему помогает всё: и случай, и люди, и боги. Когда многие молятся об одном и том же, то сила слова обретает могущество действия, и тогда творятся невиданные дела. Неразборчивые потомки потом сочтут чудом подвиги предков, не вдаваясь рассуждения об общей воле-молитве народа. Недаром умные враги стараются заранее внести смуту среди племени, подсылая лазутчиков-provokаторов или подкупая недовольных. Когда начинается распря и отщепляются часть за частью куски от целого, тогда теряется единство, а молитвы не доходят до небес, и свершается погибель. Будут потом островками среди моря торчать обломки былой громады. Не богатством исчисляется род, а количеством душ, готовых сохранять свой род от врагов и молиться за свой дом.

Даже в волчьей стае не могут два вожака ужиться, они начинают войну между собой, обнажая клыки и прокусывая загривок друг другу. И пока звери стаи стоят за спиной старого вожака, он всегда побеждает. Но настанет день, когда отойдут от него сородичи, примкнут к другому: тогда смерть облизнет поверженного главаря.

Ничему не учат примеры, и воля одного человека, забирая волю многих, начинает свой путь к неизбежному. Два брата — одной крови и одного корня, не могли ужиться на бескрайности степного раздолья. Безрассудно смелый Юсуф-бий мечтал о единстве ногайского народа. Государственный ум подсказывал ему нужные решения. Если бы родной брат Исмаил, владеющий половиной ногайских земель, был бы с ним заодно, то не стало бы в целом мире силы, равной их могуществу. Исмаил-бий, осторожный, с волчьим чутьём, был подвержен другим идеям. Ему важнее жить в мире с соседями, видеть свой народ довольным и сытым. Даже зная бесстрашие своих туменов, он бы никогда не решился идти войной на Московию. Прирождённый дипломат, он любил действовать обдуманно, исподтишка. Конечно, он не терпел рядом с собой русского духа, но перед царём заискивал, втайне надсмехаясь над его молодостью, всё же предпочитал согласие. Не поддержав старшего брата в казанском походе, а позже в московском, Исмаил-бий разбил все мосты родства. Подрастающие волчата, племянники, его ненавидели. Так же вели себя и сыновья самого Исмаила, не оказывая почтения к старшему в роду, к Юсуф-бию.

Давно задумал Исмаил-бий построить на реке Бузан, в низовье Волги, новый Сарайчик — столицу Большой ногайской орды. Он знал, что только в дружбе с русским царём возможно такое строительство. Кто знает, хотел ли потом лукавый Исмаил, накопив силу, отречься от русской власти? Но пока тяготела над ним ещё и верховная воля Юсуф-бия, ничего из задуманного не осуществлялось.

В зиму, когда младшая дочь мурзы Бекбулата приживалась заново в родном юрте, летел над Ногайской степью тайный клич Исмаила-бия: быть готовыми к войне.

Нужна особая мудрость, чтобы в такое тяжёлое время не стать игрушкой властолюбия, чтобы уцелеть самому и сохранить свой род. Недаром мурза Бекбулат слыл дальновидным и хитрым правителем: балансируя между двумя братьями, он не был втянут в их интриги. Несчастливое замужество дочери связало его всё-таки с семьёй Юсуф-хана, властителя Большой Орды. Верная служба Исмаил-бию, властителю Малой Орды, охраняла его род от вражды с Московией. И получилось так, что в самое неспокойное время той эпохи род Бекбулата жил в мире. Если бы не страшная зима, лишившая ногайцев многотысячных табунов, этот юрт можно было бы назвать богатым.

«Аллах вознаградил нас за долгое терпение! Слава Аллаху!» — говорили простые люди, набивая свой живот праздничной едой. Вслед за чудесным возвращением Мариам следовало имянаречение сына мурзы. Мальчика назвали Сабиром...

Весной тронулся весь мир: скакали и скакали к Исмаилу-бию воины его руки. Юсуф-бий под предводительством сыновей повёл на брата своё неисчислимое войско. Не отвертелся на этот раз и Бекбулат от войны: встал со своим небольшим отрядом под знамёна Исмаил-бия. Несколько дней стояли люди одного языка и одной веры друг перед другом. Крымские, русские, казанские и астраханские посланники сновали среди ногайцев, каждый преследуя свои интересы. Аллах оставил Юсуфа, победил Исмаил, ставший отныне бием огромных земель. Он выдал своих племянников русскому царю, который пощадил княжичей, дал им земли и городки на Руси. По иронии судьбы сыновья и внуки непримиримого Юсуфа стали русскими подданными, основателями княжеских родов Юсуповых, Урусовых.

Некоторые роды, не желая быть под рукой Исмаил-бия, ушли в Крым. Победа не принесла желанного покоя: зрело недовольство среди свободолюбивых степняков правлением Исмаила-бия, лишившего ногайские роды привычной добычи: веками ходили они на русские земли за полоном.

Невозмогу было джигитам стеречь табуны и пасти отары. Началась делёжка земель между родами, недовольные нападали на соседей, разгоралась вражда. Новоиспечённому бию приходилось усмирять мятежных, карать отступников. Особо жестоко расправлялся Исмаил-бий с бывшими подданными брата, всегда подозревая измену. Кипел, как котёл на огне, ногайский мир: был порушен привычный уклад, диктовались новые законы, кишели в аулах нелепые слухи. Но степь издавна жила бесконечной сменой условий: менялись правители, пределы государства, даже вера пришла новая. Но одно было известно: слепая страсть к наживе и жажда подвигов заставляла джигитов искать счастья в набегах и в войне. Исмаил-бий задумал невиданное: создать мирное государство ногаев. Хитрый и изворотливый, умный бий наблюдал нарастающую силу урусов. Зная хорошо историю Золотой Орды, Исмаил понимал, что воевать с Русью трудно. Он шёл против своего сердца, но иначе поступить не мог. Желая сохранить свои земли, ногайский правитель заключил мир с Москвией.

Большие перемены государственного значения мало затронули быт ногайцев. Обычаи и обряды не меняются по велению ханов и биев. Сложенные веками общезжития, привычный уклад не теряет своей самобытности, только незаметно видоизменяется по велению времени. Так же, как до великого раздела земель, так и после объединения степных племён, в аулах жизнь текла по своим неписаным законам.

Мурза Бекбулат обрёл, наконец, душевное равновесие: ему не приходилось больше метаться между Юсуфом и Исмаилом. Вернувшись к своему юрту, мурза отбросил прежнюю осторожность, стал жёстко усмирять вольных джигитов, уличённых в тайных набегах на соседей. В недолгой междоусобной войне Бекбулат-мурза сумел сохранить своих людей, отделавшись самыми малыми потерями. Но после распри быстро таял его отряд: уходили молодые и безрассудные воины к другим мурзам. Но не страшился Бекбулат остаться без дружины: выросли юные, заменяя братьев.

Вырастает из затоптанной земли поросль, заново застилая степь по весне животворной зеленью, успевая за короткий век насладиться солнцем, расцвести, набрать плод и раскидать по свету свои семена. Человек, подобно растениям, переживает расцвет и сохнет на исходе жизни.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Неожиданно заболела и слегла мать мурзы. Укус змеи смертелен, он всегда неожиданный. Яд копится понемногу, а взрызгивается моментально. Недаром поётся:

Змея запряталась в песках,

Её ты сразу не заметишь,

Порою в длинных языках

Змеиный яд быстрее встретишь.

Ушли недовольные джигиты, посеяв смуту в умы людей. Подхватили разлад женщины, втихомолку осуждая мурзу и его семью. Припоминали позорное поведение Фатимы, недолгое замужество Мадины, а больше всего досталось Мариам. Не умолкали женские голоса по углам юрта. Ногайки приветливы, обходительны, редко поднимают они голос, разве что кричат на детей. Ничего плохого не сделали дочери Бекбулата-мурзы другим, никого не обижали и не унижали, но само высокое положение кололо глаза аульчанкам. Не все любили властную Джамилю-бике, чужачкой была жена Бекбулата, дочь рабыни Галимэ, мало с кем дружившая, но всю накопившуюся желчь направили злые языки именно на Мариам. Поначалу искренне сочувствовавшие несчастной девочке женщины вдруг изменили своё отношение. Пошёл

гулять цепкий, как гнойное поветрие, слушок о том, что делала Мариам среди урусов. Дескать, пленницы всегда служили забавой мужчин, даже малолетние девочки попадали в наложницы. Неужели Мариам пощадили? За что они сохранили ей жизнь, не забрали украшения? Шептались, кривя губы, о бесстыдстве той, что вернулась опозоренной и смеет строить из себя невинную. Улыбаясь и ласково разговаривая с Мариам при встрече, люди внимательно оглядывали её фигуру: поговаривали, что возвратилась она беременная. Робкие голоса насмешливых гасли под напором злоствующих. Мариам иногда перехватывала смешливые взгляды, но понять их не могла. Кто-то донёс злую сплетню Джамиле-бике. Может, это сделали нарочно, чтобы уколоть вредную старуху! Схватившись за грудь, сползла она на цветной киез¹, свалилась намертво. Так падает дерево, подрубленное у корня.

Перепуганные прислужницы побежали к Мадине, та подняла на ноги всех. Хоть и ворчала бабушка, что старшая внучка родилась с каменным сердцем, но именно Мадина, заливаясь слезами, приводила её в чувство. Оставив подле очнувшейся, но безъязыкой бабушки прислужниц и Мариам, Мадина сначала побежала к старухе-баксе, потом дошла с горькой новостью до отца. Потом она стала допытываться, кто довёл мать мурзы до удара. Тут и выплыла грязная сплетня, порочащая сестру. Переборыв негодование, Мадина судорожно решала, как обрубить этот мерзкий поток лжи. Только сейчас она начинала понимать недомолвки, ехидные вопросы про Мариам, улыбочное сочувствие... Как сказать такое отцу? Как наказать этих сплетниц, не оставив вовек сестру? Может статься, что неправда пойдёт дальше их аула, если уже не пошла?

Как не хватало ей сейчас решительной Фатимы! Будто чуя беду, прискакала на второй день и она. Так и не рассказав отцу про позорную молву, сёстры решили действовать сами. Мариам, ничего не ведая, сидела с бабушкой, которая стала понемногу приходить в себя.

Мадина пригласила в гости женщин, якобы отблагодарить их за что-то. Собрали самых явных сплетниц, на кого указали по секрету дженге, которые оказываются, тоже знали о слухах. Ничего не ведающие разнаряженные женщины под завистливыми взглядами неприглашённых подруг радостно заходили к тем, кого только что порочили за улом. Никто потом толком не рассказывал, чем грозили им мстительные дочери мурзы. Надо думать, всем досталось по хорошей мере яда, ими же накопленного, потому что выходили пристыженные сплетницы низко опустив головы.

По ногайским обычаям, власть мурзы над родом беспредельна, он может даже казнить уличённого в воровстве или измене любого. Если бы Бекбулат-мурза узнал обо всём, то трудно представить его гнев! Поэтому виноватые сами начали возвращать доброе имя опозоренной девушке. Фатима уехала, а к Мадине приходили каждые три дня по очереди наказанные женщины и докладывали обо всех разговорах. На вопрос Мариам, почему зачастили к ней бабы, сестра скромно отвечала: «Я хочу узнать больше об обычаях наших, вот они мне рассказывают по очереди...»

Пёстрая бабочка большая редкость в степи. Увидевший её среди травы человек даже не пытается поймать воздушную красоту, а с замираньем сердца следит за её перелётами, пока не потеряет из виду. Недаром «кобаляк» — один из самых поэтических образов у ногайцев, обозначающий нежность и мимолётность. Во сне увидела Мариам яркую бабочку с огромными перламутровыми крыльями. Она летала над песками, и тень её была такая же радужная, как и она сама. Как отражение на воде, думалось во сне девушке, но она знала наверняка, что вокруг одни пески. Проснувшись Мариам с щемящим чувством тоски. Долго лежала потом с открытыми

¹ Киез — войлочный ковёр с наложенным рисунком.

глазами, отгоняя от себя образы забытых людей. Ни к чему терзать своё сердце! Но наплывали запахи: реки, леса, рыбы, резкий квасной дух... Она скучала даже по ним! В родном ауле раздражал прогорклый запах бараньего жира, кислый запах от женских волос, мытых в сыворотке... Также долго привыкала она в станице к душному рыбному запаху. Ногайцы чистоплотны, в отличие от некоторых других степных племён, но сказывается недостаток воды. Девушка шумно вздохнула, смаргивая крупные тёплые слёзы...

Выздоравливающая бабушка пытливно всматривалась в лицо внучки. К старухе уже вернулась речь, но говорила она мало, слабее от усилия. Мадина, улучив минутку, сказала наедине ей слова утешения: слетни Мариам прекращены, виновные наказаны. Как ухватилась она тогда за нежные руки Мадины, как гладила их в немой благодарности за хорошую весть! Теперь, рассматривая свою любимицу Мариам, решала про себя последнюю задачу: как выдать её замуж? Поднявшись из последних сил, поспешила она к сыну. Недолгое их свидание завершилось соглашением: мурза разрешает ей найти достойного жениха. Старуха собралась тут же в гости к своим сёстрам, живущим очень далеко, якобы попрощаться с ними перед смертью. Небольшой караван исчез в знойной степи. Через два месяца, уже осенью, анэ вернулась домой. Она была торжественно молчалива, таинственно поплёскивали узкие глаза на похудевшем от дороги лице. Несколько дней шли к ней гости, чтобы послушать новости, порадоваться благополучному возвращению. Старуха стала мягче, шутила, смеялась. А причина веселья скоро объяснилась: вскоре приехали свататься к младшей дочери мурзы из далёкого угла достойные люди. Правда, выяснилось, что берут Мариам второй женой, но выбирать не приходилось. Жених был молод, богат, самостоятельно правил родом. Приходился он родственником со стороны мужа младшей сестры бабушки, успевшей даже познакомиться с будущей свекровью.

Но девушка не хотела замуж! Радостная для всех весть упала камнем на её сердце. Втайне Мариам надеялась на чудо: что встретится вдруг с Ваней, что убежит обратно в станицу...

Как бабочка исчезает в воздухе, оставив щемящую память о красоте, так первая любовь исчезала в сутолоке обычаев и чужих интересов. Кобалёк — короткое счастье, не доживающее до следующего рассвета! Молодые женщины, расшивая для Мариам свадебные подарки ярким шёлком, дружно пели:

*Бабочка души моей, бабочка любви моей,
Лучше тебя в мире не найти!
К милому лети скорей, к милому лети скорей,
О моих страданиях расскажи.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Может, и долетела та сказочно-красивая бабочка нежности и бесконечной тоски до далёкого берега? Кто знает пределы чудесного?

Всё реже вспоминали Аню в селе — время стирает детали и облик, но в истории села она осталась навсегда. Каждый знал, что когда-то жила с ними ногайская девочка, спасшая станицу.

На Ваню смотреть было тягостно после ухода Анечки. Никто до сих пор не знал, что любит он названную сестру. Как и Пётр после похорон первой жены, Ваня замолчал надолго. Забывался парень работой, но спокойствия не находил. Марья после

родов сразу встала. Не было рядом помощницы, Даша была сама малая. Вторая девочка родилась на редкость спокойная. Насчёт имени и думать не стали, назвали Анютой.

Теперь сама Марья шпыняла Петра, чтобы женить пасынка. Согласна бы и на ненавистную Настю, но та выскочила вдруг замуж без сговора за Мишу. Повзрослевший Ваня стал красивым парнем, весь в отца, только синие глаза — материнские. Табунами ходили вокруг него девчата, но Ваня глаз ни на кого не поднимал. Мария, не чая найти себе помощницу-сноху, стала потихоньку поругивать Анечку, присушившую парня.

Но вдруг Ваня, словно встретенулся, восстал, как после долгого муторного сна. С радостью смотрел отец на бодрого сына, посмеивалась Марья: «Недолга-то память!» В тот же день, перевезя в тяжёлых трудах накошенное за лето сено, весь чёрный от пыли, со светлыми полосками стёкшего горячего пота, встал сын против отца и сказал, опустив голову:

— Отпусти, тятя, скоро набирать придут, проси за меня!

— Ты что это, тетеря, уйти из дома вздумал? Нет годков твоих для набора! И всё! Погоди чуток, сопляков соберут для войска! И не отговоришься тогда! Слышь, война отовсюду!

От неожиданности Пётр разговорился, засуетился, понимая, что не удержишь парня дома:

— Аль жизни не жаль? Не в бирульки играть зовут, а воевать! Смерть не спросит, сколько годков, ей, бессовестной, всё одно...

Ваня молчал, больше не прятал взгляд, а смотрел синими глазами на отца, только дробно бил по земле граблями.

— Да не стучай, бестолочь, не стучай, грабли-то поломаешь! На кого мать оставим, на кого хозяйство?— Петро развёл руками, исчерпав все доводы.

— Не хочу уходить без спросу, батя! Не могу боле тут, не могу...

Ссутулившиеся острые плечи парня дрогнули. Пётр жалостливо оглядел сына: тонкий и высокий, с острыми чертами крупного лица, был он, как невызревшее дерево, дичок, недавно прилепленный к тёплой земле. «Ведь уйдёт сам, не удержишь!»

— Конь-то ещё не подрост, годок бы и ему погуливать! Завтра спрашиваю. Молчи покудова, не бреди Марью-то...

Но Марья учуяла враз неладное с парнем: прячет глаза, глотает рыбу так, что подавиться недолго.

— Что удумали, говорите?! Ты, Вань, глаза-то не прячь, всё одно вижу думку твою! Нехристь думкой хороводит, провалиться ей!

Пётр не спеша допил кислуху, обтёр губы и сказал примиряющее:

— Ты, Марья, в думки парню не заглядывай, готовь на завтра с собой поесть, в зорьку рыбалить уйдём! Одежду пересмотри Ванину, на днях с обозом пойдёт.

Марья шлёпнула Дашутку по рукам, погнала из-за стола, села на лавку кормить Анечку, выпростала большую сдобную грудь и надолго замолчала. В этот раз молоко у неё не пропало, его хватило бы на двоих ребятишек. Молчала из-за обиды: без неё решили, не мать она, чтобы у неё спросить...

Она сама, может, из-за Аньки иногда ночи не спит, страшно подумать, что с ней сделали эти татары. Успокаивает себя: чай, свои, довели, небось! А Ванька искать ещё кинется по степи, оторвётся от казаков, пропадёт вовсе...

Задремала с сонным ребёнком на руках, перенеслась в детство своё горемычное, голодное... « Пусть едет, — подумалось, — любовь не отстанет от сердца, коль без дела мается... Вернётся коль, женим, забудется... Мать-то моя через весь свет с дитём за отцом пошла, то-то и любовь...»

Пётр рассудил правильно, приспособив сына к обозу до городка: до службы есть ещё годок, нечего торопить под лямку казацкую, успеется. Наймётся покуда на службу торговую, поворочает мешки, мир посмотрит, может, что и узнает про Анечку, много мирных татар теперь возле жилья собирается.

Марья молча прогромычала чашками да плошками, но перечить не стала, с лёгким сердцем отправила пасынка на вольные хлеба. Хватит ей забот с меньшими, всю кровь высосали, неслухи! Была бы рядом Анютка...

Астрахань, шумный, разноголосый город, ошеломил Ваню. Всю дорогу до амбаров он крутил головой, успевая рассматривать деревянные дома, крепко сцепленные в ряд, беспорядочное скопление разноцветных юрт, низкие глинобитные мазанки. Мелькали русоволосые ухватистые ловцы, встречались весельчаки-стрельцы в красной одежде, смуглые татары спокойно проходили мимо, шумно переговаривались и махали руками округлые кареглазые люди, тараторя не по-русски...

Дядька Архип, старший обозный, обещал отвести Ваню к знакомому купцу. До вечера управились с выгрузкой: затащили красную рыбу в ледники, солёную сгрудили в амбарах. Ночевали с другими такими же обозниками в большом доме: никогда Вася не думал, что можно построить такую длинную хоромину. Архип рассказывал, что втрое больше бывают. Врёт, поди. Вытащили домашнюю снедь, поужинали и легли спать на полу, постелив под себя дерюги. Весь следующий день пришлось перетаскивать товар, смотреть за лошадьми, складывать в телеги покупки. Передохнуть было некогда! Только к концу второго дня парня, очумевшего от шума и беготни, Архип привёл к торговым рядам на берегу Волги. Встретил их с брюзгливой миной недовольства высокий дюжий мужик. Архип отвёл знаконца в сторону, переговорил, что-то сунул ему в полы распахнутого кафтана, после чего ушёл, оставив Ваню на попечение нового хозяина.

Купчина попался въедливый, неугомонный, минуты не давал работникам стоять без работы. Сам таскал, играючи, огромные тюки и мешки, покрикивал на неторопливых. В первые дни Ваня уставал непомерно. Потом обвыкся, не бегал зря по первому зову, но от работы не отлынивал. Особо трудно было загружать товар в лоды по шатающимся мосткам: бывало, летели в воду и тюк, и сам грузчик. Хозяин строго взыскивал за порченный товар, рассчитывал нерадивых. Жили работники тут же на берегу в длинных домах, кормили их из общего котла, не жалея полбы и рыбы.

Хозяин не любил отпускать в город своих работников: нередко пропадали люди, кругом озоровали разбойники, готовые увести с собой дюжих молодцев. Раз в зимний день пошёл Вася смотреть Астрахань. Потянуло его к юртам, тёмными стожками сученными за речкой Балдой. Жили тут всякие народы, но русские всех называли татарами, оттого и предместье окрестили Татар-базаром. Понимая, что нет здесь Анюты, Иван всё равно бродил среди чёрного едкого дыма из верха юрт, отгоняя надоедливых собак. Чудно было русскому парню заглянуть в другой мир, совсем не сказочный, где вокруг бляели овцы, мычали коровы, важно возлежали верблюды. Конные в лохматых шапках не обращали на Ваню внимания, дети разбегались и прятались в юртах, женщины прикрывали лицо рукавом и тоже уходили степенно в укрытие. И никто обликом не напоминал потерянную любимую, ничья походка не взволновала парня.

Случилось ему в этот же день познакомиться с таким же ловцом, как и он. Сидор был не станичный, а монастырский, оттого и попал он в Астрахань по реке: богатые монастыри владели большими промыслами и сплавляли свой улов стругами. Нелегко жилось ловцам при них, оттого и сбежал Сидор к купцу, торговавшему тканями. А ходил тот купец по ногайским землям, для чего и приманивал молодых охотников для службы: охрана нужна была добрая.

На другой день ушёл Ваня от рыбных рядов к купцу Ермолаю, который покупал и продавал ткани. Заставил тот молодца месяц быть на побегушках, но скоро, приметив ловкость Вани, стал брать хозяин парня с собой на торги. Ваня потихоньку стал учиться ногайскому языку. Ногайский и татарский различались, но были похожи один на другой. Кое-какие слова Ваня помнил от Ани, перенимать было легко. У татар на базаре Ваня узнавал татарский говор, а вечером подсаживался к одноному Кариму, живущему вместе с другими в доме для работников Ермолая. Карим давно осел в городе, он уже и родни не помнил, а родной язык не забыл, часто, встретив ногайца, подолгу болтал с ним обо всём. «Мал мала урус понимай!» — хитро сощурился, говорит старый Карим. Любит он петь: заунывные звуки песни уносят его в просторную степь, и текут тогда мелкие слёзы из-под сомкнутых век. В такие минуты готов плакать и Ваня, хотя он не мог уловить ни одного знакомого слова из песни-тоски. А слова были такие:

*Степь моя, ты ускакала от меня множеством копыт,
Множеством копыт шелкогривых коней.
Только сердце моё до сих пор хранит
Алый цвет твоих весенних дней,
Где смеётся до сих пор надо мной
Девушка одна чернобровая,
Подарил бы ей я платок золотой,
Только потерял к ней дорогу я.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мариам опухла от слёз, не желая идти замуж. Кому пожалуешься? Отец рад породниться с уважаемым родом. Что ждёт безмужних дочерей, если вдруг его не станет, если род попадёт в чужие руки? Бесславию, унижению, рабство или доля жалкой жены бедного пастуха? Подальше от границ, в затишье отдаёт он свою кровь. И не чужие совсем, истинные ногайцы, в дальнем родстве. Так думал Бекбулат, радуясь предстоящей свадьбе.

Мадина, увидев слёзы Мариам, крепко ущипнула сестру за тугие икры:

— Дурёха, не урусам отдаём, а богатому и молодому!

Откуда ей знать, что к урусам Мариам пошла бы сама, если бы дорогу знала!

К счастливой бабушке лучше не попадаться на глаза: шьёт себе новое парчовое платье необъятных размеров, три бабушки туда можно засунуть. Фатима давно не приезжала, но и она будет уговаривать не плакать.

В тоске и в грустном ожидании перемен дни тянулись бесконечно, солнце редко заглядывало в зимнее стойбище. Ничего не радовало измученное сердце девушки. Мариам отдалилась от сестёр, почти не ходила к матери, мало общалась с бабушкой. Казалось бы, надо успеть отогреться у родного очага, прильнуть напоследок перед разлукой к близким людям... Но девушка ничего не могла поделать с собой. Она сидела целыми днями в юрте, молча расшивая узором платки. Сначала все тормозили её, хотели вывести из задумчивости, но потом родные оставили Мариам в покое. Однажды, пересилив себя, пошла она ночевать к Мадине. Соскучившаяся сестра вывалила на дастархан кучу еды, отослала прислужницу и даже отправила с ней маленькую Санию к матери. Разговор не клеился, ведь Мариам не интересовали новости, и она уже пожалела о своём приходе. Мадина рассердилась: что за беда такая случилась, что сидит целый час перед ней страдающая невеста!

В раздражении ломая тонкими нежными пальцами ломтики сладостей, Мадина вдруг сказала:

— У тебя мать или отец оставили этот свет? Или твоя любимая анэ заснула навеки? Ты почему в таком трауре? А ты знаешь, что из-за тебя весь юрт шумит, гадает, почему не радуешься свадьбе? Хочешь знать, что они про тебя говорят?

Мариам вскинула страдающие глаза на разъярённую сестру:

— Кому я мешаю? Что они могут говорить?

— Говорят, что ты замороченная шайтаном, потому и пропала тогда на моей свадьбе, а потом убежала к урусам! Говорят, что продалась чужой вере, крест носишь! Что уже была замужем там, поэтому не смотришь на наших парней и не любишь ногайцев!

С каждым словом, брошенным обозлённой сестрой в её адрес, Мариам всё ниже опускала плечи. У Мадины горели щёки, она скинула рывком завязанный у затылка платок, перекинула чёрные косы на грудь. Как две змеи, струились они по синему бархату каптала, спадая почти до пола сидящей на корточках молодой женщины.

— Тебя берут в хороший род, к молодому мужу! Ты видела, как высохла у старика Фатима? Как беднячка-карасыряк, она сама гоняет стадо наравне с мужчинами! Разве молодой муж позволил бы ей так страдать? Я уехала через две реки в Казань к незнакомым людям, а ты видела мои слёзы? Ты посмотри, что сделала с матерью: бедняжка молоко потеряла, и Сабир теперь плачет целыми днями! Про бабушку молчу, она доживёт до твоей свадьбы и точно умрёт от тоски.

Осушив пиалу с молоком, Мадина перевела дух. Мариам закрыла лицо руками и раскачивалась в немом плаче, казалось, что она сама себя укачивает. Ей хотелось убежать, чтобы выплакаться наедине — так жгли её обидные слова, но подняться у неё не было сил. Мадина продолжала, не обращая внимание на жалкое состояние сестры:

— Ты даже не знаешь, что из-за матери мы не считаемся по-настоящему знатными! У нас только отец мурза, а мать — дочь неизвестной наложницы какого-то охранныка бия. Никто не знает, откуда она, какого рода. Если бы не Сююмбике, то я бы никогда не стала женой Максута. А мать нашу, красавицу, никто не захотел в жёны, только отец сглушил. Вот она и смотрит ему в рот, боится слово вымолвить, делает вид, что любит! Даже в Казани знают, что любила она сына Юсуф-бия, только он отказался от неё!

Ошеломлённая Мариам перестала плакать, отняла исхудалые руки от лица, схватилась за узкий ворот платья и во все глаза уставилась на Мадину. Кошунственные слова в адрес родителей заставили её прийти в себя:

— Ты как смеешь так говорить об отце и матери! Ты неблагодарная, которая пришла в этот мир от их любви?

— Что ты знаешь о любви? Что?! Это наш отец меня не отпустил к любимому, побоялся дурной славы! И мать смолчала. Никогда не забуду обиду! Никогда!

— К любимому?

— Да, к любимому! Али-Акрам живёт в моём сердце, один единственный мужчина, от взгляда которого ноги мои подкашивались. Он звал меня замуж, он дважды послал за мной, а я не пошла. — Голос Мадины зазвучал тише, мягче. — Бедная моя доля остаться навеки вдовой! — тут она разрыдалась, уткнувшись в колени.

Мариам кинулась к сестре, обняла её, стала гладить по голове, целовать в щёки:

— Прости меня, милая, я ничего не знала, прости меня, пожалуйста!

Вскоре успокоенные сёстры, иногда судорожно всхлипывая, легли рядом на уже разобранную постель. И тут-то Мариам решила рассказать про затаённую любовь,

про Ваню. Закрыв глаза, она унеслась опять в Крутой Яр, вновь переживала первое прикосновение, потом ночной побег в лес, последний разговор с любимым. С каждым словом душа её освобождалась от тяжкого груза страданий, она опять начинала верить в то, что Ваня её обязательно найдёт, что семь кругов, очерченных вокруг её мальчишескими ногами, спасут её от любой беды

Не заглядывая в будущее, Мариам перестала плакать, стала внимательна к людям, старалась помочь делом, а когда не знала, что сказать, то улыбалась. Если Мадина, вновь превратившаяся в гордячку, прикрикивала на женщин, при этом очень умело руководила любым делом, и её, побаиваясь, уважали люди, то Мариам была для многих утешительницей и советчицей. Каждый находил свою судьбу, складывая её из поступков и слов.

В шумном движении бесконечных арб есть свой порядок, у каждого человека своё место и обязанности. Тот, кто впрягается в общее движение, зная цель пути, тот, не терзая сердце, идёт по дороге.

Задышала земля, освобождаясь от холодного зимнего панциря. Невидимая птичка с высоты запела свою радостную весеннюю песню. Ошалевшая скотина ревела. Шумно бегали на воле маленькие дети, задымились вынесенные из дома казаны. Каждый день приносил свою толику новизны: поднимались метёлкой небольшие кустики тырсы¹, появились во множестве суслики, оглашавшие степь тонким свистом, расцветал розовым тамариск...

Решено было сыграть свадьбу Мариам до откочёвки на джайлау. Женщины собирали и чистили посуду, девочки выбивали на настилах киезы, мужчины объезжали жеребцов. Суматоха охватила весь юрт, то тут, то там звенел смех, иногда вспыхивала перебранка, старухи сновали из дома в дом, а потом грелись на солнышке и негромко обсуждали молодёжь. Радостное возбуждение захватило и Мариам: она забегала по гостям, прощаясь с родными. Стараясь не думать о грядущем, она старалась почаще общаться с матерью. После откровения Мадины на многое открылись глаза: все невольно подслушанные в детстве разговоры, наконец, обрели смысл. Ни на минуту не осуждая мать, Мариам всё же внимательно вглядывалась в красивое печальное лицо матери, стараясь угадать: любит ли она отца или нет. Однажды, не выдержав, Мариам крепко обняла мать и заплакала.

— Не плачь, доченька, не рви мне сердце! Ты будешь счастлива, вот увидишь, всё у тебя будет хорошо. Посмотри на меня, вытри слёзы! Никогда ничего заранее не оплакивай, это грех. Если муж вдруг окажется не таким хорошим, прости Аллах, человеком, то помни, что идёшь в юрт, там много других людей. Люби их, и они тебя полюбят, и жить будет легче среди них. Не бери с меня пример, это я спряталась от людей, поэтому много страдала. Но ты не я, ты дочь мурзы! И Аллах любит тебя — не дал сгинуть в степи, дал новых родных на чужой стороне, вернул на наше счастье домой! Я буду молиться за тебя! А сейчас иди к бабушке, скрась её дни, она так страдает от новой разлуки.

Наконец настал день свадьбы. Коляшущая пестрота толпы, возбуждённые лица, всадники, дети, запах варёного мяса, особенно яркое солнце, гул голосов — вот и всё, что осталось в памяти Мариам от важного события. Бабушка вразрез всем обычаям решила ехать к новой родне вместе с внучкой. Когда закончился той, были выслушаны все пожелания старших и стали подходить самые близкие, чтобы обняться с невестой, какое-то острое предчувствие кольнуло сердце: Мариам поняла, что сюда она никогда больше не вернётся!

Несмотря на толки и слухи, Мариам любили в ауле. Она, в отличие от сестёр, отличалась скромным нравом и сердечностью. Многие женщины вдруг вспомнили её

¹ Тырса — многолетнее травянистое растение.

тёплое участие в их делах, её добрую поддержку. От всего этого, вероятно, должен был бы подняться плач прощания, но всё испортила бабушка, раньше невесты забравшая в свадебную куйме. Все заулыбались, зашептались: «Сама замуж задумала?» Мариам так весело посмотрела на людей родного юрта, так ясно улыбнулась на прощание, что все заулыбались в ответ.

Вот так рядом с бабушкой отправилась к новому дому несчастная невеста.

И впервые под скрип колёс, подвалившись к плечу спящей анэ, Мариам запела песню, на ходу нанизывая, как бусинки на нитку, слова. О чём была её первая песня? Не вспомнить теперь тихую мелодию души. Это потом научится Мариам запоминать слова песен, много раз повторяя их про себя.

Степь, уместившая на своей груди былое и настоящее, живых тварей и беспокойных людей, собирающая и рассыпающая государства, неслась узкой светлой полоской сквозь приоткрытые двери наперегонки с невестой, предназначенной для одного, но мчащейся к другому. Как зимняя Волга, уходящая без берегов сразу в небо, так и великая степь вдали сливалась с желтеющим небом. Земля и вода были связаны с высотой незримыми нитями. И не было им границ. Как нет расстояния между влюблёнными — если даже забыто лицо за давностью лет, какой-то таинственный образ всегда присутствует рядом, оберегая и даря надежду на счастье.

Об этом ли была первая песня Мариам? Никто не скажет ответ, даже степь, подпевающая нежному переливу девичьей песни тонким свистом лёгкого ветра. Она — то помнит всё, великая мать живого, помнит, как помнит первый лепет ребёнка молодая мама.

Когда-нибудь кто-то непременно услышит эту мелодию и снова споёт. И снова бесконечная земля будет подсказывать слова, подхватывая ветром тихую мелодию. Мелодию надежды и любви.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В сложной паутине ногайского мира орда «Едисан» занимала особое положение: фактически подчиняясь в последние годы бию Юсуфу, едисанцы вели свою политику, были слишком свободолюбивы и воинственны, склонялись к независимости. Когда в 1555 году погиб властитель Юсуф-бий, и ему на смену пришёл бий Исмаил, такое событие мало изменило едисанцев: они так же предпочитали жить своим умом, заключать союзы по собственной выгоде. И рассыпана была орда ближе к Нижней Волге, в некотором отдалении от других ногайских родов, поэтому здесь более сказывалось влияние политики крымских ханов.

Мариам попала в род «келечи», один из самых влиятельных в едисанской орде. Властителем рода был батыр Ишей-ага, становившийся зятем Бекбулата-мурзы.

На подходе к аулу свадебный поезд был встречен отрядом всадников, которые гиканьем и свистом совсем оглушили Мариам. Она спрятала голову на груди у бабушки, но та заставила внучку взять себя в руки и приоткрыла двери куйме, чтобы встречающие могли кинуть взгляд на закутанную невесту. У последних юрт гостей заставили сойти на землю и с песнями повели в аул. Невеста шла отдельно, в центре, её закрывали высоко поднятым шёлковым покрывалом две женщины-родственницы. Всю дорогу Мариам осыпали просом, кричали приветствия. Вдруг кто-то тонкими руками отвёл на миг от лица девушки полупрозрачное покрывало — бой тастар, и добрые светлые глаза одобрительно осмотрели невесту, чьи-то тёплые губы коснулись

её пылающих щёк. Ещё кто-то поднёс девушке пиалу с молоком, и только после этого её подвели к невысокому мужчине.

Потом Мариам точно определит первое впечатление о муже — «очень похож на барана». Действительно, с тёмными глазами навывкате, горбоносый и с кудрявой бородой Ишей-ага очень напоминал этого благородного животного. Церемония «никах» и последующее празднество для Мариам прошли как во сне, она боялась потерять сознание в этой суете, поэтому мало обращала внимания на происходящее.

Наконец Мариам увели в белую юрту, где несколько женщин стали её переодевать, при этом всячески восхваляя её красоту. За каждую снятую деталь одежды невесте полагался подарок, и вскоре на невысоком столике лежали бусы, кольца, даже монеты. Несколько слезинок скатилось из глаз Мариам, когда она вспомнила обряд облачения в свадебный наряд у себя дома: тогда её молодые подруги и родственницы пели печальные песни и плакали. Игривые взгляды и намёки новых родственниц вдруг напомнили о предстоящей ночи, и волна холодного страха окатила Мариам с головы до ног.

Среди встречающих она не заметила красивую полную молодую женщину, которой оказывали особые знаки почтения, и, конечно, предположить не могла, что это — байбише, первая жена Ишей-ага. Отец Мариам был женат на одной женщине, матери своих детей Галимэ, и по примеру мурзы никто в ауле не имел токал¹. Хотя у ногайцев допускалось многобрачие, сёстры Мариам миновали этой доли: и Фатима, и Мадина были единственными жёнами мужей. Даже бабушка, осуждавшая сына за верность Галимэ, не имела соперниц в своём доме. А Мариам была уготована незавидная доля второй жены. И мать, и бабушка, и сёстры избегали этой темы в предсвадебных разговорах, чтобы оградить невесту от ненужного волнения. И вот теперь всё это предстояло узнать ценой слёз и унижений молодой жене.

Щебечущие женщины вышли из юрты, оставив новобрачную одну. Как хотелось Мариам, чтобы сейчас ворвался в юрту Ваня, её единственный любимый!!! Разве нет в мире места чуду? Кто не мечтает о невозможном?! Только тот, кто закрыл навеки глаза. Кто-то желает увидеть потерянного любимого, кто-то верит, что сын, погибший в бою, вновь прикоснётся губами к родительской руке, кто-то видит во сне красавца-аргамака... Желания порой скрыты от самих себя, и только в самые трудные моменты вспыхивают соломой костры надежд на чудо спасения.

От волнения у Мариам замирало сердце, она была готова сама выбежать из юрты, только бы не длилось ожидание неизвестности в сумраке чужой юрты.

Вошла женщина. Не спеша подошла она к Мариам, взяла за руки, повела в левый угол жилища и посадила на узорный мендер.

— Здравствуй, невестка! Невесткой вошла в дом, а станешь дочерью. Это твой дом. Мой сын — твой муж. Ты не бойся, он добрый, хотя это трудно заметить сразу, ты старайся угодить ему во всём и будешь счастлива. Аллах не радуется рождением внука, а ты, я знаю, подаришь мне батыров-внуков.

Мариам с надеждой посмотрела на свекровь и кивнула головой. Зурахан-бике была немолода, Ишей приходился ей девятым, последним ребёнком. Кенжетай² — всегда любимое дитя, а когда он единственный из выживших сыновей, то он становится смыслом жизни матери. Широкое синее платье не скрывало худобу старухи, жёлтые впавшие щёки были испещрены мелкими морщинами, но узкие глаза смотрели молодо.

¹ Токал — вторая жена.

² Кенжетай — младший сын в семье.

— Готовься, жди мужа, только поешь сначала, — свекровь жестом указала на накрытый столик. — Ничего не бойся! Все женщины проходят через это, это наша судьба.

Оставшись одна, Мариам отпила из глиняного кувшина немного щербета и стала шептать про себя молитву. Чуда не случилось.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Лучшая доля батыра — это биться с врагами и пасть на поле боя». Многие ногайцы забыли давние заветы и превратились в табунщиков. Есть такие, кто в этой жизни ни разу не обагрил степь кровью соперника, кому не знаком вкус поединка со смертью. Оттого и ослабела орда, что перевелись настоящие воины.

Ишей-ага жизнь без войны представить себе не мог. Все его братья пали в бою, отец оставил землю безрукий, дяди отличались кровожадностью и хитростью. Пользуясь крайним положением, отряды Ишей-ага занимались набегами и разбоем. Добыча и продажа пленных составляли главный источник дохода, хотя ещё занимались разведением скота и земледелием. Бабушка Джамия, осуждавшая сына за миролюбие, радовалась, что нашла мужа-батыра для внучки. Но она позабыла, что женщина — всегда обуза для воина, если только она не пленница.

Сабира, первая жена Ишей-ага, родила троих дочерей. Мужское самолюбие его было ущемлено: рождение сыновей — доказательство мужественности. И только поэтому решился ногаец-воин жениться на дочери Бекбулат-мурзы. Разговоры о том, что невеста жила в плену у русских, не имели значения, в этом он доверялся мудрой матери, но с первого взгляда девушка его разочаровала.

Ишей-ага предпочитал пышных зрелых женщин, ему нравилось проводить время с пылкой Сабирой в недолгие дни побывки в ауле, и для временных утех искал таких же сдобных баб. Худенькая несформировавшаяся девушка не могла его заинтересовать, и Ишей-ага уже жалел о выборе матери. Не понравилось и робкое выражение лица невесты.

Именно поэтому молодой муж не торопился к токал, а раздумывал — не пойти ли к Сабире, чьи зазывные взгляды он перехватывал во время тоя. Решившись, Ишей-ага резко шагнул в темноту свадебной юрты. Даже себе он запретил потом вспоминать о своей слабости: мужчина в нём не отозвался на этого испуганного зверька, на молодую жену. Со злостью опрокинув столик со сладостями, Ишей сразу из одной юрты шагнул в другую, где его с нетерпением ждали.

Наутро заплаканная Мариам вышла на килен-чай¹, чтобы первый раз стать хозяйкой застолья в новой семье. Старые и пожилые женщины рода придирчиво следили за новобрачной, с важностью принимали подарки сватов. Бабушка сидела в центре главной гостьей, она была счастлива: смятение Мариам она, как и другие, приняла за стыд. К счастью, в то время уже не бытовал обычай свадебной простыни, из-за которой потом пострадали многие невинные женщины: отсутствие крови означало позор. Как могли бы истолковать белизну постели для Мариам? Конечно, за её порочное поведение в плену.

Так началась замужняя жизнь. Роднее отцовского юрта нет ничего! Но для женщины этот закон сердца жив до тех пор, пока не совьёт она своё гнёздышко. А с чего начинать? Какое должно быть основание для нового дома, если муж отверг тебя с первой ночи? Кому можно доверить позорную тайну? Принято было у ногайцев

¹ Килен-чай — «чай невестки» — свадебный обряд потчевания новых родственников (женщин) молодой женой.

отправлять назад невест, если после свадьбы обнаруживалось скрытое уродство. А под каким предлогом откажется от жены Ишей-ага? Мариам не находила себе места, каждый час ожидая решения мужа.

Но шли дни, ничего не менялось, а вскоре Ишей-ага надолго исчез из аула, как шептались женщины, ушёл в Крым. Привычный к отлучкам правителя аул жил по своим законам под руководством мудрой Зурахан-бике. Бабушка не загостилась, уехала обратно к своим, пообещав ещё приехать погостить. Мариам побежала за караваном, как верблюжонок за верблюдицей. Наглотавшись пыли, упала она на горячий песок, и не было у неё слёз, чтобы уменьшить страдание... Никогда не увидятся они больше — бабушка, вынырившая умирающее дитя, и внучка, без памяти любившая свою анэ. Не пройдёт и двух зим, как упокоится вечным сном усталое сердце старухи, пережившей на своём веку множество потерь. И не будет в день прощания рядом с ней той, ради которой продлилась долгая жизнь...

Полюбившуюся с первого взгляда невестку свекровь взяла под своё покровительство, приставила к ней юную девушку-прислужницу, чтобы избавить от лишней работы, а сама понемногу стала приучать к руководству над женщинами. Многочасовые беседы со свекровью на многое открыли глаза: Мариам всегда находилась на особом положении у себя дома, поэтому хозяйственные отношения она представляла смутно. Зурахан-бике недолюбливала старшую невестку за недалёкость, лень, за нежелание вести хозяйство. Сабире нравилось послаще поесть, поболтать без умолку, покрасоваться на праздниках. Она была незлобива, любила пошутить, но быть хозяйкой не научилась, несмотря на терпеливые наставления свекрови, которую за глаза называла сухой щепкой.

Две собаки во дворе дерутся, два зверя в одной норе не живут, две женщины в одном доме грызутся... Напрасно Мариам боялась, что байбише будет с ней враждовать: беспечная Сабиря ничуть не ревновала её к мужу, зная о тайне первой брачной ночи, ни к свекрови (пусть прививает свою мудрость другой сухой ветке). Иногда она шла в юрту соперницы, чтобы поболтать, попить чаю. Порой Мариам не знала, как её выводить, потому что голова трещала от бесконечной самовлюблённой похвальбы. Радовалась встречам только тогда, когда Сабиря приводила с собой дочерей, таких хороших и милых. Две старшие были похожи на мать: круглолицые, светловолосые, сероглазые, а младшая, тёмненная кудрявая хохотунья Гульсум, напоминала отца. Мариам старалась каждую из девочек одарить чем-нибудь, играла с ними. Наглая Сабиря повадилась оставлять на время дочерей у Мариам, которой нравилось заниматься с детьми. Она вспоминала сказки, услышанные в детстве, рассказы от разных людей, а когда маленькая Гульсум засыпала, то пела песенки. Девочки полюбили добрую тётю, с утра просились к ней.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шло время, чужой уклад стал привычнее, в чём-то он был близок к русскому быту: здесь сажали огород, ловили рыбу, больше занимались рукоделием. Аул располагался у реки, люди не так берегли воду, как родичи, пользующиеся колодцами. Долгое время Мариам ничего не знала о рабочих-рабах, так как они пастушествовали далеко от аула. Немногие пленные, живущие в землянках в отдалении, таскали воду и работали на огородах, но и они не попадались на глаза молодой женщине.

Непривычно было видеть множество коз, иногда запросто разгуливающих среди юрт. У рода канглы коза считалась нечистым животным, их порой уподобляли

шайтанам, а у келечи эти животные славились. А верблюдов, которыми гордились канглы, здесь не разводили.

У каждого колодца свой вкус, хотя вода не отличается видом: язык был во многом понятен, но было много неясных значений, нелегко было привыкать к другому произношению знакомых слов. Люди вели себя более независимо, здесь власть не принуждала никого рабствовать. Мариам с удивлением обнаружила, что даже самые бедные владели невиданной ею утварью, посудой. Это были предметы военной добычи, которую Ишей-ага честно делил между родичами, оставляя себе только третью часть. Но та же добычливая война забирала навсегда отцов и мужей, а на вдовах женились братья или другие родственники погибшего, не считаясь с возрастом: порой жены были старше на много лет своих мужей. Почти у каждого мужчины было по три-четыре жены, это считалось нормальным явлением.

На заливных полях сажали просо, ячмень, полбу, тыкву. Мариам захотела присматривать за огородниками, надеясь поделиться опытом крутоярцев, но Зурахан-бике поручила ей контролировать работу умелиц по шитью. Свекровь оберегала любимую сноху: огородники считались низшей кастой, там работали провинившиеся и рабы.

Тем временем вернулись мужчины, и снова Мариам замерла в ожидании. Почему она страдала от пренебрежения противного ей мужа? Кто поймёт женскую душу! После каждой одинокой ночи Мариам счастливо вздыхала, но утром стыдилась смотреть в глаза свекрови.

Однажды Сабира обварила кипятком ногу и не смогла принять у себя мужа, и тот, напившись кумыса, вновь решил приручить дикую козочку. Наутро злой и недовольный он шагнул в новый день из юрты токал и тут же вновь ускакал в неизвестном направлении во главе славного отряда джигитов. Легкомысленная Сабира изнывала от ревности:

— Было у вас что-нибудь или нет? — с бесстыдством спрашивала она, в нетерпении покусывая края длинного рукава.

— Байбише, я же не спрашиваю у тебя ничего, не трогай и ты меня! — миролюбиво отвечала Мариам.

— Значит, не было ничего! Ты же худая, как некормленная овца, поэтому муж приронуться к тебе не хочет!

— Думай, как хочешь, байбише! Пошли оплакивать старую тётю, нас давно ждут.

— Смотри, какая жара, а нам париться в юрте!

— Не специально же она умерла, байбише, старость её съела. Зато попробуешь свежей баранины и халвы!

— И то хорошо, — отвечала сладкоежка Сабира, брала токал за руки и, стараясь спрятать веселье в глазах, шла на поминки. Отходчивая старшая жена после нескольких таких допросов отстала от Мариам, стала вновь нежничать с ней и откровенничать.

Законы (Ясы) Чингизхана защищали чистоту рек и поэтому запрещали купание, равно как стирку, в проточной воде — так высоко ценилась речная чистота. Всё лето Мариам боролась с искушением искупаться в Ахтубе, на берегу которой располагался аул, но женскому полу не разрешалось выходить к реке.

У Мариам уже образовался свой круг женщин, с которыми она общалась, это были и родственницы по мужу, и работницы-карасыряк, и старухи, которые любили молодую женщину за приветливость и почтительность. От них Мариам узнала, что закон этот нарушается: почти каждая из них не раз купалась в реке, только нужно это делать в секрете. Однажды поздним вечером стайка молодых женщин тайком

вышла к берегу реки. На дозоре оставили самую юную девушку, а сами кинулись в воду в длинных нательных рубашках.

Какое наслаждение окунуться в тёплую тёмную воду, какая радость лежать спиной, раскинув руки, и кружиться в невесомости: так в утробе матери плавает нерождённое дитя... Никто, кроме Мариам, не решался на такое. Но и ей больше никогда не пришлось наблюдать, лёжа в воде, падение звёзд со сверкающего неба...

Прошло полгода после свадьбы, а её родители до сих пор не были приглашены в аул келече, хотя подарки, и немалые, заботливая Зурахан-бике давно отправила отдельным караваном. И была тому причина: всё чаще стали нападать на ногайские улусы казахские боевые отряды, Исмаил-бий вновь собирал войска для смотра. Неспokoйно было в великой степи, гудела она от топота копыт, звенела полётом острых стрел, гремела схваткой булатных сабель... Дети одного корня, ногайцы и казахи, разъединённые после распада Золотой орды, готовились к большой войне за обладание степью, матерью всего земного.

Но всё же ранней осенью приехали долгожданные гости. Фатима с горячностью хорошей правительницы всё норовила обозреть хозяйство келечи, её интересовали больше быки и лошади. Мадина приехала печальная, не в силах скрывать своё горе, она рассказала Мариам о смерти любимого Али-Акрама, правителя Казани. Бабушка заболела, и её силой оставили дома. Одна мать радовалась дочери, да маленькие племянница и братья без конца обнимали любимую тётку. Гости дивились напoказ выставленному богатству: дорогой посуде, оружию, коврам, резным шкатулкам, стеклянным кувшинам... Женщины келечи сплошь шеголяли в сафьяновых узорных сапожках.

У Мариам с утра кружилась голова от недосыпания: напоследок сёстры всю ночь болтали. За прощальным дастарханом она сидела рядом с Сабирой. Мариам никогда не любила манеру есть байбише: она чавкала при еде, торопилась, глотая большие куски мяса, облизывала жирные пальцы... Вдруг Мариам замутило, когда сытая Сабиря отпрыгнула громко в её сторону. Мариам еле успела добежать за соседнюю юрту, как её вывернуло. Когда бледная, с покрасневшими глазами, она вернулась к гостям, то многие понимающе переглянулись, а соседка ущипнула байбише и указала глазами на живот токал. Сабиря чуть не взвизгнула: «Эта шелудивая овца всех обманула! Она беременна! А строила из себя нетронутую девушку!»

Не смогла в этот раз бежать за родными, прощаясь, молодая женщина: острая иголка догадки уколола её сердце. Одна лишь мысль терзала её: «Неужели от нескольких минут обладания зарождаются дети? Разве такое возможно? Почему? И за чем? Зачем ей нужна эта новая жизнь, раз она разлучает её навеки с Ваней?»

И так настала пора пожинать плоды нежеланной любви. Сабиря тоже страдала, злилась, но внешне этого не обнаруживала, по-прежнему дружила с токал. Зато радости Зурахан-бике не было предела: она верила свято в рождение внука. Отец будущего ребёнка никак не отреагировал на новость. И вообще, Ишей-ага отличался скрытностью и неразговорчивостью.

А кто-то, неведомый этому миру, плавал в утробе матери, как маленькая рыбка, и купался в невесомости. Счастливы нетронутые пылью младенцы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Что такое река? Вот она журчит ручейком, переливаясь по камушкам вниз, подпрыгивая, извиваясь, дурачась, а вот она набирает силу, собирая по пути другие

ручейки, становится шире, уже не так резко меняет направление, хотя иногда заносит её далеко в сторону... Дальше начинает пополняться река и подземными, и небесными водами, вот тогда она становится стремительной в своём бурлении. Долго же приходится обуздывать берегам рвущуюся силу, пока не вынесет река свои воды в спокойное величавое течение.

Так и человек, словно мощная река, сначала накапливает силы, впитывая в себя любое знание, ищет себя, спотыкаясь и ошибаясь...

А ведь не все ручейки превращаются в реки, многие теряются, сохнут, уходят в землю или же отдаются во власть живучих собратьев.

Ваня второй год жил в Астрахани, работал у купца Ермолая. За это время он возмужал, и не сразу признали его односельчане, прибывшие с очередным обозом.

— Никак Ванятка? Ух, медведище!

— Да, я, а то кто же? Ну, здравствуй, Миша!

— Купцом, что ль, заделался? Рыбный дух, небось, не помнишь?

— Помню, всё помню! Как там мои, живы здоровы?

— Поклоны шлют, мать с отцом здоровы, дядька твой того... Утоп.

— Дядя Герасим? Да как же так?

— Один с осетром боролся, да не вытянул, сам ушёл под воду... Два месяца прошло, как схоронили. Вань, дядька Петро слово одно передал...

— Ну, говори, не томи!

— Просит вернуться, трудно ему одному тянуть две семьи, тётке Татьяне надо помогать. Андрюшка-дурачок после бабкиной смерти умом тронулся.

— Мишаня, а давай погуляем сегодня, я тебе город покажу! А завтра решим, что делать. Жёнке твоей платков накупим! — сказал, а сам ссутулился, в глаза другу не смотрит: жена-то — Настенька — его любила в девичестве.

— Только разгрузимся, а там — гуляй, не хочу! — Михаил ясно улыбнулся, показав, что ничто и никто промеж них не стоит. Добрая душа!

Ваня впрягся с другими в разгрузку, вспомнив заодно и службу у прежнего хозяина, и привычную с детства работу ловца. Мёрзлая рыба царапала щеки, когда тащили её, тяжёлую глыбу, на плечах... Хороший нынче улов у купцов: объегоривают ловцов, предлагая выгодный для себя обмен — соль втридорога, снасти по большей цене...

Погуляли друзья-погодки по городу, набрали гостинцев родным, и решил Иван вернуться с обозниками в Крутой Яр. Ермолай отпустил на время ловкого и бойкого работника, велел прибыть вовремя, потому как собирался караван, а иначе он уйдёт без него. Зимой купцы обычно шли по степям, предлагая свой товар оторванным от базаров людям.

В детстве всё кажется большим, просторным, весь мир умещается в привычных границах. Если сидишь век на месте, то окружающее незаметно меняется вместе с тобой, и не видишь ты, как постепенно стареют родители, ветшает дом, зарастает двор. Только отлучившись, увидишь перемены, и твой огромный детский мир покажется скорлупкой.

Ваню ждали! Отец пришёл за околицу, вроде как по старшинству встречая обоз, а на самом деле выглядывая сына. Когда увидел издали его кудлатую голову (Ваня, разогревшись, снял малахай), то, не выдержав, пошёл навстречу. Седина уже отличала серебром на его висках. Дома Марья наготовила всякой еды в надежде, что па-сынок вернётся домой. А когда он вошёл, высокий, с ярким румянцем во все щёки, непривычно бородатый, Марья слова вымолвить не могла, прижалась к широкой груди названного сына и заплакала. Она-то не изменилась, только маленькая стала

против него, и не поверить теперь, что боялся её Ваня поболее отца. Две девочки жалась к материнскому подолу и испуганно смотрели на незнакомого дядю.

С подарками пришёл Ваня, никого не обидел: отцу — сапоги, Марье — отрезок разных, сестричкам — свистульки да пряники. Разговоров было много, про одно только не говорили — навсегда вернулся Ваня домой или на побывку. Он и сам не знал ответа. Несколько дней шли знакомцы, друзья, бабы валили без отбоя в Петров дом. Ваня стал с отцом обновлять загоны для овец, сходил на зимнюю рыбалку. Богато одарила Волга блудного сына — одних щук полные сани, еле довезли. Конь отцов был стар, а тот, что для Вани держали, был горяч и молод. Берегли его, кормили лучше. По весне ожидался поход, Пётр собирался Гнедка объявить под седло, а коль Ваня уйдёт, то заставят Молодца выставить. Нынче с этим строго, коней выбирают со двора по силе.

Про Аньку никто ни гугу, хоть в думках она у каждого. Марья про себя честит нехристь, что волю у парня отняла и судьбу поломала, Пётр смотрит в глаза сыну, гадая, забыл ли тот зазнобу. А Ваня вздрогнет, когда кличут малую по имени: никак не привыкнет, что курносая девочка с растрёпанными тёмными волосами и бойкими глазами тоже Аньута.

Как трудно загнать за загородку погулявшего на воле жеребца, так трудно удержать дома того, кто узнал иную жизнь, пусть тяжёлую, но полную новизны. Тесно Ване дома, мал ему отцовский двор, не манит казацкая служба. Одна Волга держит, она дорога ему чем-то таким, что и высказать словами нельзя. В городе река другая, там она труженица, нет в ней простора и воли, а здесь веет от неё даже через лёд силой несметной.

Хитрая Марья решила устроить смотрины здешним девкам-невестам, может, кто и приглянется Ивану. Подоспели впору святки, девичьи хороводы по улицам выются. Не пожалели Молодца, в расписные санки впрягли его, а Ване вожжи вручили — покатай-ка по морозу девок, побросай их в сугробы, чтобы жар щёк остудить! А девки уж и сами приглядели приезжего красавца, облепили сани цветным клубком, хохочут, толкают друг дружку. Покатал-повозил Иван красавиц да домой вернулся. Весь в отца! Молча кинул на лавку кожух и стал с Дашуткой играть. Да что это такое! Марья места себе не находит, не зная, как обженить бирюка. Но сердцем она понимала, что не мил ему никто, ему дороже платок, вышитый Аньутой, а не ласковая девушка-казачка. Отстала от парня мачеха, стала выжидать. А что тут выжидать? После праздников Иван отправился назад в Астрахань, ушёл один, снарядили ему старого Гнедка, а Молодец остался отцу.

Махнул Пётр рукой на сына, обнял ночью покрепче Марью и зашептал:

— Иван более не вернётся, смирись, мать! Такая у него доля! А ты постарайся, роди мне сына, он и будет старость нашу покоить. Что молчишь-то, Маша?

А что тут скажешь, коли уж постарались — к лету рожать. А кто там родится, един Бог ведает, может, и сына он даст на радость. Да кто бы там ни был, только бы выносить.

А Иван скакал вдоль Волги по бескрайности белого поля. Вела его река, не жалея, а только направляя, чтобы не заплутал человек в своих поисках.

Не зря говорится в Библии: «Ищите, и обряцете, толцйте, и отверзется».

Дошёл Иван зимой до Бекбулатова племени вместе с небольшим караваном торговцев. Прежде чем брать с собой в дорогу упрямого парня, Ермолай попытал его: с чего вдруг такая охота шастать по опасной степи в такой приманчивой для разбойников компании? Ведь не жаден до денег, это сразу видно, не искатель опасностей, потому как разумен и спокоен... В лазутчиках быть не может — прост, любитель

путешествий — тоже не ладится: окромя языка, ничего его не интересует... Ермолай не стал хитрить, а спросил в лоб:

— Чего в степи ищешь? Без правды не возьму тебя в поход, наушники и лазуки мне без надобности. Вижу, не зря второй год просишься к ногаям! Говори!

Пришлось Ивану открыться, рассказать про Анюту, да только говорить особо нечего: ничего толком было неизвестно, разве что она дочь мурзы, который за Исмаила стоял, у которого три дочери, одна в Казани замужем, другая тоже замужем, но в степи. Вот и всё, что знал Иван, даже имени настоящего назвать не мог.

Ермолай покачал головой:

— Да что ж ты молчал целый год, дурачина? Давно бы свою басурманку нашёл — Анюта твоя, Бекбулата-мурзы дочь. Три-четыре года назад искали её джигиты, награду предлагали. И дочь другая его в Казани замужем была. Красавица, говорят! А ты таился, к Кариму бегал... Нынче выйдем в Москву через Бекбулатовы земли. Прошлый год не пускали нас по ногаям, с царём нашим батюшкой у них чего-то вышло, а теперича пора, иначе другие за нас пойдут. Распря у них большая после смерти Юсуфа, как бы до войны не дошло. Крымчаки вражду сеют, им ногайцы смиренные не нужны. Из туретчины Сулеймановы послы были годков шесть назад, тоже тянут их к себе, значит, против русских. Ты, Иван, слушай и вникай, всё знать надобно, коли пошёл в степь. Только вот что помни: к бабам подходить у них нельзя, сам никуда не лезь, я всё устрою. И ещё, может, твоя Анюта давно замужем, у них рано девок отдают. Тебе, чую, попроситься с ней надо по-людски, вот что тебе сердце гложет... Вот уговор — найдём Анюту — не вздумай приманивать её с собой, а попроситься можно... Решай, Иван!

Умного человека не проведёшь, учует всегда неправду. Собрался ведь возвернуть любимую... Вдруг Ваня понял, что Ермолай прав: измучил он себя тем, что не попросился с ней. Лишь бы узнать, что Анечка жива и здорова, больше ничего ему не надо. На том дал крепкое слово купцу.

Только через месяц, в лютые морозы добрались они до зимнего аула Бекбулата. Отсюда идти в Москву с ногайцами, которым туда надобно по торговым делам. Табунщики уходили раньше, гнали огромные табуны лошадей до самой столбцы, с другим товаром поднимались позже по зимним дорогам.

Вся куческая ватага говорила по-ногайски, одеты были все, как степняки, иначе по этим землям не ходили. Тюки с тканями купец отпривал в главную ставку Исмаила, там свой базар, приказчики знали дело. Сам Ермолай с несколькими подручными поспешил в гости к мурзе. Аул с низкими турлугами¹ спрятался под снегом, народу на улицах не видно. Пока свеживали овцу для шурпы², в юрте для гостей текла неторопливая беседа. Иван пытливо вглядывался в грузного седобородого Бекбулата и ничего общего с Анютой не находил в тёмном плоском лице с сильно прищуренными глазами и кустистыми бровями. Через цветистую вязь приветствий и взаимных комплиментов Ваня пытался узнать о судьбе младшей дочери мурзы. Долго же пришлось ему ждать, пока не услышал, что всех дочерей, слава Аллаху, определил отец за достойных людей. Вот недавно отдал в Москву старшую дочь, вдову казанского царевича. Опять Сююмбике постаралась, вспомнила давнюю подругу, сосватала за своего племянника, что у урусов живёт. Средняя замужем за уважаемым человеком из мангытского рода, и младшую выдали за славного батыра Ишей-ага прошлой весной. Сердце у Ивана упало... Он был рад, что Анечка не пострадала, вернулась к родным, но известие о замужестве его ошеломило, хотя он заранее себя готовил к такому повороту. Наверно, чем-то выдал себя молчаливый

¹ Турлуг — глинобитный дом.

² Шурпа — бульон из свежей баранины.

русобородый парень с синими глазами, если взгляд Бекбулата задержался на нём с неприкрытым интересом. Или почуяло сердце мурзы, что сидит ниже него непростой человек, тесно связанный с ним... Или просто опытный человек заметил странное волнение гостя при упоминании дочерей. На секунды перехлестнулись взгляды, и какая-то невидимая нить скрепила незнакомых людей. Неведомо никому, как рождается дружба и доверие. Разговор продолжился, но Ивана больше ничего не интересовало. Выехал он из заснеженного аула понурый и ещё более молчаливый. Ермолай его не трогал, понимая, что сегодня Иван потерял свою любимую во второй раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мариам всегда любила возиться с малышами: Дашутка до сих пор снилась ей по ночам, тёплым комочком прижатая к груди. Любила она своих маленьких братьев, таких разных и таких милых. При взгляде на племянницу Санию всегда наворачивались слёзы на глаза: сирота, отца не увидит никогда. Дочери Сабиры и мужа стали совсем родными, даже родная мать заботилась о них меньше токал. В ногайских аулах всегда много детворы, их до определённого возраста балуют все родичи, а потом мальчиками занимаются отдельно, а девочек оставляют на попечении бабушек и сестёр. Мариам всегда была окружена малышами, она с удовольствием общалась с ними, рассказывала им сказки, пела песенки, заплетала косички и вытирала носики. Как никто, она умела занять малышей незатейливым рукоделием или игрой. Казалось бы, рождение собственного ребёнка — это счастье для неё, желанное событие. Но почему Мариам не может примириться с беременностью? Как когда-то Марья, ждущая Дашутку, затаилась в ожидании чего-то непоправимого, так и Мариам ушла в себя и не может радоваться самому таинственному акту в жизни женщины — вынашиванию и рождению ребёнка. С равнодушием встретила она новость о втором замужестве Мадины. Сестра опять вышла замуж за мужчину из рода Юсуф-бия, на этот раз за его внука. Бабушка, наверно, злословит по поводу этой поспешной свадьбы, она никогда не любила Юсуф-бия и его племя. Как хотелось Мариам именно сейчас увидеться с сёстрами, поговорить с ними. От Фатимы не было вестей уже давно. Что же делать? Неожиданно Мариам представила, что ей ответила бы Фатима: «Что делать? Рожать! Аллах дал тебе счастье, а ты брыкаешься, как бешеная кобыла, хочешь скинуть груз. Рожать, потому что не всем это дано!»

Мариам успокоилась, а когда малыш впервые толкнулся в животе, то вдруг её захлестнула волной горячая нежность к нему. Зурахан-бике не знала, куда посадить беременную невестку, чем её угостить, заставляла смотреть на красивые вещи, держала у изголовья будущей матери борьк мужа.

Сабира шипела от злости, она боялась, что Мариам родит сына, а Ишей-ага разлюбит её и станет любить токал. А он любил войну и охоту. Сабира не упускала ни одного случая, чтобы принять у себя мужа, для него она наряжалась часами, забыв обычную лень. Она готова была рыдать, если он пропадал на время. «Хоть ты десять раз роди, а он будет только мой! Даже не вздумай строить глазки и вилять узкими бёдрами, я тебе глаза выцарапаю!» Угрозы тут же сменялись слёзами: «У нас трое детей, он любит меня, а я его! А тебе никто не нужен, и он не нужен, пожалей меня, не зови его к себе!»

Мариам тошнило от перепадов настроения Сабиры, она устала объяснять, что никогда не ждала и не ждёт мужа. «Забирай его навсегда и оставь меня в покое!» Со временем байбише успокоилась, стала приходиться с советами к Мариам, опять обнимала

её и целовала, опустошала столик со сладостями, который ставился для беременной женщины. Не раз Мариам ловила себя на мысли, что ей хочется опрокинуть резной столик со всем содержимым на голову Сабиры, так она её доставала!

Пришёл праздник Навруз, аул зашевелился, люди стали ходить друг к другу в гости с праздничными поздравлениями. К беременной токал повалили женщины, каждая из них желала благополучных родов. Хотя у Мариам подходил срок, осталось всего два месяца до родов, ходила она легко, лицо светилось от затаённой радости. Последний седьмой день Навруза праздновали в большой юрте. Как невестка, килен, в числе прислуживающих для самых почётных старух, была и Мариам. Правда, ей ничего не давали делать, она только передавала пиалы с напитками. Когда гости стали расходиться, Мариам поднялась, чтобы помочь убрать дастархан, и в это время Сабира опрокинула на неё большой чан с горячей водой, приготовленный прислужницами для мытья посуды. Нечаянно так получилось или же байбише намеренно ошпарила соперницу — так никогда и не узнали. От боли у Мариам начались преждевременные схватки. Её уложили в этой же юрте, некогда было обработать ожог, потому что схватки были стремительными. Через час Мариам разрешилась мальчиком, таким маленьким, что его можно было бы спрятать в рукавичке. Ребёнок даже не закричал, а запищал, как птенчик. Мариам сквозь слёзы пыталась разглядеть малыша, но его быстро обмыли и укутали в тряпки. После, разглядев туго запелёнатого ребёнка, Мариам ужаснулась: он был такой сморщенный, багрово-лилового цвета. Молодая мать испугалась: нормального ли ребёнка она родила? Почему он такой некрасивый? Зурахан-бике, готовая прыгать от радости, несмотря на свой почтенный возраст, находила малыша очаровательным! Ишей-ага тоже был счастлив, от гордости он дёргал своей кудрявой головой, всё больше напоминая вожака-барана.

Одного Мариам никогда не простит старшей жене мужа: именно из-за неё она лишилась возможности родить своего первенца в родном ауле. По адату полагалось женщине перед первыми родами жить у родителей и вернуться к мужу с младенцем через сорок дней после рождения. Это была последняя возможность провести долгое время с родными, насладиться их вниманием и любовью. Как ждала анэ свою дорогую внучку, чтобы понюхать на руках долгожданного правнука! А теперь она утешится вестью о счастливом событии...

Ревность уместилась в чаше кипятка и ошпарила не только ноги, но и душу. Где найти границу между «суждено» и «не суждено» гневному сердцу? Сабира плакала в углу своей юрты. Во-первых, её хорошо оттаскала за волосы свекровь, а во-вторых, её съедали зависть и обида. Только приход мужа, как никогда пылко любившего свою байбише, немного смягчил удар. Сабира решила во что бы то не стало забеременеть и родить сына.

Пока в объятиях мужа старшая жена предавалась мечтам, младшая жена уже кормила сына. Слабые губы малыша не могли ухватить сосок, ребёнок был вялым, сонным. Мариам страшно испугалась, думая, что сын умирает. Находившая рядом с ней свекровь проснулась от вскрика, отняла внука и долго вглядывалась в него при свете светильника.

— Не трогай его, пусть спит, утром проголодается, начнёт сосать. И сама поспи!

Мариам успокоилась, но заснуть не могла из-за боли на ошпаренной ноге. Слабая свеча держится на ниточке, она колеблется от каждого дуновения, но может угаснуть и от лишнего вздоха, и из-за нехватки воздуха. Ребёнок был подобен свече: дыхание его зависело от малейшего колебания окружающего мира. Зачатый без любви, рождённый до срока, он лежал почти бездыханный в бисеке¹. Светильник угасал, и тьма

¹ Бисек — колыбелька.

сгущалась над люлькой. Мать почувствовала зловещую тишину, она вздрогнула от страшного предчувствия и, подскочив, схватила почти невесомый комочек, прижала его к груди и запела беззвучно колыбельную. Зачем петь колыбельную песню спящему ребёнку? Зачем она тому, кого уносит река забвения в свой недоступный рай? Но умирающее дитя чувствует беззаветную материнскую любовь в мелодии песни, его крохотное сердце отзывается на невидимую теплоту, его прозрачные пальчики хватаются за пелёнку, а маленький ротик сжимается в колючку, готовое ухватить спасительную грудь, пока не наполнится молоком. Как-то так получилось, что малыш сам нашёл источник жизни и стал сначала неуверенно, тыкаясь тёплым носиком, а потом с полным правом жизни сосать материнскую грудь. Сладостная дрожь единения с сыном пронзила всё существо Мариам. Так началась ещё одна её жизнь — жизнь счастливой матери.

Сильные духом люди щедро делятся радостью с другими, неревнивым взглядом оберегая своё счастье, они внимательны к менее удачливым в жизни. Слабые, в страхе потерять обретенное, подобны зверю, охраняющему своё логово: они рычат на каждого, кто осмелится приблизиться к норе. Река, отражающая солнце, прекрасна в дробном излучении большого света, темно и мрачно болото, которое тащит всё в глубь: и тепло светила, и малую травинку, цепляющуюся за жизнь. Настоящее счастье великодушно.

Мариам быстро оправилась после родов, даже ожоги, омываемые по совету целительниц грудным молоком, не оставили шрамов на теле. Через сорок дней, созвав большое количество гостей, объявили имя наследника Ишей-ага. Старый мулла трижды прокричал дребезжащим голосом в крохотное ухо малыша: Суюнч! Суюнч! Суюнч!

Имя означало — радостная весть. Никого из родных молодой матери среди гостей не было: в эти дни хоронили мать Бекбулат-мурзы, бабушку Мариам. Неугомонная старуха, прожившая долгую жизнь, успокоилась навсегда. Жизнь подарила ей последнюю радость — весть о рождении правнука. Жизнь и смерть опять встретились у берегов всепоглощающей реки. Может, они ходят всегда рядом, но мы в своём неведении делим их по разным берегам?

Молча приняла горестную новость Мариам, жалея лишь о том, что не успела попрощаться с дорогой анэ. В смиреннии перед неизбежностью тоже проявляется сильный дух. И сложила тогда она песню про бабушку, которую потом долго пели ногайцы, может, и сейчас кто-то помнит эти слова:

Белый туман рассыпается в белые облака над головой,

Белые облака проливаются тёплым дождём,

Проливаются тёплым дождём на степь,

Чтобы степь расцветала зелёной травой,

Чтобы верблюд наполнялся горбом,

Чтобы песню каждый смог допеть:

Ай, дорогая анэ,

Не забудь про меня в вышине,

Ай, дорогая анэ,

Возвращайся ночами во сне,

Ай, дорогая анэ,

Будешь жить ты любовью во мне,

Ай, дорогая анэ,

Спасибо говорю тебе!

Не желая оттеснить байбише, Мариам редко командовала людьми, старалась, где могла, сама сделать что-то для юрта. Незаметно для себя она стала считать его родным и переживала за каждое неустройство. Ишей-ага заходил полюбоваться на сына, он гордился наследником. Честно говоря, раньше он не помнил лица второй жены, даже не узнал бы при встрече. Теперь он приглядывался к Мариам, обращался к ней с почтением. Как женщина токал, очень похорошевшая после родов, по-прежнему его не привлекала, его тянуло к взбалмошной Сабире, с ней он был весел и по-мужски счастлив. Короткие разговоры у люльки малыша со второй женой привлекали его всё больше: токал была ненавязчива и умна. Ишей-ага понял, наконец, мать, Зурахан-бике, — Мариам стала бы хорошей управительницей аула. Установились негласные отношения в семье: Сабире главенствовала над сердцем мужа, а Мариам потихоньку перенимала бразды правления от Зурахан-бике.

Однажды Мариам застала у люльки задремавшего мужа. Пристально вглядываясь в сонное лицо Ишей-ага, она заметила ранние морщины на задубевшем от ветра тонкокостном горбоносом лице неутомимого воина. «А ведь ему пошла только тридцатая весна!» — по-матерински вздохнула Мариам. Две поперечные морщины на лбу придавали батыру властный вид, а тонкие обветренные губы таили мальчишескую улыбку. Муж без шапки напоминал усталого задремавшего льва. «Мой барс» — так называла Зурахан-бике сына. В эту минуту Мариам была согласна со свекровью.

Если в семье наступил лад, то вокруг уже бушевала буря: совсем недавно провозглашённый бием Большой и Малой Ногайской Орды Исмаил заключил мир с русским царём. Практически это означало подданство. Не все спокойно приняли такое решение, в северных улусах бурно оспаривали волю ногайского правителя. А Исмаил-бий, твёрдый в своём решении построить новую столицу на берегу Бузана, всячески доказывал свою правду: где мечом, где уговорами. Ведётся из века веков, что железная рука старшего усмиряет бунт в сердце мятежного.

Три года назад родился Иван-царевич, которому суждено в будущем пасть от руки грозного отца, а на Руси уже князят бунтовщиков, изводят под корень боярские семьи, заподозренные в измене. Страшные вести приходят из Московии. И думают ногайцы: коз своих не жалеет, то будет ли кровожадный царь милостив к иноверцам?

Другая беда обрушилась с востока: казахский правитель Хак-Назар-хан напал на Ногайскую орду. Неисчислимые войска лавиной песчаной бури неслись по степи. Исмаил-бий обратился к русскому царю с просьбой о помощи, все мужчины-ногайцы были призваны в ополчение. Снова забелеет костями долготерпеливая земля, снова заалеют на крови жаркие весенние тюльпаны, снова человек будет без пощады убивать другого человека по властному взмаху правителя. Сироты и вдовы, одинокие матери будут оплакивать родных, умирая от голода в холодных юртах! И не будет в том великом рыдании деления на победителей и побеждённых. Только несколько человек, лёжа на белом войлоке, напьются дурмана кумыса, чтобы восторжествовать и отметить победу.

Но на этот раз торжествовали все оставшиеся в живых ногайцы: казахов разгромили и выкинули за пределы ногайской степи, а непогребённые останки убитых врагов гложут птицы и звери.

Ишей-ага ринулся на битву с казахами, не дожидаясь основных сил. Смяли бесстрашную дружину опытные батыры-казахи, никого не оставили в живых. Задержал отряд келечи лавину врагов, этой малой толики времени было достаточно, чтобы подросла армия Исмаил-бия. Воспоют через годы славу Ишей-ага, барсом ринувшегося на несметные полчища врагов, вырастет в тех сказаниях батыр до сказочного

исполина, бесстрашного и несокрушимого, которого только хитростью одолеют враги: они вызовут смерч, вырвавший его из седла и кинувший на острия мечей. Даже умирающий сумеет батыр снести голову главарю врагов... Так поётся в песне, а что было на самом деле, знает только жёлтый глаз небесного светила. Оно бесстрастно выжигает одни следы, чтобы завтра легли на пески другие. Так ведётся из века в век.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Весы судьбы неумолимы — на них равны горести и радости. Нельзя целый век прожить в довольстве, сытости и счастье. Чем должен утешаться человек, песчинка бесконечного бытия? Только единством с другими, только благородной целью спасения вместе с другими.

Горькую чашу припасла судьба для Мариам после года безоблачного счастья! Никто не в праве осуждать молодую вдову. Она могла вернуться с ребёнком под крыло родного отца от забот разорённого гнёзда. Ещё не пришёл чёрный мор на ногайскую землю, его студёное дыхание пока набирает силу на берегах тёплого моря. Пока живы мать и родственники... Но не стала Мариам собирать вдовью арбу, а осталась у келечи, чтобы разделить с ними тяжёлые годы. Нет взрослых мужчин — в роду одни безусые подростки. Была надежда, что вернётся небольшой отряд джигитов, отправленный в Крым для тайных переговоров покойным Ишей-ага, но с каждым днём эта надежда тает. Зурахан-бике потеряла голову после смерти единственного сына, сидит в тёмной юрте и молча качает пустую люльку. Сабира рыдает целыми днями, визжит и воеет, как волчица, потерявшая щенят. Мариам, не выдержав, однажды хлестнула байбише по щеке, да так крепко, что у самой рука заныла.

— Ещё услышу твой вой, отправлю к пастухам, поближе к волкам! Там место глупым овцам! И не бегай по аулу босоногой!

Несколько стариков и старших родственников стали советчиками и помощниками Мариам, они, как могли, занимались насущными проблемами. Бывают моменты, когда жизнь проверяет народы на выживаемость, и тогда многое зависит от сплочённости. Эдисанцы редко выпадают в панику, кочевая жизнь, полная неожиданных приключений, частые потери отцов семей научили их умению мобилизоваться, быстро перестраивать свои отношения в роду. «Не проси совета у унылого, а проси у весёлого», — так говорят старики. Тот силён, кто умеет радоваться тому, что имеет.

Мариам не было девятнадцати вёсен, она была всего лишь второй женой погибшего Ишей-ага, но она родила наследника, и её поддерживала сама Зурахан-бике, пересилившая горе, но уже не способная к правлению. Жёны двоюродных братьев батыра отвергли Сабиру и встали на сторону Мариам, которая успела отличиться здравым умом, обходительностью и, при необходимости, достаточно властью. Юная женщина стала замещать Зурахан-бике, но при ней всегда был совет старших. Привыкшие жить подолгу без мужчин, сначала женщины мало замечали перемены, но вскоре нужда подкралась к несчастному аулу. Другой бедой стал страх: боялись бунта рабов, которые осмелели после гибели всех джигитов.

Детей пришлось собрать вместе в нескольких юртах, чтобы вовремя покормить и уследить за ними. Подростков отрядили ловить коней, потерявших хозяев: табуны спускались к реке. Девочки целыми днями лепили курт, который зимой будет спасать от голода. Женщины и старухи занимались дойным стадом. Однажды Мариам велела привести всех рабов, и сама в сопровождении женщин, детей и стариков вышла

к прокопчённым от солнца людям. Первым делом она велела сбить кандалы у тех, кто ещё носил на себе позорный знак рабства. Мариам посмотрела на безоблачное небо, помолилась про себя и начала свою речь на русском языке:

— Я своею волей даю вам свободу. Не я брала вас в плен, не эти женщины и дети. Те, кто привёл вас на аркане, уже мертвы. Вы можете уйти домой, мы дадим вам припасов на дорогу, коней. Но кто хочет, может остаться как свободный человек. Можете взять по согласию женщин в жёны, только из вдов. Каждому обещаю защиту, если решитесь стать ногайцами. Я всё сказала.

И настала такая тишина, которая выпадает человеку только раз в жизни. Первым, молча, через дорогу на сторону ногайцев перешёл старый огородник Захар, которого давно звали Секиром. Ему некуда было идти, вся жизнь его прошла среди ногайцев. Молча делились люди — кто оставался на той стороне дороги, где ещё валялись под ногами сбитые колодки, а кто переходил к кучке женщин и детей. Пока собирали еду на дорогу, ещё несколько человек решили остаться, в основном, это были немолодые люди. Утром несколько десятков людей побрели по холодеющей земле, разнося по свету весть: женщина дала свободу рабам, взятым в плен мужчинами.

Большого осуждения за отмену рабства Мариам не получила: все понимали, что держать пленных становится опасно и прокормить их трудно.

За всеми делами Мариам не забывала нянчить сына. Мальчиком занимались дочери Сабир и прислужницы, иногда и Зурахан-бике, обожавшая внука, но молодая мать выкраивала время, чтобы обнять малыша, поиграться с ним, полежать рядом на мягком мендере. В эти минуты Мариам ни о чём не думала, просто радовалась, любуясь на крепкие щёчки Суюнча, на тёмные глазки с длинными ресницами, целуя ребёнка в ясный лобик. Дитя и мать связаны незримой пуповиной, взаимная их любовь выше слов, они переполняют друг друга нежностью, поэтому так прекрасна кормящая младенца женщина.

Пережили трудную зиму, дотянулись до первой зелёной травки. Но почему близкие роды, обязанные помочь в беде аулу героев-батыров, не шлют верблюдов с мешками проса?

Не будем винить ногайцев в неблагодарности: пришла другая беда в ногайскую степь в год победы над казахами.

Кем проклят род, если после одной напасти следует другая, более страшная: мор пришёл в ногайские аулы. Мстили ли духи не преданных земле? Или тень грозного Юсуф-бия решила забрать своих людей в вечное подданство?

Гибли семьями в юртах, падали с седла спешащие по делам, задыхались младенцы, сходили с ума женщины. Опустели юрты, убегали люди, чтобы спастись в одиночестве и погибали от голода и холода.

У Бекбулата осталась в живых половина людей. Скорчилась от боли и застыла навек прекрасная Галимэ, так и не успев постареть. Уцелели дети, Сабир и Юсуф. От Фатимы не было вестей: она, услышав про чуму, увела свой народ куда-то вглубь степи, и никто теперь не узнает, удалось ли бесстрашной Фатиме спасти любимых мангытов. Одна яркая вспышка юношеской любви досталась на долю второй дочери Бекбулата, всю остальную жизнь она посвятила большой семье мужа, целиком растворившись в ней.

Роду келечи повезло: их отдалённое поселение миновала чёрная зараза. Узнав о море, выставили редкие дозоры из подростков, чтобы отправлять непрошенных гостей назад. Но никто не появлялся на горизонте.

Жизнь полна горестей, но гибнет тот, кто предаётся унынию. С весною, радуясь солнцу и теплу, пробудились люди, стали слышны шутки и смех. Мариам сложила

несколько песен, их распевали подростские девушки. Мальчики подтянулись, повзрослели. Кадыр, сын двоюродного брата Ишей-ага, стал незаменимым помощником: в нём жил дух властителя. Это было видно по его недетскому взгляду, умению быстро принимать решения, выслушивать молча советы старших, но в нужный момент поступить по-своему. Мариам незаметно выдвигала подростка над другими, разрешала ему самостоятельные действия. Малыш Суюнч уже бегал от нянек, начал лопотать. Хозяйство налаживалось. Одна беда: никто не хотел работать на огороде. Рабов отпустили, а огородничество у ногайцев считалось недостойной работой. Устав уговаривать, Мариам с несколькими женщинами сама пошла ковыряться в земле. Решили в этом году посадить побольше тыквы и полбы. Мариам хотелось завести капусту и репу, но не было семян. Да и понимала она, что засеять можно, но невозможно заставить потом есть пареную репу. Стали ловить больше рыбы, из забавы рыболовство превратилось в необходимость. За зиму съели много овец, отары убавились.

Делились всем по возможности поровну, только коровы и козы по-прежнему являлись собственностью семьи. Пожилые вдовы с удовольствием приняли к себе бывших рабов, всё-таки мужские руки.

Сабира перестала плакать, стала появляться на людях, пыталась быть полезной, но её все старались спровадить подальше от себя: от неё было слишком много бестолковой суеты. Байбише стала неряшлива, от неё несло потом и жиром, это тоже раздражало чистоплотных ногаек.

Когда что-то начинает налаживаться, то Аллах посылает одну радость за другой. В одно утро примчались с громкими криками сторожевые подростки. За ними клубилась пыль — мчался отряд всадников. Женщины заметались, собирая детей: беззащитный аул — лёгкая добыча разбойников. Но, оказалось, что вернулись джигиты, год прослужившие у крымских ханов! Они не могли уйти раньше, связанные обещанием службы, но теперь они дома! Запылали костры, запахло свежей бараниной, счастливые жёны наряжались в узорные капталы, а вдовы завистливо смотрели на чужую радость. Отец Кадыра был старшим у джигитов. По праву он, Каюм-ага, становился правителем рода до тех пор, пока не повзрослеет Суюнч.

Весна, незаметно переходя в жаркое лето, за свой короткий срок успела воскресить в людях жажду жизни, подарила им надежду на лучшее. Человек легко утешается, если верит в завтра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Иван пришёл в себя после встречи с отцом Анюты. Наконец, он узнал её подлинное имя и в надежде, что молитва отзывается на имя собственное, приучал себя просить у Бога за Мариам. Созвучие с именем мачехи немного его смущало, но через время он уже привык звать в своих мечтах именно Мариам. Дело купеческое — опасное даже в городах: всегда найдутся охотники на чужое добро, а уж в дальней дороге всегда надо быть настороже. Каждый человек в караване — воин, опоясанный мечом. Ермолай говорил, что в дни его молодости дороги были безопаснее, разбойников не водилось, за порядком по всей степи следили сами ногайцы. Пошлина, правда, была высока, но шли купцы без опаски, за обиду можно было стребовать выкуп. Были, конечно, места, куда соваться не следует, там никто не держал ответ за разбой, но караванные пути никого не страшили.

Любое дело отвлекает от дум, раны рубцуются быстрее, если поминутно в них не ковыряться. Ваня втянулся в заботу об охране хозяйского добра, он нёс наравне с другими ночной караул, таскал из встречных колодцев воду для лошадей и верблюдов. В какой-то момент он уверил себя, что обязательно доберётся до Мариам, если уж нашёл её аул среди огромной пустыни. О замужестве любимой Иван не вспоминал, это не имело значения, он думал только о будущей встрече, как о деле неизбежном.

И вот караван прибыл в Москву. В любую свободную минуту бежал Иван за ворота, открывая всё новые затей сказочного города. Кружилась голова от пестроты впечатлений, ничто не могло омрачить ненасытный взгляд, дивным узором ложился город в памяти. И через годы будет восторгом переливаться колокольный звон белокаменной Москвы в душе поседевшего Ивана. Не обидела его столица, показала зримые очертания прекрасного.

На обратном пути заглянули в город Касимов на рязанской земле, удел ногайских князей, пожалованный им царём Иваном. Ермолай держал своё слово, он решил помочь Ивану добраться до Мариам.

Не знал Иван, куда ведёт его Ермолай. Прошли во двор, поднялись в хоромы. Тут и сказал наставник оробевшему парню:

— Вот и пришли, Ваня! Здесь живёт казанская царица, дочь Юсуф-бия, Сююмбике, значит. Это не всё. Попросил я привести для беседы старшую дочь Бекбулата. Без даров не обошлось, но иначе никак. Городишко Касимов — не степь ногайская, тут вольности большие, с бабами и поговорить можно. Ихняя охрана — это для виду, они и слушать ничего не будут, но попусту языком не молоти, следи за мной. А там, может, что и узнаешь про свою-то.

Вот и встретился Иван, сын казацкий из ловцов волжских, с двумя ногайскими княжнами Он принял это как само собой разумеющееся, не высказал никакого удивления.

Две красавицы сидели рядом на небольшом возвышении, обе были одеты татарски, в длинные светлые шёлковые платья, поверх которых накинuty вышитые золотом яркие безрукавки. На головах — лёгкое узорное покрывало, не скрывающее лица. Издалека женщины смотрелись, как родные сёстры. Когда Иван подошёл поближе, он сразу узнал в одной знакомые брови и что-то неуловимо похожее во взгляде. Дрогнуло сердце, забилося горячо-горячо, когда нежный родной голос спросил о чём-то Ермолая. Смущаясь и краснея, парень потихоньку стал приглядываться к Мадине: несмотря на некоторое сходство, она очень отличалась от сестры. Более круглолицая, с горячим взглядом, Мадина была вызывающе красива. Глаза её блестели из-под чёрных прекрасных бровей, лёгкая улыбка блуждала на ярких губах, ямочки на тугих щёчках придавали милое выражение лицу. Старшая сестра была не так худа, как Мариам. Мадине понравился неуклюжий краснеющий парень, и она из озорства кидала на него нежные взгляды. Иван подумал: стала бы, повзрослев, его любимая похожа на старшую сестру? И тут отвечал себе: «Нет! Анюте не пристало так красоваться, она другая, простая и застенчивая, такая родная!»

Купец между тем вёл беседу с другой княжной на ногайском языке. Сююмбике хорошо понимала русскую речь, но говорила хуже, поэтому не стала выставлять себя в смешном виде. Ермолай делился новостями, собранными по дороге, отвечал на вопросы бывшей казанской царицы, хорошо разбиравшейся в политике. Незаметно для себя Иван стал вслушиваться в разговор, его заинтересовало то, что Сююмбике вела разговор на равных с бывалым умным путешественником, знала почти все поселения на караванном пути, переживала за родичей. Сначала внимание парня привлекли

белоснежные пальцы, едва выглядывающие из-под длинных рукавов платья. Ни у кого ещё деревенский парень не видел таких точёных, нежных, ухоженных рук с нанизанными на пальцы кольцами, золотыми, со сверкающими камнями, ажурными серебряными. Иван долго не мог отвести от них взгляд, но когда он взглянул в лицо прославленной красавице, то и думать забыл про тоненькие пальчики. Сююмбике не затмевала красотой и молодостью Мадину, но раз взглянув на неё, уже невозможно было оторвать взгляд от мерцающих глаз, в которых таилось необычайное очарование. Говорили, что сам царь Иван неравнодушен к пленнице и что прежде, чем выдать её замуж за старого Шах-Али, он сам сватался к ней. Тонкое удлинённое лицо отличало сияющей белизной, розовые губы приоткрывали в улыбке ровные зубы. Но не густыми волосами, не луками бровей поражала степная царевна, а чем-то неземным, будто несла она в себе нездешний свет. Издалека она выглядела молодой женщиной, хотя ей было уже около сорока лет, и жизнь её была полна лишений и приключений. Пять лет назад она была насильно выдана замуж за Шах-Али хана, который успел трижды посидеть на казанском троне при поддержке русских князей.

Десятилетний Утямыш-Гирей, единственный сын Сююмбике от любимого мужа, хана Сафа-Гиряя, воспитывался вдали от матери в русской столице, был уже крещён в Чудовом монастыре и назывался по русскому обычаю царевичем Александром Сафагиреевичем. Через десять лет сын Сююмбике скоростижно скончается и будет похоронен с царскими почестями в Архангельском соборе Московского Кремля.

Доброжелательность сквозила во взгляде Сююмбике, голос её был свеж и мелодичен, но что-то выдавала в ней правительницу, — царскую стать не спрятать за мягкостью взора. Ване почудилась обречённость: женщина ещё здесь, но вроде уже смотрит издали.

Он не ошибся — через два месяца после памятной встречи отошла Сююмбике в мир иной. Слухи не оставили несчастную и за гробом: говорили, что казанскую царицу отравили из-за её независимости, кто-то болтал, что сама наложила на себя руки, не захотев креститься, а были те, что утверждали: от тоски померла, не смогла жить в золотой клетке. Ещё одна тайна, ещё одна легенда... Похоронена удивительная женщина в России, но дух дочери Юсуфа-бия, наверно, обретается в Казани, где в наши дни стоит башня Сююмбике. Или в бескрайней степи летает её вольный дух, как птичка небесная.

А Мадина осталась в Касимове, через три года овдовела, а ещё через год вышла замуж за нестарого боярина Колычева. При крещении получила она, по странному совпадению, имя Мария, а дочь Саня стала Софией. Гордая и властная до старости, правила старшая дочь ногайского мурзы Бекбулата домом русского боярина Колычева, воспитала его трёх детей от первой жены, свою дочь и ещё родила троих сыновей, и повелись от неё в роду чернявые гордецы. Саня-София пошла в свой срок под венец с боярским сыном Салтыковым. Потеряв в смуту мужа, бездетная, ушла в монастырь (или же была насильно пострижена родственниками мужа) и дожила до царствования царя Алексея.

А в тот день проницательная Мадина по вопросам догадалась, что долговязый синеглазый молодец — это тот самый Ваня, про которого рассказывала Мариам. Уже по-другому взглянула она на русского парня, благодарная за сердечную память о сестре.

Ничего нового Иван не узнал про Мариам, и расстался он с княжнами в твёрдой уверенности, что похожа его любимая не на родную сестру, а на Сююмбике — своей любовью к народу, желанием помочь несчастным, готовностью отдать жизнь за других.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Земля опять поменяла цвет: белая бескрайность слепила глаза. В ауле келечи жизнь шла своим чередом, каждый день приносил что-то новое. Несколько бывших рабов, выгнанных вернувшимися мужьями, нашли других вдов. Огородник Секир вернулся в старую землянку, всё лето работал на поле наравне с аульчанами. Заставила своим примером Мариам и других женщин выйти в огороды. И урожай был отменный, теперь каждая семья ела пшённую кашу, смешанную с варёной тыквой. Налаживалось хозяйство, росли дети. Зурахан-бике с осени не поднималась с постели. Другая забота постучалась в двери: правивший юртом Каюм-ага не захотел быть временщиком, ему нужна была полная власть. А для этого надо было жениться на вдове погибшего Ишей-ага. Сабира подходила ему по первенству в браке, но матерью наследника была Мариам. Как водится, стали ходить старухи из юрту в юрту, добываясь соглашения. Умудрённая жизнью Мариам отложила сватовство на весну, выжидая время. Посовещавшись со свекровью, она решила уговорить Каюма-ага взять одну Сабиру.

Говорят, если прохудилась юрта, то летит кувырком всё. Беда пришла, откуда не ждали. Мариам, равнодушная к сплетням, не обращала внимания на пересмешки женщин в адрес Сабиры. Байбише особо никогда не любили, а когда она потеряла мужа, от неё отвернулись даже прежние лизоблюды. По своей наивности Мариам никогда не верила слухам. Неиспорченная натура отвергает любую грязь в отношении других, твёрдо веря в чужую добродетель. Но даже святая простота вынуждена признать свою слепоту, когда тайное становится явным.

Однажды вечером завалилась к Мариам в юрту рыдающая Сабира. Беспокоясь, что проснётся Суюнч и дремавшая рядом на постели старая свекровь, хозяйка оттеснила гостью в дальний угол и прошептала:

— Что ты опять воешь? Или хочешь накликасть на нас беду? Погиб наш муж, не вернётся его назад, пора тебе снова замуж выходить!

Затрясаясь, зажав рот, Сабира:

— Нельзя мне замуж горемычной, нельзя ни за кого! Ой, что же мне делать!

— Не ори, ребёнка разбудишь! Не хочешь, не надо, сиди одна, дочерей воспитывай.

— Какая я дура, какая дура! Я хочу умереть! — завывала опять Сабира.

Подошла проснувшаяся свекровь и обняла старшую невестку, чтобы пожалеть ту, что так долго оплакивает её сына. В это время у Зурахан-бике даже зашевелилась в душе обида на младшую невестку, слезинки не проронившей по мужу. Обнимая Сабиру, старуха вдруг обхватила округлившийся живот женщины!

— Ах ты потаскуха! Позор какой на нашу голову! Говори, с кем нагуляла, бесстыдница!

Мариам потеряла дар речи: Сабира беременна! И, судя по животу, срок немалый. Как же она не замечала раньше? Принимала за полноту, ведь байбише всегда любила поесть.

Гнев Зурахан-бике был невиданным. Но когда, задыхаясь от стыда, невестка сказала имя отца ребёнка, то возмущение перешло все границы: схватив железную кочегру, она треснула ею по плечу Сабиры. Мариам схватилась за голову: старый Захар или, как его называли в ауле, Секир, являлся виновником беды. До какой степени надо быть распушенной, чтобы спать с бывшим рабом, который годился ей в деды!

В ту ночь долго выли все три женщины. О замужестве не было и речи, думали, как скрыть позор. Перебрав беременных в ауле, решили уговорить одну родственницу, ждущую ребёнка, взять незаконное дитя после родов себе за двойню. Мариам

понимала, что обман не удастся, все догадываются о положении Сабиры. Всё равно решили пока уложить в постель греховодницу и объявить о её болезни. До родов оставался всего месяц.

После Навруза стали готовиться к окоту овец, коз. Пошли дожди. Аул зашевелился, ожил. Сабире невмоготу было лежать под тёплым одеялом, она соскучилась по дочерям, которых давно не видела, тянуло даже к незадачливому любовнику, к которому сама бегала почти каждую ночь летом в старую землянку. Однажды ночью решила Сабира пойти к себе в юрту, где спали дочери. По пути встретился ей вонючий старый козёл, которого в ауле боялись многие: он был бодлив и страшен с виду. При виде бородатого существа в сумерках она упала от страха на острые кольшки уличного очага. Мариам прибежала на отчаянный крик Сабиры, с трудом втащила её в свою юрту. Начались преждевременные роды, пришлось вызвать женщин-повитух, потому что пошла кровь. К утру измождённая схватками несчастная женщина родила желанного прежде, но не нужного теперь сына, а сама навеки закрыла глаза, истекши кровью.

Мальчик остался жив, он был крупный, несмотря на незрелость, и голосистый. Почти повторив судьбу матери, закончила свою жизнь Сабира. Никто не злословил, решили, что Аллах сам наказал грешницу. Ребёнка отдали кормилице. Его отец, Секир, исчез. Ушёл ли он сам в страхе наказания, или же кто-то убил его за нанесённый позор, никто об этом так и не узнал.

Следом за Сабирой ушла из жизни Зурахан-бике. Свет померк в глазах Мариам: пятеро детей осталось на руках — четверо от Сабиры и маленький Суюнч. Единственное утешение было в том, что из-за траура сватовство отодвинули до осени. Беда не приходит одна: утонули, спасая друг друга в омуте несколько девочек, среди них — двое старших дочерей Сабиры и Ишей-ага. Две касатки, две красавицы, ставшие родными, навеки покинули этот мир. Безысходное горе и непоправимая вина придавили душу Мариам, она превратилась в тень. Только дети, отчаянно нуждающиеся в материнской заботе, держали молодую женщину на этом свете. ...

Днём Мариам воспитывала детей, следила за личным хозяйством, помогала в управлении аулом Каюму-ага. Ночами она не могла долго заснуть, молилась за души ушедших: бабушки, матери, мужа, свекрови, Сабиры и названных дочерей, а утром заставляла себя вставать и выходить с улыбкой к людям. Она не вспоминала о Ване, не мечтала больше о встрече с ним. Что-то надломилось в ней, в душе молодой женщины поселилась тоска.

Келечи далеко не отходили от реки, переселяясь на лето. У них не было постоянных зимников, они не строили дома для зимовок. Прошлой весной, до возвращения потерянного в Крыму отряда джигитов, аул лишь немного передвинулся, чтобы только сменить утоптанное место. В этом году отошли подальше к югу, расположились у самого берега Ахтубы.

Место было удобное, с одной стороны — уходящая вдаль степь, а за рекой — широкое займище с сочной травой. Нашёлся брод, по которому выгоняли дойных коров на ту сторону реки, а остальной скот гуртовал там постоянно. Овечьи отары паслись в степи. Горячие песчаные летние ветры были намного слабей, чем в открытой степи, а страшные вихри, порой поднимающие на воздух юрты, обходили этот край стороной.

Вездесущие подростки рассказали, что нашли в степи на высоком кургане развалины синего города. Почему Мариам захотелось посмотреть на это место? Может, всплыли рассказы дорогой анэ о покинутом синем городе? Однажды, поручив детей родственницам, выехала она ранним утром в указанном детьми направлении. Долго

скакала вдоль реки, а потом по приметам свернула на восток. Река не всколыхнула душу, напомнив о первой встрече с казаками. Наглухо заперты те воспоминания. Только полное безразличие к собственной судьбе заставило молодую женщину одну, без сопровождения, идти навстречу опасностям. Её могли пленить, она могла упасть с лошади, да мало ли что ждёт одинокую всадницу? Что-то стало просыпаться в душе, когда к полудню подъехала она к развалинам.

Отпустив на выпас лошадей, взойшла Мариам на курган. Виднелись остатки стен, покрытые синими изразцами. Под ногами крошевом, блестя на солнце, хрустела небесного цвета глазурь. Можно было разобрать, где улица, а где стояли печи для хлеба. Разбитая посуда, вывороченные кирпичи темнели островками. Чьё-то богатство и благополучие лежало осколками битого синего глянца, а вокруг распростёрлась весенняя зелено-серебристая степь с крапинками жёлтого и алого цветения.

Душно стало Мариам стоять на горе битых кирпичей и изразцов, выбежала она на простор, упала вниз лицом в непрогретую солнцем землю. Рвали с корнем нежную траву тонкие руки, билась голова о влажную, пропитанную запахом полыни, землю:

«Ящерицей хочу уйти в глубину, чтобы спрятаться от тоски, птицей хочу улететь ввысь, чтобы оторваться от тяжести! Хочу скакать, не разбирая дороги, как дикий сайгак, чтобы забыться в погоне! Степь, мать моя, дай мне опору, чтобы жить дальше! Я готова целовать тебя, как собственное дитя, защищать всей душою твой покой! Не оставляй меня одну, научи меня снова любить жизнь! Пусть солнце спалит меня дотла, пусть змея укусит в самое сердце, но я хочу научиться снова плакать и радоваться!»

На небе стремительно сгущались тучи, громыхнул гром. Вдруг хлынул дождь, густой, тяжёлый, тёплый, сверкнула молния. Мариам встала, подняла обе руки вверх, слёзы потекли из глаз вперемешку с каплями дождя, мокрое платье облепило тело... Ей казалось, что она разом оплакивает все потери последних лет: бабушку, мать, умершую во время мора, пропавшую в казахских степях Фатиму, мужа, Сабиру, све-кровь, дочерей...

Вывлапав, наконец, горе, Мариам вдруг засмеялась. Она вздрагивала от резкого страха, когда вспыхивала огненная линия и гремел гром, но в душе она чувствовала какой-то дикий восторг и необыкновенную лёгкость в теле.

Гроза прекратилась также неожиданно, как и налетела. Пора было возвращаться, чтобы вернуться домой до захода солнца. Но сначала Мариам с забытой жадностью съела прихваченный из дома кусок вяленого мяса, запила его водой из реки. Зайдя по колено в холодную воду, она умыла лицо. И тут она снова увидела бородатые лица ловцов, услышала забытую русскую речь...

Страхнув морок воспоминаний, Мариам взлетела на лошадь. Ноющая опустошённость сменилась восторженностью. Удивляло и радовало всё на пути, каждая примета начинающего лета грела душу. Вспомнила Мариам первый поход с Ваней в лес, когда после дикой тоски она обрела покой... Как будто снова она прижимается к тонкому мальчишескому плечу, вдыхает незнакомый, но такой родной запах:

*Бережёт меня твоя любовь,
Хоть сейчас с тобою далеки,
Семь кругов ты повторяешь вновь,
Чтоб смогли друг друга мы найти...*

Быстро впитывает земля воду, через несколько часов не осталось и следа от бурной грозы. Но не пропадает в глубинах влага, долго ещё она будет питать жизнь наверху. Пока доехала Мариам до пределов родного юрта, не осталось нигде ни лужицы.

Навстречу ей скакал Кадыр. Поравнявшись, двинулись шагом бок о бок. Юноша подрос, повзрослел. С тех пор как вернулся его отец, Мариам редко видела своего прежнего помощника. Хотя он приходился ей племянником по мужу, обращалась она к нему «мырзам» (мой мурза). Так обычно называли братьев мужа, но Кадыр вёл себя так достойно и самостоятельно, что все относились к нему как к взрослому. «Женить пора!» — подумала она, а вслух спросила:

— Когда начнёте объезжать молодняк, мырзам?

— Отец сказал, что через несколько дней, дженге. — Кадыр стеснялся молодой женщины, поэтому был немногословен.

— Отец не собирается уйти в поход? — Мариам спрашивала, чтобы не молчать.

— Он со мной не советуется! — мальчишеские губы изобразили усмешку.

— А мог бы! Ты не хуже отца управлялся с людьми!

— Кому это надо? Пусть правит один, он такой умный, — опять в ломком голосе промелькнула усмешка.

— Негоже так отзываться об отце!

Показались первые юрты. Кадыр, захав вперёд, перегородил дорогу Мариам и, решившись, почти выкрикнул:

— Если Вы станете женой отца, я убью его!

Мариам вздрогнула:

— Ты что, кумыса упился? За что ты его убьёшь?

В порыве чувств Кадыр заговорил со старшей женщиной на «ты»:

— Он возьмёт тебя лишь для того, чтобы до власти дорваться! Ему никто не нужен! Четыре жены, а ты будешь пятая. Была бы жива моя мать, то шестая! Он не полюбит тебя никогда!

— А тебе какая забота? Будет нужно, пойду десятой женой, только это не тебе решать, понял!

— Выходи за меня замуж, ведь мы с тобой лучше всех ладим между собой!

Мариам чуть с коня не слетела от такого предложения. Она начала припоминать пристальные взгляды Кадыра, его внимательность, стремление угодить, чтобы заслужить её похвалу.

— Помолчи, пожалуйста, мырзам! Тебе завтра любую девушку сосватают, зачем тебе старуха с тремя детьми, — Мариам решила перевести разговор в шутку.

— Мне любая не нужна, только Вы! — Кадыр снова перешёл на вы.

— А отца куда денешь? Вот и тебе, получается, я нужна для власти.

— Не выходи за него, я прошу тебя, подожди немного, я докажу, что достоин тебя!

— Всё, замолчи, поехали домой, там малыш без меня плачет. А про него ты думал?

— Он сыном мне станет, наследником, я его защищать буду, а отец постарается от него избавиться. Когда-нибудь и мне придётся править родом, тогда нужна такая женщина, как Вы, дженге!

Странно было слышать от недавнего мальчишки взрослые речи.

— Вспомнил Едигея и Джанике? Не высоко ли замахиваешься?

Совсем недавно на одном из праздников прославленный сказитель Гази исполнил «Едиге». Мариам первый раз услышала великий сказ про легендарного героя. Её поразила не только судьба основателя династии правителей ногайского народа, но и история любви Едигея и Джанике, дочери хана Золотой орды Тохтамыша, ставшая верной подругой и соратницей мужу. Значит, и легенда запала в душу юноши, так рано познавшего власть.

— Я не хочу видеть разорение рода! Отец думает только о набегах, ему нужна власть любой ценой! Он погубит всех своей ненасытностью!

— Забудь и никому не говори такое! Замуж ни за тебя, ни за твоего отца я не собираюсь!

Мариам оставила Кадыра и поспешила домой к детям, по которым очень соскучилась.

Ночью, лёжа без сна, Мариам никак не могла понять, как ей вразумить Кадыра. Она понять не могла, влюблён он в неё или как человек с ухваткой прирождённого правителя видит в ней лишь средство к власти и надёжного соратника. Ей хотелось думать, что мальчик влюблён. Смешило то, что отец с сыном были очень похожи, только один пожилой, а другой — юноша. «Вот был бы кто-то третий, средний по возрасту!» — Мариам засмеялась от такого предположения. «Да ну их, всем одно требуется! Лишь бы мальчика моего Суюнчика не обидели! Не нужна нам власть, пусть забирают». Счастливая мать уткнулась носом в мягкие кудри сына. Он безмятежно спал, маленький наследник батыра, так похожий на свою прабабушку Джамия-бике, дорогую анэ.

Лето выдалось дождливое, степь не выгорала в этом году дотла. Старая арба скрипит и громыкает, когда вытаскивают её после зимы на весеннюю дорогу, кажется, что она развалится на куски, но с каждым оборотом колеса катится веселей и ровней. Нарушенный распорядок жизни кочевников восстановился, понадобились ткани, приправы, украшения, позабытые сладости. О прежних добычах разбоя нельзя было и помыслить, занялись обменом, подготовили подводы со своим товаром на продажу.

Скоро несколько женщин разрешились от бремени, были засватаны трое молодых девушек в соседний род, пришла добрая весть от отца, прислал он также небольшой табун породистых жеребцов, подарок внуку. Захотелось Мариам увидеть родных, обнять отца и братьев. Говорили про Фатиму и её мангытов, что перекочевали они далеко вглубь казахских степей. Мадина с племянницей жили на русской стороне, а братья подросли, у них появилась мачеха. Как далеко друг от друга раскиданы люди одной семьи! Дети и внуки не будут помнить родство, если не знают предков до седьмого колена. Когда-нибудь сойдутся случайно два человека и окажутся на общее счастье родственниками!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Всю ночь выли волки. Осень пришла с ранними холодами, по утрам хрустел под ногами лёд в лужах. Мариам не хотелось вылезать из тёплой постели в сырую темноту юрты. Два птенчика сопели рядом — смуглый Суюнч и светловолосый Селим, сын Сабиры. Гульсум спала отдельно. Тревожило смутное предчувствие. Приснилась бабушка, звала с собой, обещала показать какой-то подарок. Мариам помнила во сне о том, что анэ не на земле, поэтому боялась идти за ней, но ей так хотелось увидеть подарок!

В последнее время расплодилось волки, они таскали овец и пугали путников. Сегодня мужчины собирались идти на волчью облаву, решив взять с собой и молодёжь, чтобы дать урок охоты.

Когда Мариам вышла за порог, аул уже бурлил: мужчины садились на коней, женщины провожали, благословляли.

Наконец отряд двинулся в темнеющую степь. Кольнуло сердце недоброе предчувствие. Захотелось крикнуть, остановить уходящих, но Мариам перевела дыхание, постояла, схватившись за грудь. Она с детства хорошо понимала животных, они тоже отзывались на неё по-особому. Вспомнилось, как обречённо вчера смотрел вдаль

буланый жеребец Каюма-ага. Мариам даже подошла к умному животному и заглянула в глаза: в них витала мгла. Хоть бы ничего не случилось!

К полудню прискакал в аул на взмыленном коне Кадыр, за ним тянулись трое всадников, больше никого не было. С гиканьем неслась четвёрка мальчишек по аулу, ничего нельзя было разобрать в диком крике. Кто-то схватил за уздцы одного из коней, заставил спешиться седока.

— Ради аллаха, скажите, что случилось!

— Спасайтесь! наших всех порубили, нас успел Каюм-ага отправить назад, все погибли!

Мариам пробиралась сквозь толпу к Кадыру, который кружился на своём аргамаке:

— Не молчи, мырзам, говори толком, что случилось?!

Услышав требовательный голос, увидев и твёрдый взгляд Мариам, юноша обрёл, наконец, себя:

— Дженге! Нам придётся быстро собраться и уходить, если не хотим попасть в плен! За нами идёт отряд урусов, скоро они будут здесь!

Женщины завизжали. Кадыр взмахнул камчой:

— Молчать! Быстро соберите всех детей, возьмите немного еды и тёплой одежды и идите к загону скота, ведите туда оставшихся лошадей. Мы сейчас подгоним косяк с выгона, чтобы всех посадить на коней.

Прежде чем кинуться искать малышей, Мариам спросила Кадыра:

— Далеко они?

— Скоро будут...

— Уйти не успеем?

— Скорее всего, нет...

— Зачем тогда сгоняешь людей? Как наскочили на урусов?

— Думали, что купцы идут, сами напали, а сзади оказались ещё конные, они и окружили нас. Сами виноваты!

«Сколько волка не корми, а он всё в лес смотрит!» — вспомнилась станичная поговорка. Значит, не выдержали, решили заняться разбоем и сами попали в ловушку! Прав был Кадыр, предрекая, что отец загубит род!

— Без меня ничего не делайте, я сейчас!

Мариам нашла детей в юрте, Селим спал, Гульсум сидела рядом, а Суюнч стоял у порога, не решаясь выйти. Быстро собравшись, с малышом на руках Мариам с детьми пришла к месту сбора. Толпа гудела, женщины сажали детей постарше на коней, пыль стояла столбом. Вдруг кто-то крикнул:

— Не успели, вот они!

С пригорка спускались всадники. Мариам сунула детей соседкам, выбежала из толпы, крикнула своим:

— Стоять, не трогаться с места! Где Кадыр?

Кадыр скакал уже к ней.

— Мырзам, мальчик мой, ничего не делай, держи, ради Аллаха, людей, пусть молчат. Я пошла к ним, ничего не говори!

Нёсся вооружённый отряд врагов на ногайский беззащитный аул, а навстречу к ним шла одинокая женщина. Это была Мариам. Она не знала, что будет делать. Знала одно — надо спасти женщин и детей. Всадники могли на бегу смять её, могли обойти и скакать дальше. От незнания и бессилья женщина раскинула руки и громко закричала. Так кричат только один раз в жизни, если доведётся. Только крайнее отчаянье способно выжать из человеческой груди такой невероятной силы звук.

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAA- неслось по степи. Не волчий вой, а призыв самому небу:
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAA...

С тех пор не пела больше Мариам, отдав все силы голоса одному отчаянному крику.

Её сразу окружили, со всех сторон смотрели бородатые мужчины. Слова пришли сами:

— Люди добрые, ради Бога, не разоряйте аул, у нас остались только женщины и дети! Мы отдадим вам лошадей, овец, коз, драгоценности, мы откупимся. Только не убивайте детей!

— Откуда такая смелая нашлась? Ты русская? — Выдвинулся командир в красной одежке, седобородый, но нестарый.

— Одни женщины и дети, говоришь? А вдруг засада?

— Ей-Богу, не вру! Вон они у загона стоят.

Произошла заминка, воинственный пыл спал сам собой, убивать детей и женщин не собирались, а пошарить по аулу мечтали многие. Мариам оглянулась, она затылком почувствовала чей-то взгляд. На неё смотрел Пётр. Нет, не Пётр, кто-то очень похожий на него, только выше и моложе.

— Ваня... — шёпотом, почти про себя выдохнула Мариам, и земля поплыла под ней. Рухнула бы она наземь от потрясения, если бы не подхватили её сильные мужские руки.

— Тимофей! Не врёт женщина, это сестра моя названная, вместе росли, она хозяйка аула.

— Это её муж нас потрепал, хотел пожить у задарма? Плесните в лицо водицы, пусть очухается, поговорим.

Плескать ничего не пришлось, Мариам сама отстранилась от Ивана, провела рукой по лицу, поправила на голове платок и тихо, но твёрдо сказала:

— Мой муж погиб на войне с казаками, давно уже, кинулся на вас другой, Каюмага, обманулся, может, за разбойников принял...

Мужчины засмеялись:

— Обманулся! Как же!

— Берёте выкуп?

Отряд отошёл на совет, остались Иван и Мариам вдвоём. Стояли молча, отчуждённо... Ваня не сразу признал Мариам, хотя и он во все глаза глядел на идущую к ним женщину. Даже по голосу не признал, осипшему после дикого крика. Только движение плеча при разговоре напомнило Анюту. Не веря себе, он впился взглядом в край виднеющейся из-под платка щеки, а когда женщина оглянулась, тогда только узнал её. Вот и сейчас стоит рядом, да не узнаёт. Искал девочку, нашёл женщину. Совсем не та, что представлялась долгими ночами. Глаза чужие, лицо чужое, одежда чужая... Что тогда в ней от Ани осталось? Зачем искал? Кого нашёл?

А Мариам собраться с мыслями не может, ждёт ответа от Тимофея. Одно знает — жив Иван! И сердце бьётся шибко. И всё. Где-то в глубине смущается в ней женское: вышла к нему грязная, не приодетая, постаревшая... Но это потом. Сейчас одно важно — спасти своих!

Подскакали к ней переговорщики, решили не входить в аул, отправить несколько человек за выкупом, а лошадей и овец пусть приведут сами.

Рассудили из расчёта, что толку от разбоя нет, а коль сами понесут, то хорошо. Для привала место хорошее, открытое, раненых надо перевязать, убитых схоронить, отдохнуть, поесть, чтобы с утра двинуться в путь.

В числе выбранных за выкупом был Иван — иди, мол, отвечай головой за сестрицу. Шли пешком, вели за собой коней. Мариам держалась впереди, не спешила. Ваня

догнал её, пошли рядом. Разговорились, больше спрашивала Мариам про станицу, про Дашутку и Марию, про знакомых. С каждым шагом узнавал Ваня прежнюю Анютку по голосу, по глазам, по повадкам. Начал спрашивать про её жизнь, как подошли к аулу. Навстречу теснились испуганные люди, Мариам их быстро успокоила, кратко рассказала о договорённости и, не спрашивая ни у кого согласия, начала отдавать приказы. Глазами она всё время искала Кадыра, но его не было в толпе. Тогда она подозвала его друга и велела срочно найти. Урусов, как гостей, ввели в белую юрту, начали свежевать овцу, запалили огонь. Одни женщины стали сносить разные яства, другие рыскали по юртам, забирая у хозяев самое лучшее. Отобранное вносили в ту же юрту и складывали на ковёр. Чего только не было в этой куче: дорогая одежда, оружие, посуда, ткани, платки, сапоги, золотые украшения. Мариам, зная переменчивость настроения воинов, боялась, что Тимофей может передумать, и тогда они лишатся не только этого добра, но и жилищ своих, потому что в запале их подожгут или зарубят. А где найти столько войлока и где жить потом зимой? Пришёл Кадыр, не стал заходить в юрту, Мариам сама вышла, посмотрела страдающими глазами на несчастного юношу.

— Найди людей, незаметно выведи их из аула, скачите на место битвы, привезите покойников. Возьми с собой только молодых женщин, а мальчишки пусть отберут сорок коней, отару ближнюю, что у берега. Их надо отогнать к урусам, это выкуп. Привыкай платить за ошибки других. Так надо, мырзам! Ты мне веришь?

— А кто этот бородатый? Ты с ним за руку шла, я видел!

— Это мой брат! Ты мне веришь?

— Хочу верить, дженге! Я всё сделаю, не беспокойся! Ты выйдешь теперь за меня замуж?

— Иди, отец лежит не погребённый, а он о свадьбе думает. Потом поговорим.

Гости сидели настороже, мечи лежали рядом. После трапезы стали укладывать дань. Может, зря показали своё богатство, откупились бы малым, жалуясь на бедность... На всё нет ответа. Навьюченные добром, уходили посланники, а Иван остался в ауле.

На всякий случай, все держались рядом, детей согнали в большую юрту. Между делом, Мариам успела переменить платье, платок, умыться. Когда она, стыдясь, подошла к Ивану, то он опять не узнал её, показалась совсем другой, похорошевшей. Зная, что сейчас поднимется великий плач по покойникам, решила проводить гостя. Шли назад другими, узнавшими друг друга, взволнованные и тихие. Ни о чём особом не говорили про себя, только обсуждали, что делать. Иван не знал, как сейчас обращаться к молодой женщине — Мариам или Аня. А Мариам, всегда лёгкая на ногу (иногда при быстрой ходьбе ей казалось, что она летит над землёй), шла с трудом, страшная усталость давила на её плечи, а в сердце жил ещё страх: никому она не рассказала в ауле про пищали у стрельцов, оружие невиданное и ужасное.

— Вам уходить отсюда надо, идите к Астрахани, к русским, иначе кто угодно вас разорит, да свои могут позариться.

— А кто нас там ждёт? Куда селиться?

— Принимают мирных татар, я поговорю с воеводой, есть у меня друг хороший, купец Ермолай, он поможет. У вас мужчин не осталось совсем.

— К отцу поведу юрт, он примет.

— Да ты знаешь, что творится в степи? Ты зимой поднимешься к отцу? Я был у него прошлой зимой, далёконько собралась, до Крутого Яра ближе. У ногайцев замятня, война будет, куда вы денетесь? Русские надёжно держатся.

— Ты видел моего отца?

— Позже расскажу! И Мадину видел недавно!

— Погоди, Ваня, а ты кто теперь? Почему с этими ходишь?
— По купеческой пошёл, чтобы тебя сыскать, Анюта!
— Ты искал меня?
— Искал. Нашёл.
— Я думала, ты женился на Настеньке.
— Настенька двоих нянчит, за Мишу пошла, видел зимой, раздобрела! А у тебя дети есть?

— Трое, два мальчика и дочь.

Тут зашло сердце Ивана от ревности: на сколько опоздал! Любила, небось, татарина, обнимала ночами... Пошёл молча.

— Так нам собираться под Астрахань?
— Собираться, завтра утром пойдём с отрядом.
— Ровно как в плен берёте! Нам завтра хоронить своих надо.
— Давай иначе: до Астрахани тут день ходу, я вернусь через неделю, как поговорю с воеводой. Вы готовьтесь, ждите. Прощай, Аня!
— Возвращайся, Ваня!

И разошлись по разные стороны.

Утром отряд исчез, а аул хоронил мужчин. Было много слёз и причитаний. Мариам никого не одёргивала: пусть выплачутся, отведут сердце. Был у неё тяжёлый разговор с Кадыром. Хочешь не хочешь, а выходило, что больше не с кем держать совет. Недаром он отличался с детства умом и повадками жоака, в трудный момент он умел брать на себя ответственность за других. Кадыр не стал спорить из-за Астрахани, он только боялся, что им не позволят поселиться на хорошей земле, а загонят на пустырь. Года три надо подождать, пока подрастут мальчишки, тогда можно вернуться назад. Хорошо, что не сватался опять, но про уруса спрашивал с пристрастием. Решали, что оставить, а что брать.

Женщины безучастно приняли весть об откочёвке, начали собираться. Мариам отличалась умением выделить нужных людей для определённых обязанностей. Не заставляя, а выдвигая по способностям, при случае помогая советом, добрым словом, она организовала работу деятельных людей. Одни занимались детьми, несколько старух следили за правильной сборкой юрт, мальчишки отвечали за скот...

Через пять дней вернулся Иван, да не один, с добрым десятком вооружённых людей. И пошли келечи в новые края. Так началась новая жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Каждую весну возвращаются птицы в родные края. Чтобы ни случилось, всегда находят они дорогу назад. И никогда не летят в другое место выводить птенцов.

А сколько раз людской поток перетекал с одного места на другое? Через каждые сто лет срывало с места целые народы, и они шли, сметая всё на пути, в другие земли. Что их вело? Нет закона в диком стремлении к перемене мест! Живите вы на своей земле, облагораживайте её, цените! Но всегда найдутся те, кто норовит вытеснить тебя с обжитой земли. А кочевать в пределах родного края — удел мирных степняков. Жаль, что мирных мало.

Поневоле согнанные с места, пришли келечи под Астрахань, где им отвели земли. От них пошли юртовские татары. Трудно было в первую зиму, когда не осталось припасов, а Мариам не разрешила забить последнюю отару и берегла дойных коров. Повезли в город остатки богатства, чтобы обменять на продукты. Не осталось в юртах ничего ценного. Была тут своя справедливость: как досталось, так и ушло. Зимой,

когда стало совсем немоготу, когда держались на одном молоке и сухом курте, при-
вёз русский Иван помощь: мешки с просом, муку. Потом не раз он заезжал в новый
аул с подарками, привыкли к нему люди, бежали навстречу дети, только один Кадыр
не любил его посещений.

За следующее лето обжились, наладили хозяйство, огородничали, торговали с го-
родом. Место досталось хорошее: были пастбища, река, богатая рыбой, Астрахань
недалеко. Осели, сроднились с землёй. Держались обычаям своих, но чаще общались
с русскими, приезжали от них за данью воеводские людишки, приходилось не ску-
питься. Всё чаще обращались к Кадыру, он возмужал, правил строго, но справедливо.
И ведь слушались недавнего мальчишку! На новом месте каждая семья старалась ве-
сти своё хозяйство, из общего остался небольшой табун лошадей да отдельная отара.
Со временем эта часть перешла во владение правителей рода, которые стали первыми
богачами в роду.

Пора было женить Кадыра, а он стоял на своём, уже в открытую сватался за Ма-
риам. Все люди одобряли этот союз, потому что по-другому и быть не могло. Их
привыкли видеть вместе, привыкли им повиноваться. Кадыр на правах мужа Мариам
узаконивал своё правление, а Суюнч на правах старшего сына становился законным
наследником. Как ни крути, это был самый лучший выход из положения.

Благодаря частым приездам Иван уже начал разбираться в родовых отношениях.
Он хорошо говорил по-ногайски, в ауле старался не оставаться наедине с Мариам,
а общался с другими. Так он узнал правду о детях Мариам, о сватовстве Кадыра. Иван
не знал, как сложатся дальше отношения с Анечкой, но его тянуло к ней, поэтому под
любым предлогом он скакал в ногайский аул. Какую власть над ним имеет худенькая,
как подросток, всегда улыбающаяся, деятельная женщина, что он готов овец пас-
ти, лишь бы увидеть смущённый взгляд непобедимой силы! И разговора не завести!
Вспоминал он детские годы, когда так же ходили они в одном дворе, не смея сказать
друг другу ни слова. Нужен ли Анюте? Вон какой молодой за неё сватается! И как
ладно по-ихнему всё выходит...

А Мариам жила в последние месяцы, как в лихорадке. Пряталась она от Ивана,
потому что боялась с собой не совладать. Что ей снилось ночами! Не разбуженное
женское тело не искало плотских утех, но тайное томление мучало её с каждым днём
сильнее. Пришлось признаться себе, что она любит Ивана больше жизни. Несчастная
Мариам начала думать, как ей поступить: замуж за него, уруса, не пойдёшь, а он среди
ногайцев жить не будет. Остаётся одно: поговорить с ним, попросить не приезжать
больше.

Но всё надо делать вовремя, упустишь момент, потом никогда случая не будет ис-
править. За ней прибежали девушки:

— Мариам-бике! Вас зовут, идите с нами!

Встревоженная Мариам оставила Селима с Гульсум, а сама побежала за вестни-
цами. За крайними юртами гудела толпа, которая с почтением пропустила Мариам
к центру: там, на старой кошме, истекая кровью, лежал Иван с простреленной грудью.
Замутилось в голове, свалилась к ногам любимого:

— Кто посмел? Неблагодарные, кто посмел? Он спас всех нас, а вы его убили! Не-
навижу всех! Это ты зверь, весь в отца своего!

Кадыр стоял молча, потупив взгляд.

— Трус неблагодарный! И ты хочешь быть правителем? Кто тебе право дал? Убий-
ца! Быстрее принесите воды, чистые тряпки! Уходите все, не мешайте.

Раненый застонал, заметался, Мариам приникла к нему, забыв про стыд. С хри-
пом, через силу Иван проговорил:

— Тише, Анечка, не кричи, дай умереть спокойно... К тебе шёл замуж звать, люблю тебя без памяти, но, зная, не суждено нам вместе быть... Только не кори своего жениха, он подобрал меня, а стрелял другой человек, мой должник-татарин. Не плачь, любимая...

Через час перевязанный Иван лежал без памяти в ближней юрте. Мариам сидела рядом. Пришли к ней женщины, принесли еды, сказали, что детей взяли под присмотр. Ничего не понимая по-русски, они поняли по горячей речи раненого, что любит он Мариам. Догадывались, но не смели думать об этом раньше, потому что повода не было. А теперь ни он, ни она не скрывают свою любовь. На пороге смерти нет стыда чувствам, хорошо, когда есть возможность простить врагов и признаться в любви близким. Никто не осудил, когда ночью женщина осталась наедине с мужчиной. Легла в первый раз рядом с любимым Мариам, прижалась к горячему телу, будто хотела забрать себе сжигающий тело жар. Молилась Аллаху, просила всех ангелов, давала обеты, лишь бы остался жив Ваня...

Долгая бессонная ночь сменилась тяжёлым днём. Рана опухла, от неё разбежался жар по телу раненого, который бредил и срывал повязки. К полудню пошла судорога по телу, Иван посинел, хриплое дыхание с сипеньем оборвалось, он вытянулся. Мариам закричала, понимая, что любимый умирает. На крик заскочила старуха-баксы, она, молча, отодвинула Мариам, сорвала повязки, острым ножом разрешила рану, и оттуда хлынул зловонный гной... Умиравший дёрнулся. Перевернув его на бок, ведунья с наговорами стала выдавливать гной из раны. Иван очнулся из-за страшной боли, пытался оттолкнуть злую старуху, но она держала цепко вырывающееся тело. Обмыв каким-то вонючим отваром рану, знахарка залила туда что-то, похожее на масло, и только тогда оставила раненого в покое.

— Убери всё, перенеси его на чистое, рану не закрывай, а вот это давай пить почаще.

Старуха исчезла также быстро, как и появилась. Мариам взялась за работу.

Вечером удалось напоить Ивана шурпой. Он уснул спокойно. Мариам опять осталась с ним на ночь. Под утро Иван проснулся от боли. Повернувшись на бок, он увидел рядом свернувшуюся калачиком Аню. Нахлынувшая нежность была сильнее боли, и парень дотянулся до любимой, обнял её одной рукой, припал губами к белешущему тонкому загылку. Мариам повернулась, открыла глаза:

— Живой, родненький! Живой, любимый!

Стала целовать лоб, щеки, а когда коснулась губ, то оторваться не смогла. От избытка чувств они не могли говорить, а только обменивались поцелуями. Очнувшись первой Мариам, застыдилась, отодвинулась, а потом встала.

— Тебе больно? Я сейчас тебе пить принесу.

— Стой, Анята, давай поговорим!

— Мне надо идти, у меня дети третий день без матери...

— Но почему ты всю жизнь от меня бегаешь? Не хочешь меня, так и скажи, я иду, если выживу, никогда больше к тебе не вернусь!

— Ваня, Ванечка, не мучай меня, люблю я тебя, с первого дня люблю! Ну что же нам делать, по нашему закону жениться нельзя, а иначе я не могу с тобой жить.

Мариам встала на колени у постели, наклонившись, снова стала целовать Ивана. Опять долго не могли влюблённые оторваться друг от друга.

— погоди, любушка, не спеши уходить. Я знаю, что нам делать: пошли в Астрахань! Я скоро лавку там открою, можно юрту твою забрать и жить пока в ней. Я жёнось на тебе!

— А разве так можно, Ванечка?

— Можно, Анюта, только ты решишь сама.

Мариам рассмеялась: оказывается, все так просто!

Но сделать решительный шаг оказалось совсем не просто. Ещё ни одна ногайка не уходила сама из юрта к урусам замуж, да с детьми! К тому же Мариам была вдовой главы рода, у которой на руках наследник. Иван уехал, а Мариам осталась, чтобы по-доброму проститься с родным аулом: не хотела она убежать тайком, как воровка. Можно было остаться со своими, забыть про любимого ради детей, но именно ради детей Мариам решалась на новую жизнь. Когда человек в неведении терзается сомнениями и не может принять решение, то небеса сами подталкивают его случайными, казалось бы, делами.

Люди забывчивы на доброту: после отъезда Ивана стали втихомолку припоминать две ночи, проведённые Мариам в чёрной юрте. Кадыр, ничуть не обидевшись явным проявлением любви к иноверцу, решительно требовал скорой свадьбы. Последней каплей стал обряд обрезания сыновей: родного Суюнча и Селима, рождённого Сабирой от уруса-раба. Поздравлявшие приносили подарки мальчикам. Мариам наблюдала, как целовали руки у Суюнча и не смотрели на Селима. Всего несколько старух кинули малышу по горсти изюма, а перед наследником лежали камча, ножи, меч, рубашки, седло. Никого не могла уговорить Мариам сплести камчу для Селима, и принесла она ему чью-то старую плетль. Что ожидает мальчика в будущем, если его рождение сопряжено с позором? Доля униженного работника. Голубоглазый, улыбочивый розовощёкий малыш быстро поправлялся, а сердце Мариам обливалось кровью, глядя на него. Думала она про милую Гульсум, которой тоже придётся отвечать за грехи бабушки и матери: её тоже ждут вечные попреки и подозрения. А Суюнч? Сегодня его носят на руках, относятся как к сыну убитого на войне батыра. А повзрослевший — он станет помехой для Кадыра. Сумеет ли один из них отказаться от власти и отойти? Лет через десять-двенадцать начнётся раздор в роду. Вырастет ли сын достойным своего отца, сможет он заменить Кадыра, справедливого и умного правителя?

Чтобы выйти из юрты на простор, надо сначала низко склонить голову под дверь. Мариам созвала гостей на кудай-жол, чтобы поблагодарить Всевышнего за милость: её сыновья перенесли благополучно обряд обрезания. На угощение не поскупилась. Приехал издалека отец, старый Бекбулат-мурза с подростками братьями и с новой, но немолодой, женой. Радость Мариам нельзя было описать! Она щедро одарила не только муллу, почётных гостей: каждого оделили платком, полотенцем или отрезом ткани. Кудай-жол завершился, а праздник продолжался: гуляли и молодёжь, и старые люди. В первый раз на новой земле устроили ат-чабыс¹ и борьбу. Дети затевали игры, подростки пробовали петь песни, юноши и девушки качались на качелях. Веселье продолжалось, а в гостевой юрте сидели уважаемые люди и обсуждали просьбу вдовы Ишей-ага. Мариам не стала лукавить, а прямо заявила, что хочет уйти с детьми жить в Астрахань. Только из стыдливости не сказала, что идёт замуж за уруса. Про это все знали, но деликатно молчали. В качестве откупа Мариам обещалась каждую осень присылать определённое количество мешков проса, кадушек мёда, а также вести переговоры с властями в пользу ногайцев. Спорили долго. Только присутствие отца, уважаемого Бекбулата-мурзы, решило вопрос в пользу Мариам. В скупых словах тот сумел рассказать гостям о положении ногайцев в настоящее время.

— Горе последних лет: войны, голод, чума подорвали могущество ногайцев. Надо теснее сойтись с урусами, надо поддерживать своё единство. Зачем сеять разлад между родственниками: пусть правит Кадыр. Жизнь полна случайностей, вдруг раньше

¹ Ат-чабыс — скачки.

времени призовет Аллах кого-нибудь из соперников к себе? Тогда всё само определится без тайной вражды.

Последней слово взяла Разия-бике, старшая родная сестра Ишей-ага, специально прибывшая на праздник.

— Я первая должна остановить неразумную женщину, которая пошла против обычаев и предаётся чужой вере. Я первая должна прижать к груди родную кровь и спрятать от неверных. Я первая должна кричать на каждом углу о правах моего племянника. Все мы молчим, но каждый знает, к какому порогу прибьётся эта несчастная с тремя детьми. Я могла бы забрать племянника к себе на воспитание или попросить родного отца несчастной килен забрать к себе внука. Но я не буду этого делать. Мир изменился, воздух изменился, земля изменилась, и мы изменились. Как говорят старики: среди хромых хромай! Я скажу: хочешь жить в мире — уважай чужой мир! Пусть уход нашей килен с детьми в Астрахань будет залогом мирной жизни. Мы должны принести жертву Аллаху, чтобы он остановил безумие в Великой степи. Нас учили покоряться воле Всевышнего, а он уже забирал эту женщину к урусам, а потом вернул, а теперь ещё раз забирает. Как речная волна наша жизнь — бьётся о берег и снова уходит назад, никогда не кончаясь. Давайте отпустим эту женщину туда, куда влечёт её судьба.

Потом пошли напутствия, наставления. Так мирно решила дальнейшая судьба Мариам и её детей. Договорились, что они будут каждый год приезжать к родным и жить по несколько месяцев в ауле. Особые наставления касались Суюнча: не менять веру, учить его Корану, не отучать от обычаев...

Больше Мариам никогда не встречалась с отцом и с братьями. Через много лет она узнает, что не ужились родные братья в одном юрте: воинственный Юсуф примкнул к мятежникам, восстал против сына Исмаила-бия, правившего после него, после нескольких лет борьбы он увёл часть отцовского рода к Дону. Эти ногайцы уйдут потом в Крым, где начнут новую главу истории ногайского народа. Младший брат, смиренный Сабир, остался с обезглавленным юртом, с одними стариками, женщинами и детьми. Пришлось ему вести трудную жизнь в седле правления слабым родом. Его потомки сохранили своё имя, не растворившись в течении времени.

Мариам щедро раздавала соседям и родственникам всё, что нажила в ауле келечи. Только табун племенных коней она оставила на сохранение, как наследство сына. Рты были зашиты пожертвованиями, если и болтали, то ветер не заносил этот дым в аул. Напоследок Мариам поговорила с Кадыром, попросила у него прощения и объявила о своём решении. Помолчав, отвергнутый жених спросил:

— Ты согласна оставить сына без наследства? Без рода? Ты так любишь этого уруса?

— Не всем дано быть батырами, мырзам! Ты по праву властитель, я спокойна за юрт! Не пристало женщине говорить с мужчинами о чувствах, но знай, что он прошёл из-за меня сто земель. А ты меня не любишь, а хочешь сделать всего лишь хозяйкой.

— Не люблю, ты права! Иди своей дорогой, а я весной сыграв свадьбу, двух сестёр сразу возьму!

Уязвлённая Мариам ответила:

— Смотри не надорвись! — и тут же, спохватившись, исправилась. — Дай Аллах тебе счастья и много славных детей! Прости меня, мне идти надо.

Долго вслед уходящей к любимому смотрел гордый ногаец, не стыдясь слёз. Юный, он уже знал цену людям. Если бы он встретил её раньше, чем тот, другой, то не смотрел бы он вслед уходящей любимой.

Мариам и Иван поселились среди астраханских татар в своей юрте, а потом переехали в небольшой деревянный дом. Торговля у Ивана не заладилась, был он не

жаден и не оборотлив. Когда началось строительство Астраханского кремля, пошёл он в строители. Так бывший ловец и купец стал каменщиком. Мариам опять переименовали в Анну, уже по-православному, старших детей крестить не стали, остались они в своей вере.

— Сами решат, когда вырастут! — так решил Иван, но других двух девочек и мальчика, которые родились в Астрахани, окрестили в новом соборе.

Сразу несколько родов ведут начало от того союза: Суюнчалиевы, Селимовы, Ивановы, Мироновы.

Об этом пели дочери, одна крещёная, другая — мусульманка, словами матери:

«Материнская грудь — начало реки,

реки новой жизни большой!

Мать свою береги, честь свою береги,

береги от врагов край родной!

Будут братья с тобой,

будут сёстры с тобой,

будет с тобою Бог!

От любви золотой,

Что навеки с тобой,

зарождается жизни срок!»

ЭПИЛОГ

Ногайская орда в конце XVI века пережила своё могущество. Выносливые ногайские кони потеряли свой стремительный бег, орда рассыпалась, как истлевший ствол дерева. Внутриплеменная вражда за власть, чума, суровые зимы, политика крымских и русских властителей — всё это подточило былую славу степей, бывшее единство ногайского народа. Если бы сумели сплотиться под железной рукой одного из биев, если бы выбрали все одну цель, то не было бы такого печального конца. Набеги врагов, чума, природные бедствия... Нужно ли перечислять все потери моего народа? Всё это в прошлом! История каждой страны может развернуть свой свиток побед и поражений. А сколько народов кануло во тьму, оставив после себя только имя и сказы! Река забвения — самая тёмная река.

А ногайцы не оставили этот мир: пробились через подрубленный корень новые ростки: часть ногайцев ушла в Крым, где доньне сохранились древние обычаи, у подножия Кавказа звучит ногайская речь, в Астраханской области возрождаются традиции предков, даже в Турции прижилась ногайцы... Сибирь, Урал, Поволжье...

Велика Степь, велика Ана-Эдил! Эдил-Идиль-идль.

И бежит, и бежит Волга-Итиль через многие земли, переливает от берега к берегу свои бесконечные воды. И бьётся огоньком вдоль всего пути человеческая жизнь, то вспыхивая зарницей, то горя огромным кострищем. А без того и река пуста. Жизнь полнится жизнью.